

FORGOTTEN REALMS

ОСАДА

Возвращение Архимагов • Книга 11

ТРОЙ ДЕННИНГ

АВТОР РОМАНА «ВЫЗОВ»

Грозящие затронуть весь мир планы Шейда начинают обретать форму. В сердце Великой Пустыни возникает новая империя.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**Forgotten Realms**". Перевод выполнен на некоммерческой основе и не предназначен для продажи.

Переводчик: **Борис Маслов**

Редактор: **Алинка Назарова**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка: **nikola26**

Если во время чтения Вы обнаружили какие-то огрехи, замечания, стилистические неточности, то прошу отписать о них на shadowdale.ru.

Регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

Спасибо!

ТРОЙ ДЕННИНГ

Возвращение Архимагов

«ОСАДА»

Филу Этансу
За службу за пределами призыва

Теневой Кризис

Его «теневое я» было столь же коварным, сколь и темным, оно всегда заставляло его видеть бесчестные мотивы в действиях окружающих, и с некоторых пор он все больше злился на голодный взгляд Эсканора, когда тот обращался к Вале. Возможно ли, что Галаэрон послал фаэримма к Эсканору не потому, что хотел быть уверенным, в его смерти, а потому, что его «теневое я» хотело видеть, как принцу причинят вред?

Общий враг

— Может быть, они не знают, где мы, — предположила она. — А может, они просто не смогли сюда добраться. Не каждый может просто превратиться в тень и проскользнуть в трещину.

— Сколько времени им понадобилось, чтобы захватить Шараэдим? Пять дней — пять дней, чтобы забрать то, что Эвереска хранила пятнадцать веков. — Чья-то рука опустилась на край каменной пластины, разбив ее вдребезги и швырнув на молочное дно озера. Он, казалось, ничего не заметил.

— Если я найду это место, то и *они* найдут его.

Летающий город

Ведьма посмотрела на Хадруна. Он посмотрел на нее янтарным пламенем, затем повернулся к Галаэрону и сказал: — Анклав движется.

— Двигается? — эхом отозвался Галаэрон.

— Он всегда движется. Глубже в пустыню, — уточнил Хадрун.

— Подальше от Эверески. Вот почему...— Предатели! — Галаэрон рванулся к сенешалю, но тяжело рухнул на землю, а Вала упала ему на спину:

— Ты обещал!

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить Эрика Бойда за его большой вклад в эту серию, весь книжный отдел WotC за их дополнительные усилия в этом направлении, а также Андрию Хейдей за ее необычайное терпение и поддержку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

26 Тарсака, Год Дикой Магии (1372 по Л.Д.)

Двадцать Лордов-Шейдов стояли по грудь в озере, которое никогда прежде не знало цвета света, вытягивая пряди тени с молочного дна и соединяя их в занавес непроглядной тьмы, свисающий с усеянного тысячами игл потолка пещеры. Если не считать ряби грязи, смывавшейся с их поношенных плащей, вода была прозрачной, как воздух, и тысячи известняковых пещерных жемчужин блестели на дюймовых отмелях вдоль берега. Еще дальше, в самом центре бассейна, из прозрачных глубин поднимался сад белых волшебных стеблей и цвел на поверхности ковром из алебастровых кристаллов. Из сотни чудес природы, которые видела Вала Торсдоттер с тех пор, как покинула свой дом в Ваасе, это было самым одиноким и жутким, самым запретным для человеческих глаз.

— Ты же знаешь, это все разрушит.

Галаэрон Нихмеду сидел на корточках рядом с Валой, наблюдая за работой повелителей теней. Высокий и крепко сложенный для лунного эльфа, он обладал бледной кожей и царственными чертами лица, характерными для его расы, но два десятка лет на посту стражи гробниц вдоль границы пустыни на юге сделали его лицо достаточно грубым и обветренным, чтобы считаться красивым даже по ваасским стандартам.

— Разрушит что? — спросила она.

— Озеро, — объяснил Галаэрон. — Грязь, смываемая с их одежды, осядет на пещерные жемчужины и не даст им расти. Масло от их тел проложит свой путь в минералы и разрушит их. Через сто лет это будет просто еще одна грязная дыра.

Вала пожала плечами. — Это для благого дела.

— Ты говоришь как человек, — в голосе Галаэрона было больше раскаяния, чем злобы. — И я с этим согласен. Насколько это грустно?

— Не так грустно, как жалеть себя, — резко ответила Вала.

Эльфы поклонялись красоте как богу, но на кону стояли более важные заботы, чем озеро, которое никто никогда не видел, и она не могла позволить его разрушению погрузить Галаэрона в одно из его унылых состояний.

— Если бы мы могли спросить Дуирсара, чего он хочет, я уверена, что он сказал бы нам идти вперед.

— Он сказал бы нам, чтобы мы нашли другое место для завершения Сращивания или не заканчивали вообще. Эльфы не уничтожают сокровища природы, чтобы спасти свои собственные.

Вала закатила глаза.

— Галаэрон, ты же знаешь, что это единственный выход. Если фаэриммов не сдержат, они уничтожат не только это озеро. Гораздо больше.

— Иметь единственный путь редко означает делать что-то правильным путем.
— Галаэрон оглянулся на озеро, наблюдая, как повелители теней плетут свой темный занавес, затем положил руку на плечо Валу. Но что сделано, то сделано, — сказал он.
— Ты можешь перестать беспокоиться обо мне.

— Конечно, могу, — сказала Вала. — Однажды.

Ее взгляд проследил за взглядом Галаэрона на другом берегу озера. Пещера была освещена тремя магическими светящимися шарами, парящими среди сталактитов. Повелители теней, работающие непосредственно под ярким светом, выглядели почти как люди, со смуглой кожей, темными волосами и глазами цвета драгоценных камней. Другие, трудящиеся в тусклых границах или в тени, больше походили на силуэты, их гибкие тела изгибались и вытягивались в призрачные завитки, когда они наклонялись, чтобы выдернуть темные нити из воды. Они сплетали три нити вместе, придавали ей легкое вращение, а затем соединяли ее с бахромой занавеса. После полудюжины соединений они вплетали в волокна несколько нитей теневого шелка и произносили таинственное слово, а темный туман заполнял пустые пространства и затвердевал в полупрозрачную вуаль мрака. Галаэрон и Вала молча наблюдали за ними еще четверть часа, потом Галаэрон сказал:

— Они хитрые, эти шадовары.

— Это тебя удивляет?

— Они всегда удивляют меня. — Галаэрон указал на темный занавес, — Ты видишь, как они поворачивают волокна обратно к себе?

Вала неуверенно кивнула. — Вижу, но я не понимаю магии.

— Пространственное искривление, — объяснил Галаэрон, — чтобы сделать теневую раковину односторонней.

Вала непонимающе посмотрела на него.

— Это значит, ничто не может уйти, — сказал он. — Все, что попадает в область тени, проходит весь путь вокруг раковины и выходит оттуда, где вошло. Это все равно, что пройти через калитку и все время возвращаться в один и тот же сад.

— В Ваасе не так уж много садоводства, — заметила Вала, пытаясь осмыслить идею искривления пространства. — Ты можешь сказать это, просто наблюдая?

Галаэрон искоса взглянул на нее. — Магия не так уж и сложна.

Выражение его лица стало отстраненным и мрачным, и он всмотрелся сквозь незаконченный занавес в черную глубину за ним.

— Если я могу это понять, то и они тоже.

— Они, Галаэрон? — спросила Вала.

Ей не понравилось, что Галаэрон сделал ударение на слове «они», и выражение, появившееся в его глазах.

— Шадовары?

— Нет. — Галаэрон коснулся двух пряжек, и его кольчуга, изготовленная мастерами Эверески, ослабила облегающие объятия. — Они. Ты знаешь. Он продолжал говорить, снимая доспехи. — Они там, где-то там, в темноте.

— Кто, Галаэрон? — спросила Вала, больше озабоченная тем, что случилось с Галаэроном, чем тем, что скрывалось в темноте. Фаэриммы?

Галаэрон кивнул.

— Гигантские чешуйчатые слизняки, которые были здесь в темноте долгое время, до тех пор, как я почувствовал дыхание пещеры, до тех пор, как я последовал за этой маленькой трещиной сюда, в это место, которое никто никогда не покидал.

Он позволил своим кольчужным штанам звякнуть о землю, а затем вошел в воду, с каждым шагом расшвыривая ногой пещерный жемчуг.

— Они были там тогда, — сказал он, — и сейчас они там, прячутся в темноте, их хвосты просто жаждут всадить кому-нибудь яйцо.

— Галаэрон, ты же знаешь, что этого не может быть. — Вала возилась со своими пряжками, пытаясь снять тяжелую чешуйчатую кольчугу. — Подожди!

Она злилась на себя за то, что была застигнута врасплох; она видела, как он впадает в уныние, но позволила себе поддаться его заверениям.

— Галаэрон, ты все выдумываешь.

Он полуобернулся с диким выражением в глазах и бросил через плечо:

— Ты же знаешь, Вала, как они любят откладывать яйцо в кишки какого-нибудь негодяя и смотреть, как оно растет, пока не станет размером с его руку и не заберется ему в глотку. Им это нравится. Это единственное, что они вообще любят.

Вала позволила своим доспехам звякнуть о камень и плюхнулась вслед за ним, ее голени все еще были прикрыты поножами.

Перемены никогда еще не были такими безумными.

— Здесь нет никаких фаэриммов, — крикнула она достаточно громко, чтобы привлечь внимание Шадовара. — Принц Эсканор проверил.

— Нет, он этого не сделал. Недостаточно хорошо.

Галаэрон опустил подбородок, когда дно ушло под ним, затем снова всплыл на поверхность и поплыл к занавесу.

— Они там, снаружи. В этом есть смысл. Они *должны* быть там.

Вала добралась до обрыва и поплыла за ним, наполовину брассом, наполовину пешком, потому что вес ее поножей мешал ей поднять ноги на поверхность.

— Может быть, они не знают, где мы, — предположила она. — А может, они просто не смогли сюда добраться. Не каждый может просто превратиться в тень и проскользнуть в трещину.

Галаэрон легко откатился назад. — Сколько времени им понадобилось, чтобы захватить Шараэдим? Пять дней. Пять дней, чтобы забрать то, что Эвереска хранила пятнадцать веков.

Чья-то рука опустилась на край тонкой минеральной пластины, разбив ее вдребезги и швырнув на молочное дно озера. Он, казалось, ничего не заметил.

— Если я смог найти это место, то и *они смогут* найти его.

— Есть разница между «мочь» и «быть», эльф.

Потребовалось мгновение, чтобы узнать скрипучий голос. В то время как принц Эсканор был в десяти местах от них, соединяя пряди в теневой занавес, его магия заставляла его звучать так, как будто он был в воде рядом с ними.

— Если бы фаэриммы были здесь, они бы уже напали.

— Фаэриммы *здесь* — они должны быть, и они напали? — спросил Галаэрон, глядя на принца. — Нет, не напали. Значит, ты ошибаешься. Абсолютно ошибаешься.

Медные глаза Эсканора вспыхнули.

— В чем я ошибаюсь, эльф? — Он начал пробираться к ним, силуэт размером с жука, очерченный серебристым магическим светом. — Объяснись.

Галаэрон выглядел так, словно собирался ответить, затем он склонил голову набок и, пройдя на расстоянии вытянутой руки от изумленного повелителя теней, исчез в проломе занавеса. Вала последовала за ним так быстро, как только могла, но стальные поножи на голених заставили ее замедлить шаг. Эсканор, тоже плывя, обогнал ее в проломе. Она съежилась от того, что могло последовать дальше. Нельзя игнорировать принца Анклава Шейдов. Вала прошла в щель и обнаружила, что они стоят на мелководе, тесно прижавшись друг к другу: худощавый Галаэрон погрузился в воду по пояс, а Эсканор – по колено. Как и все повелители теней, принц был смуглым и сильным, с полным ртом церемониальных клыков и длинным, грубым лицом, которое придавало демоническую ауру уже потусторонней мистике. Они стояли близко друг к другу, разговаривая напряженно, но тихо.

— ... собиратели заклинаний, — говорил Галаэрон. Его голос звучал менее иррационально, но так же напряженно. — Они не напали потому, что хотят посмотреть на Сращивание.

— Ты полагаешь, что они шпионят за нами? — спросил Эсканор.

— Если я могу научиться пользоваться теневой магией, то почему фаэриммы не могут? — Ответил Галаэрон. — Если они понимают это, то они контролируют.

— То, что ты говоришь, само собой разумеется. — Эсканор оглянулся, когда Вала коснулась дна рядом с ними, затем снова посмотрел на Галаэрона.

— Но если бы фаэриммы были здесь, мы бы обнаружили их магию. Они не могут скрыть её от нас.

— Только фаэриммы знают, на что способны фаэриммы, — сказал Галаэрон. Он смотрел мимо принца в темноту, изучая ее, как будто мог найти врага одной лишь силой воли. — И только дурак поверит в обратное.

Глаза Эсканора стали огненно-красными. — Следи за своим языком, эльф. — Только Теневой Кризис оправдывает подобное.

Вала проскользнула между ними, повернувшись спиной к Эсканору и подняв руку, чтобы заставить эльфа замолчать, прежде чем он успеет возразить

— Галаэрон, ты же знаешь. Шадовары убили больше фаэриммов, чем все высшие маги Эверески вместе взятые, а принц Эсканор лично убил троих. Если здесь и есть дурак, то это тот, кто говорит с ним, как с каким-нибудь пикинером Глубоководья, впервые вышедшим за городские ворота.

Упрек заставил Галаэрона замолчать, потому что Вала была единственным человеком в мире, чью преданность он никогда не мог подвергнуть сомнению, единственным человеком в мире, который мог пробиться сквозь перемену, чтобы сказать ему такие вещи. Вместе они путешествовали по темным тропам края тени, сражались с бехолдерами, личами и иллотидами, видели, как их друзья и товарищи умирали ужасными способами, которые невозможно себе представить. Вала стойко выдержала все и ухаживала за ним, когда все было сделано, и это соединило ее с его истинной природой так, что никакой Теневой Кризис не мог помешать. Галаэрон долго смотрел мимо Валу и Эсканора в темноту, потом, наконец, перевел взгляд обратно на Валу и сказал:

— Я не имел в виду, что шадовары — кто-то, кроме лучших воинов. — Он посмотрел на Эсканора, но его глаза оставались далекими и темными.

— Принц прав. Если бы фаэриммы использовали магию, чтобы скрыть себя, я уверен, что ваши заклинания прорицания показали бы, где они прячутся.

Галаэрон на мгновение задержал взгляд на Эсканоре, затем перевел взгляд на потолок пещеры. Принц, казалось, ничего не замечал.

— Хорошо. — Его взгляд даже не оторвался от лица Галаэрона. — Мы почти закончили Срачивание. Эвереска должна продержаться еще несколько месяцев, эльф. Фаэриммы обречены.

— Мой город благодарен Анклаву Теней за помощь, принц, но не стоит недооценивать наших врагов.

Галаэрон нахмурил брови и снова закатил глаза к потолку.

— Я помню, как один из наших высших магов сказал то же самое незадолго до того, как личинка фаэримма вырвалась из его горла.

Это вызвало у принца лишь снисходительную ухмылку.

— Когда же ты научишься, эльф? Мы не ваши высшие маги. — Он перегнулся через Валу и хлопнул Галаэрона по плечу огромной ладонью. — Шадовары готовились к этой войне веками.

Последнюю фразу Вала едва расслышала, потому что усилия Галаэрона привлекли ее внимание к массе известняковых клыков, свисающих над головой, на каждом из которых была капля воды, прилипшая к каменистому кончику. С широкими корнями, сужающимися к острым концам, сталактиты были более или менее похожи на фаэриммов, за исключением того, что у них не было колючей кожи и четырех тонких рук. Только в освещенной зоне их были сотни. Всего три-шесть футов, большинство из них были слишком короткими, чтобы быть фаэриммами, некоторые были настолько длинными, что их плоские кончики фактически касались поверхности озера, но несколько свисали вниз на расстоянии десяти футов. Вале не потребовалось много времени, чтобы найти три с подозрительно сухими кончиками и странными темными линиями там, где их основания прижимались к потолку.

— ... это правда, Вала? — спросил Эсканор.

— Что правда? — Надеюсь, что кровь не отхлынула от ее лица, Вала оторвала взгляд от потолка и постаралась выглядеть спокойной. — Простите. Эсканор неодобрительно приподнял бровь, но сказал:

— Я только что заверил Галаэрона, что мы, шадовары, вряд ли совершим ту же ошибку, что эльфы и глубоководцы.

— Уверен, что нет, — сказал Галаэрон, все еще пытаясь поднять взгляд принца к потолку. Но новые ошибки докажут.

— Редкость, я уверена, — сказала Вала, беря Галаэрона за руку.

Принц должен был распознать сигнал эльфа, и они не осмеливались заходить слишком далеко. Как только фаэриммы поймут, что их обнаружили, они сразу же нападут — и было немного ошибок более серьезных, чем позволить фаэримму нанести первый удар.

— Если вы простите, принц — сказала Вала, — мы позволим вам вернуться к вашей работе.

Эсканор отпустил их легким взмахом руки. — Конечно.

Вала потянула Галаэрона прочь, ее железная хватка не позволяла спорить. Как только они отошли на несколько шагов, повернувшись спинами к подозрительным сталактитам, она отпустила его руку и начала выкручивать пальцы в жестах эвересского говора. *«Ты никогда не заставишь Эсканора поднять глаза»*. Когда Вала произносила это заявление, она старалась быть настороже к любому чужеродному присутствию в своем сознании. Фаэриммы не были настолько искусны в телепатии, чтобы подслушивать мысли человека, не обнаруживая своего присутствия, но никогда не мешало быть осторожными – не рядом с этими врагами. *«Ты уверен, что это были фаэриммы?»*

— Нет, — признался Галаэрон, — *но лучше быть уверенным, что это не так. Ты видела, на что я смотрел?*

— *Замаскированные под сталактиты*, — сказала Вала. Ее темп был медленным и неуклюжим, потому что это был сложный язык, и она занялась его изучением только для того, чтобы скоротать время, пока Галаэрон лежал неподвижно с парой сломанных лодыжек. — *Сухие кончики и темная линия там, где они прижимают свои основания к потолку.*

Галаэрон поднял бровь. — *Я пропустил кончики*, — сказал он. — *Мы не можем рисковать, предупреждая их. Мы должны взять их сами.*

— *Сами?* — Вала погрозила кулаком вниз, чтобы подчеркнуть сказанное. — *Как?*

— *Бери ближайшего*, — указал Галаэрон. — *Брось свой меч. Другого я разнесу теневой стрелой.*

Пальцы Вала двигались медленно и неуклюже. — *Я думала, ты уже закончил колдовать.*

— *У тебя есть другой способ?* — Жесты Галаэрона были такими быстрыми и резкими, что Вала едва могла понять, что он имеет в виду. — *Может быть, ты сумеешь убедить Эсканора, что он ошибается, не опасаясь фаэриммов?*

Вопрос не требовал ответа. Вала не хуже Галаэрона знала, что принца невозможно убедить в том, что он совершил ошибку. У них не было другого выбора, кроме как начать атаку самостоятельно, а это означало, что Галаэрону придется использовать магию теней, чтобы хоть как-то повлиять на фаэриммов, а использование им магии теней означало отдать немного больше себя тьме, которая медленно пожирала его изнутри. Смирившись с болью в сердце, наблюдая, как Галаэрон, которого она знала, скользит еще глубже в тени, Вала коротко кивнула, а затем спросила

— *Что насчёт третьего?*

— *Ты шутишь*, — ответил Галаэрон.

— *Я могу ошибаться, но я не шучу. Один над Эсканором, другой над кристальными наслоениями.*

— *Этого я упустил.* — Пальцы Галаэона упали неподвижно на мгновение, затем он сказал:

— *Мне придется попробовать дверь тени.*

— *Плохая идея*, — сказала Вала, еще более обеспокоенная.

Магия теней была гораздо опаснее для владельца, чем обычная магия Плетения. Если чародей выходил за пределы своих возможностей, он приглашал именно ту тьму, которая уже поглотила Галаэрона. — *Ты и так еле держишься.*

— Тогда хорошо, что ты присматриваешь за мной. Я благодарен, очень благодарен.

Вала отвела взгляд, потом заговорила вслух:

— Галаэрон, нечестно заставлять меня выполнять это обещание... не сейчас.

— Тем не менее, я настаиваю на этом, — голос Галаэрона был тверд. — Когда придет время, ты не должна колебаться.

— Если, Галаэрон.

Они добрались до берега, и Вала села, чтобы снять поножи.

— Если придет время.

Галаэрон отвернулся, не отвечая, и пошел вниз по берегу, отойдя достаточно далеко, чтобы они оба не могли быть поражены одним и тем же заклинанием. Вала оглянулась через озеро туда, где повелители теней как раз закрывали последние бреши в теневой скорлупе. Хотя повелители теней оставили свои доспехи на берегу, все они были вооружены блестящим черным оружием, похожим на темный меч Валы – одна из причин, без сомнения, по которой враг так тщательно скрывался. Два фаэримма, которых заметил Галаэрон, висели примерно в пятидесяти футах друг от друга на внутренней стороне занавеса. На боках их конических тел Вала разглядела ровный узор бугорков, где под затвердевшей известковой грязью, которую они использовали для маскировки чешуйчатых шкур, скрывались шипы. Третий фаэримм, тот, которого не заметил Галаэрон, висел над отростком из кристаллов, примерно в сорока шагах от него, едва заметный на мрачной границе между тьмой и светом. Хотя Вала не могла догадаться, видели ли эти существа достаточно, чтобы одолеть теневую скорлупу, тот простой факт, что они не предпринимали никаких попыток остановить окончание Срачивания, ясно давал понять, во что они верили. Не обнаружив никаких признаков врагов, кроме трех уже обнаруженных, Вала встала и побрела обратно в озеро, направляясь к принцу Эсканору, чтобы не потревожить фаэриммов. Она понятия не имела, как Галаэрон почувствовал присутствие врага – или почему это вызвало перемену – но она была уверена в его выводах. Каждый хороший воин знал цену маскировке, а шипастые были ничем иным, как хорошими воинами. Когда Вала приблизилась на расстояние броска к ближайшему фаэримму, она остановилась и оглянулась. Галаэрон как раз укладывал петлю из теневого шелка на камень рядом с собой. Он оторвал еще одну прядь от матовой ткани, которую держал в руках, затем смочил ее в капле масла для доспехов и посмотрел в сторону Валы. Она кивнула. Он прижал нить к известняковой стене, его губы уже шевелились, когда он произносил заклинание. Пленка маслянистой тени растеклась по потолку, наполняя пещеру мягким, похожим на дождь стуком, когда тысячи капель воды потеряли свою слабую хватку и упали в озеро. Вала выхватила темный меч и одним плавным движением метнула его в ближайшего фаэримма. Остекленевшее черное лезвие прорезало трехфуттовую рану на теле шипастого и застряло в нем, показав лишь рукоять. Пятно на потолке пронеслось над головой. Изумленные фаэриммы один за другим освобождались, затвердевший камуфляж из известковой грязи падал кусками с их извивающихся тел, а их странный язык ветров превращал воздух в свистящие вихри. Фаэриммы ударились о воду почти как один и ушли под ее поверхность.

Эсканор и его повелители теней прекратили работу и повернулись к кольцам брызг, крича друг другу на своем языке и пытаясь понять, что происходит.

— Фаэриммы! — Вала протянула руку к тому, на которого напала, и подумала о своем темном мече – клинок поднялся из воды и полетел обратно в ее руку.

— Их трое!

Она услышала, как Галаэрон нараспев произносит второе заклинание, и, обернувшись, увидела, как он бросает кольцо теневого шелка к тому месту, где третий фаэримм вошел в воду. В двух дюймах над поверхностью появился диск черной тени. Вала отвлеклась, когда испуганные фаэриммы активировали свою способность к левитации и начали подниматься из воды. Двое ближайших к скорлупе подошли к изумленным повелителям теней, которые быстро доказали истинность хвастовства Эсканора, атаковав их теневой паутиной и темными мечами. Даже застигнутые врасплох, фаэриммы отреагировали как ужас, которым они и были, выпустив шквал огненных ударов и молний, которые оставили дюжину шадовар мертвыми в темнеющих водах. Пара опаленных повелителей теней выскочила рядом с Валой, их руки и ноги были оторваны силой удара, который убил их. Вала снова метнула меч, но увидела, как ее цель рассекла падающая стена черного стекла, когда Эсканор высвободил свою собственную магию. Вала оглянулась и увидела, что хвост третьего фаэримма исчезает в круге тени, который Галаэрон поместил над его кольцом брызг. Сам эльф указывал через озеро примерно в ее направлении. Зная, что существо на мгновение потеряет ориентацию, когда выйдет из темной двери Галаэрона, Вала кивнула и потянулась, чтобы вернуть свой меч. Палец Галаэрона переместился в сторону принца Эсканора.

— Нет, Галаэрон! — воскликнула Вала. — Сюда!

Слишком поздно. Третий фаэримм уже появился, ошеломленный и дезориентированный своим головокружительным путешествием по теневому плану. Но Эсканор повернулся, чтобы напасть на другого оставшегося в живых врага, и поэтому этот шипастый появился позади него, а не впереди. Желудок Вала превратился в лед. Принц был, по меньшей мере, в двадцати шагах от нее, и она не осмелилась снова метнуть меч.

Она бросилась к нему, крича:

— Эсканор, за тобой!

Принц в ответ склонил голову набок, но только протянул руку ко второму фаэримму, который обрушил на пятерых его лордов ревущий метеоритный шторм. Шар вращающейся тьмы вылетел из его руки и пронесся сквозь туловище существа, оставив в сердцевине его тела дыру размером с корзину. Существо плюхнулось в озеро и медленно скрылось из виду.

Третий фаэримм уже высовывал хвост из воды в десяти шагах.

— Берегись! — крикнула она.

Темная аура тьмы – скорее магия Галаэрона, догадалась Вала – окутала фаэримма, но заклинание не помешало хвосту существа поймать Эсканора в живот, когда он развернулся, чтобы встретить атаку. Шип опустился на корень, согнув принца пополам и вызвав жуткое бульканье боли. Вала метнула свой темный меч. Клинок трижды кувыркнулся и по самую рукоять вонзился в туловище фаэримма. Существо начало мерцать между материальным и нематериальным, и Вала с

удивлением поняла, что Галаэрон произнес свое заклинание не для того, чтобы защитить принца, а, чтобы поймать фаэримма рядом с ним. Неужели Галаэрон, наконец, был захвачен своей тенью?

Эсканор взвыл от боли и соскользнул с шипа, затем перекатился на спину и со стоном поплыл. Вала вернула себе темный меч и начала поворачиваться в сторону принца.

— Вала, нет! Галаэрон плюхнулся в воду, — фаэримм! Он слишком много знает!

Вала взглянула на принца, который, в отличие от большинства раненых лордов, по крайней мере, парил лицом вверх. Она решила еще немного довериться Галаэрону. Она прыгнула на фаэримма, ее черный меч блокировал хвост, когда тот по дуге направился к ее горлу, отсекая опасный шип у корня. На обратном взмахе она убрала две из четырех рук твари, затем изменила хватку, воткнула лезвие в огромную пасть твари и рассекла ее сбоку. Темная аура вокруг фаэримма исчезла, только чтобы вновь появиться мгновением позже, когда Галаэрон переделал свое заклинание ловушки. Фаэримм снова метался между материальностью и нематериальностью, пытаясь телепортироваться, и снова Вала глубоко вонзила меч в его тело. Он колотил ее одной из оставшихся рук, а другой вцепился ей в горло, пытаясь раздавить трахею. Она ударила его коленом в бок и почувствовала острую боль, когда один из шипов вонзился ей в бедро. Фаэримм начал одолевать ее, притягивая ее лицо к набитой клыками пасти на своих плечах. Она прохрипела в сторону Галаэрона.

Он уже направлял на существо осколок обсидиана и выкрикивал какие-то мистические слоги. Тонкий, как палец, луч тьмы покинул его руку, поймав фаэримма в одну из оставшихся рук и разрубив её по локоть. Вала сломала другую ударом ладони, затем высвободила свой темный меч и сделала три взмаха, распотрошив монстра. Сердце твари выскользнуло из второй раны, продолжая биться. Вала отшвырнула его взмахом клинка, и фаэримм, не шевелясь, упал в воду. Она била снова и снова, не останавливаясь, пока не вскрыла его от хвоста до губы и не оставила плавать в воде, как одетого угря. Галаэрон подошел поближе.

— Ты ранена?

— Я жива. Она встряхнула головой и бросила на себя беглый взгляд, затем оглянулась и обнаружила, что смотрит в пару черных пустых глаз.

— Г... Галаэрон? Сколько заклинаний ты произнес?

Вместо ответа Галаэрон подтолкнул ее к парящей фигуре Эсканора.

— Присмотри за принцем и остальными — сказал он, поворачиваясь и направляясь к теневому занавесу. — Я закончу Сращивание.

ГЛАВА ВТОРАЯ

28 Тарсака, Год Дикой Магии (1372 по Л.Д.)

Город появился перед самым закатом, низко нависая над розовым пустынным холмом, далекий алмаз теневой мглы вырисовывался на фоне пурпурных сумерек восточного неба. Как обычно, его окружали клочья черного тумана, придавая ему вид грозовой тучи, миража или разъяренного джинна. V-образные пятнышки сотен или около того стервятников лениво кружили под городом, гоняясь за постоянным дождем мусора, который падал из мусоропроводов.

— Вот, — сказал Галаэрон.

Хотя прошло уже два дня с тех пор, как он закончил срачивание, ледяное покалывание теневой магии все еще пронизывало его тело – и он жаждал большего, жаждал произносить заклинания, пока не онемееет и не замерзнет с головы до ног, пока не наполнится силой тени и не выйдет за пределы смертной слабости. Вместо этого он указал на плавучий город и сказал:

— Видите его?

— Так далеко? — пожаловался Малик.

Пухлый коротышка с лунообразным лицом и выпученными глазами, Малик эль сами Ин Насер был Серафимом Лжи, любимым слугой злого бога Цирика и удивительно крепким попутчиком, который не раз спасал жизнь Галаэрону.

— Прошу прощения за свое проклятое везение — сказал маленький человечек. — Так уж повелось, что как раз в тот момент, когда я думаю, что хуже и быть не может, приходит несчастье и доказывает, что я ошибаюсь.

— В этой пустыне все выглядит дальше, чем есть на самом деле, — сказала Вала.

Слегка прихрамывая из-за раненого бедра, она начала спускаться по сухой отмели за их спинами.

— Нам лучше поторопиться, а то мы потеряем его из виду, когда совсем стемнеет.

Кивнув, Галаэрон повернулся, чтобы последовать за ним. В качестве меры предосторожности против нападения Анклав Шейдов появлялся лишь на короткое время каждый вечер и всегда в другом месте. Учитывая, что отряд Эсканора не смог закончить Срачивание и поднять теневую скорлупу в назначенное время, имело смысл установить некоторое расстояние между плавучим городом и полями сражений Шараэдима. Предполагая, что им посчастливится добраться до города до того, как он снова исчезнет, Галаэрон только надеялся, что они не станут жертвами какой-либо новой защиты, предназначенной для фазриммов. На дне промоины они обнаружили уцелевших шадовар, готовивших скакунов роты к отъезду. Хотя большинство повелителей теней уже оправились после битвы в пещере, Эсканор получил яйцо, когда его пронзили, и остался без сознания от лихорадки. Чем дольше оно оставалось внутри него, тем труднее было его удалить, но его шансы были намного выше, чем у большинства людей. Шадовары быстро самоисцелялись.

Большинство их ран закрылось в течение часа после битвы, так что казалось вероятным, что принц переживет даже трудное извлечение. Галаэрон последовал за Валою к номинальному лидеру группы при недееспособности Эсканора, лорду с рубиновыми глазами, настолько смуглому, что он больше походил на обсидиановую статую, чем на живого человека.

— Лорд Рафа, — сказала Вала, — мы обнаружили анклав.

— Это хорошо, — Рафа не поднял глаз. Он накручивал длинную нить тени на руки мертвого товарища, используя ее, чтобы закрепить человека в седле. — Мы скоро будем готовы.

Галаэрон и его спутники ждали, что Рафа спросит, где и как далеко находится анклав, или даст понять, что он обеспокоен тем, как быстро доставить Эсканора в город. Рафа не обратил на них внимания.

Наконец Галаэрон сказал:

— Анклав далеко. Вы, возможно, захотите, отправить Эсканора вперед.

Шадовар зафиксировал свой рубиновый взгляд на Галаэроне.

— Беспокоимся за принца, не так ли?

— Конечно, — сказала Вала.

— Очень беспокоимся, — согласился Малик.

Он на мгновение заколебался, потом не смог удержаться и добавил:

— Но мы еще больше беспокоимся о себе. Мы знаем, кого обвинят, если он умрет.

Это вызвало кислую улыбку у повелителя теней. Как и все в компании, Рафа знал, что Малик был проклят богиней Мистрой, чтобы говорить только правду или ничего. Эта ирония, казалось, доставляла шадовару особое удовольствие.

Рафа хлопнул маленького человечка по плечу.

— Тебе нечего бояться, мой маленький друг. Тебя даже не было на Сращивании.

— Но *ты* был — сказал Галаэрон, гадая, во что играет Рафа. — Ты же знаешь, что я не хотел причинить вреда принцу.

— Я знаю, что видел — сказал Рафа. Ты использовал теневую ловушку, чтобы удержать шипастого в месте рядом с принцем.

— Если бы я позволил этой твари телепортироваться, теневая оболочка вовсе не была бы тюрьмой, — возразил Галаэрон. Эти фаэриммы были там, чтобы узнать её секрет, и то, что они обнаружили, было важно, иначе они напали бы на нас задолго до того, как я нашел их.

Рафа обдумал это, затем его голос стал тихим и угрожающим.

— Откуда ты так много знаешь о фаэриммах, эльф? Почему ты смог найти их, когда двадцать повелителей теней не смогли? Галаэрон посмотрел в сторону.

— Не могу сказать почему, — признался он. Просто мне показалось правильным, что они там будут.

— Просто казалось правильным, — с сомнением повторил Рафа.

— Я думаю, его тень знала — сказала Вала. — Он ничего не говорил о них, пока его «тенивое я» не заявило о себе.

Рафа нетерпеливо покачал головой. — «Тенивое я» – это всего лишь отсутствие того, чем является человек, более темный образ самого себя, который он создает, просто будучи тем, что он есть. Он не может знать больше, чем его создатель, не больше, чем его создатель может знать его. Галаэрон пожал плечами.

— Тогда я не могу этого объяснить — сказал он. — Просто у меня было предчувствие, что они там будут, и я оказался прав.

— И рисковать жизнью принца Эсканора? — спросил Рафа. — У тебя просто было такое предчувствие?

— Я должен был сделать это, чтобы спасти барьер — сказал Галаэрон. — Я знал это точно так же, как знал, что фаэримм попытается телепортироваться.

Рафа покачал головой. — Ты не можешь быть уверен, — настаивал он. — Твое «теневое я» держит тебя в своих руках. Твое мышление могло быть подорвано.

— Но я *уверен*, что ему нужен целитель. И скоро, — перебил его Галаэрон. Этот Рафа был хитрецом, обвиняя Галаэрона в попытке причинить вред принцу, и впустую тратя драгоценное время.

— Если только у вас нет причин откладывать? Может быть, вы хотите посмотреть, как Эсканор откладывает яйцо с шипами?

Глаза Рафы вспыхнули от рубинового до бело-оранжевого.

— У меня нет ничего, кроме любви ко всем принцам Шейда, эльф.

— Тогда не будет ли разумно, если кто-нибудь немедленно вернет его в анклав?

— Так и было бы, если бы принц Эсканор мыслил достаточно ясно, чтобы сообщить нам сегодняшний пароль, — сказал Рафа. — А так, любой, кто попытается проникнуть сквозь тени, окажется на Пустошах Гибели и Отчаяния.

— Значит, мы должны вернуться медленным путем — сказала Вала, вставая между Галаэроном и Рафой, чтобы прекратить дальнейшие споры. — Эсканор может ездить верхом?

— Было бы лучше, если бы он этого не делал — сказал Рафа. — Возможно, ваш друг будет так любезен, что возьмет пассажира.

Повелитель теней махнул рукой в ту сторону, где мрачный каменный великан с печальными серыми глазами стоял на коленях над десятифутовой глыбой кварцита. Он звенел своими скульпторскими инструментами, создавая в натуральную величину модель борьбы между Эсканором и фаэриммом, который ранил его. Хотя работа все еще была грубой, по извилистым формам и волнистым впадинам было очевидно, что он уловил не только детали, но и дух и стремительность битвы, причем не более чем из описания событий.

— Я уверен, что Арис будет рад оказать небольшую услугу принцу, — сказал Малик. — Пока мы наблюдали за лагерем, он много раз говорил, если один раз можно считать за много, что хотел бы быть достаточно маленьким, чтобы сопровождать остальную часть отряда в Подземье и сделать свою часть, чтобы решить судьбу фаэриммов.

— Хорошо. Не будешь ли ты так любезен попросить его за меня? Я сейчас же прикажу принести принца.

Рафа махнул Малику в сторону Ариса, затем повернулся к Галаэрону и Вале.

— Вы можете сказать, какие скакуны ваши? Мы скоро уезжаем.

— Все будет хорошо, — сказала Вала. — Я пометила ногу каждого из наших.

Эта предосторожность не была легкомысленной. Летающие скакуны шадовар, везерабы, были странными, лишенными шерсти существами, у которых не было лиц, и кожа всегда была однородного темно-синего цвета. С четырьмя веретенообразными ногами, веерообразными ушами и парой горгульеподобных

крыльев, сложенных вдоль трубчатых тел, они выглядели как несчастная помесь летучих мышей и дождевых червей. Как только они увлекались всадником, их преданность была абсолютной – до такой степени, что они плевали ядовитыми испарениями в лицо любому, кто пытался сесть на них.

Галаэрон последовал за ней вниз по склону, пока они не нашли трио везерабов с медными повязками на ногах. Вала указала на одного с перевязью на правой передней ноге. Галаэрон осторожно сжал сустав крыла и сунул ногу в стремя. Существо не реагировало, пока он не опустил весь свой вес в седло, тогда, к его большому облегчению, волна удовольствия пробежала по его длинному телу. Через несколько минут Малик вернулся и сел в седло, а Рафа подал сигнал к отъезду.

Везерабы неслись вниз по течению, пока не набрали достаточную скорость, затем расправили крылья и поднялись в воздух в безупречном строю. Многие из повелителей теней были привязаны поперек седел, но только животное Эсканора осталось без седока. Рота восстановила все свои потери и перенесла их через пятьдесят извивающихся миль Подземья обратно на поверхность. Когда они выбрались из воды, огромный купол тьмы поднялся над их плечами на западном краю Анаврока. Даже с дюжины миль в пустыне барьер был огромен, изгибаясь высоко в небо и простираясь на север и юг, насколько хватало глаз. Сквозь его черную полупрозрачность Галаэрон мог разглядеть только сложенные гребни предгорий южной границы пустыни и, маячившие позади, знакомые скалы Высокого Шараэзима. Он не мог не думать о том, что лежало за этими вершинами, о долине и городе Эвереска, и о своей сестре Кейе, в безопасности внутри защитного мифала города. Он прекрасно понимал, что его отцу-воину посчастливилось пережить свой долг и вернуться к ней, но лорд Аобрик Нихмеду был столь же находчив, сколь и храбр, и не было ничего плохого в том, чтобы молиться об этом. Как только везерабы поднялись достаточно высоко, чтобы не быть застигнутыми врасплох атакой с земли, Арис поднялся в воздух на древнем незересском летающем диске. Хотя бронзовое блюдо не было ни таким быстрым, ни таким маневренным, как везераб, оно было способно нести не только вес гиганта, но и вес раненого принца, его походного шатра и наполовину законченной статуи Ариса. Его единственным недостатком было то, что Арис не мог защитить себя в воздушном бою. Диски были спроектированы как боевые платформы для незересских архимагов, а не для каменных великанов-жрецов. Когда отряд выровнялся и взял курс на темный силуэт Анклава Шейдов, строй начал ослабевать, давая везерабам возможность расслабиться и расправить крылья. Существа не столько летали, сколько плыли в атмосфере, потянувшись вперед, чтобы схватить кусочек воздуха, а затем проплывая мимо. Турбулентность и скользкие потоки, создаваемые плотными образованиями, затрудняли удержание в воздухе при этом странном движении, поэтому они обычно делились на более мелкие группы и летели бок о бок, путешествуя на большие расстояния. Вала и Малик остановились по разные стороны Галаэрона, разделенные примерно тридцатью футами. Даже если бы они были достаточно близко, чтобы говорить спокойно, шум крыльев везераба сделал бы невозможным их услышать. Они продолжали двигаться к сумеркам, имея в компании только свои собственные мысли, предоставив своим скакунам вести курс к анклаву, наблюдая за назначенным им кусочком неба. Хотя большинство фаэриммов были заперты внутри теневой оболочки, их слуги и рабы оставались свободными и

готовыми напасть в любое время. Дважды Рафа посылал летунов преследовать и убивать людей-ящеров асаби, чтобы они не искали большую компанию, и однажды им самим пришлось скрыться в тени под длинной линией утесов, когда Вала заметила сферы размером с блоху далекого отряда бехолдеров, подпрыгивающих на лице луны. Галаэрон провел большую часть пути, размышляя над горькими словами, которые прозвучали между ним и Рафой. Когда они достигнут Анклава Шейдов, лорд явно намеревается обвинить его в том, что случилось с Эсканором, и часть Галаэрона даже задавалась вопросом, можно ли это оправдать. Его «теневое я» было столь же коварным, сколь и темным, оно всегда заставляло его видеть бесчестные мотивы в действиях окружающих, и с некоторых пор он все больше злился на голодный взгляд Эсканора, когда тот обращался к Вале. Возможно ли, что Галаэрон послал фаэримма к Эсканору не потому, что хотел быть уверенным в его смерти, а потому, что его «теневое я» хотело, чтобы принцу причинили вред? От этой мысли по спине Галаэрона пробежала дрожь, поскольку это означало, что тьма начала вторгаться в его действия, а также в его восприятие. Однако эта мысль вылетела у него из головы так же быстро, как и появилась. Принц уже убил одного фаэримма и собирался убить второго, так что было бы разумнее послать и третьего. Кроме того, если он действительно думал об этом, Эсканор заслужил то, что произошло. Если бы он с самого начала послушался Галаэрона, рота была бы готова к атаке, и...

— Нет.

Галаэрон произнес это слово вслух и, встревоженный тем, насколько мощной становится его тень, покачал головой. Рационализация прошла так гладко, чувствовалась так естественно, что он почти принял ее за свою собственную. Ему придется поговорить об этом с друзьями, как только они приземлятся. Арис предположил, что лучший способ бороться с влиянием своего «теневого я» – это быть полностью открытым в том, что он думает и чувствует, и позволить мнению своих друзей направлять его. Пока, пока он не слушал Малика, стратегия каменного великана не только работала, но и позволяла Галаэрону более или менее контролировать себя. Это также приблизило его к Вале, что, вероятно, было разумно, учитывая мимолетную и напряженную природу человеческих жизней. Размышления Галаэрона оборвались, когда везерабы издали пронзительный визг и резко начали подниматься. Наступила ночь, и было так темно, что он мог ясно видеть не более чем в шестидесяти футах перед своим лицом, но свет звезд наверху был заблокирован маячащей фигурой Анклава Шейдов. Вскоре несколько летучих мышей из растущей колонии на нижней стороне анклава начали порхать вокруг их голов. Рафа снова собрал отряд в плотный строй, и над их головами появились темные скалы опрокинутой горной вершины. Они кружили вокруг воронкообразного пика по постоянно растущей спирали, обмениваясь безмолвными приветствиями со сверкающими глазами часовых, наблюдавших из скрытых уголков и трещин. Наконец они подошли к Воротам Пещеры, скрытым в глубокой тени под массивным навесом и почти невидимым даже для темного зрения Галаэрона. Везерабы забрались так близко к крыше, что всадникам пришлось наклониться вперед и плотно прижаться к мясистым спинам существ. Затем, один за другим, везерабы издали короткий визг, плотно прижали крылья к телу и нырнули в квадрат пустоты, такой темный, что Галаэрон не мог отличить его от самих черных врат. Он почувствовал, как его рукав

коснулся края ворот, затем воздух стал душным и теплым, и он понял, что они вошли в обширный Двор Крыла. Его скакун по спирали спустился в тускло освещенный мезонин и приземлился в строю, в шести местах позади Рафы и между Валою и Маликом. Галаэрон был поражен, увидев принцев Ривалена, Бреннуса и Ламорака, стоящих во главе посадочной площадки с полным отрядом воинов-теней. Следуя за Рафой и остальными шадоварами, Галаэрон соскользнул с везераба и опустился на колени, прижавшись лбом к холодному камню. Он бросил опасливый взгляд в сторону Валы и увидел, что она так же нервно смотрит на него, но ни один из них не осмелился задать этот вопрос. Когда остальные всадники спешили и заняли такие же позиции, Галаэрон почувствовал, что принцы и их стражники приближаются. Не было слышно ни звука: ни топота ног, ни звона доспехов, ни даже шороха сапог по холодному камню – только нарастающее чувство неподвижности и тревоги. Наконец, низкий голос принца Ривалена прозвучал не далее, чем в десяти шагах впереди.

— Кто здесь командует?

— Я — ответил дрожащий голос Рафы.

Он стоял и тихо ахал, потом описал то, что произошло на подземном озере, объяснив, что он видел собственными глазами и что ему сообщили другие. Когда Рафа перешел к нападению на принца Эсканора, он позаботился сообщить только факты, хотя его кислый тон ясно дал понять, по крайней мере Галаэрону, на кого он пытается возложить вину. Повелитель теней закончил, сообщив об успешном завершении срачивания и высказав мнение, что фаэриммы, пойманные в ловушку внутри Шараэдима, погибли в течение нескольких месяцев.

— А что же Эсканор?

Голос, задавший этот вопрос, был свистящим и всепроникающим, как шепот, эхом отдающийся в комнате из какого-то далекого коридора.

— Где он сейчас?

— На летающем диске с местным великаном, — доложил Рафа.

Как и сам Арис, летающий диск был слишком велик для ворот, которые открывались в коридор, ведущий вниз, во Двор Крыла. Каменному гиганту придется подождать за Воротами Пещеры, пока они не откроются, а затем приземлиться на Большой Плац.

— Высочайший, — сказал принц Бреннус, — я вызову целителя и позабочусь о нашем брате.

Если и был ответ, то Галаэрон его не услышал. Воздух стал холодным и неподвижным, и он почувствовал, что кто-то стоит над ним.

— Это ты держал фаэримма рядом с Эсканором? — спросил тот же слабый голос, что и раньше.

Галаэрон начал было поднимать голову, но потом, после прошипевшего: «ты с ума сошел?» от Малика, передумал и снова прижался лбом к полу.

— Так и есть, Высочайший.

— И зачем ты это сделал? Голос звучал скорее заинтересованно, чем сердито.

— Чтобы он не сбежал вместе с секретом барьера.

Галаэрону не нравилось разговаривать с полом, и он не мог сдержать раздражения, которое сквозило в его голосе.

— Вот почему фаэриммы были там, чтобы узнать, как обойти барьер, чтобы потом захватить Анклав Шейдов врасплох.

— Правда? И откуда ты это знаешь?

— Точно так же, как я знал, что они там, — ответил Галаэрон. — По правде говоря, я и сам себя не понимаю. Все, что я могу сказать, это то, что я знал. Голос по-прежнему молчал.

— Это просто имело смысл — сказал Галаэрон, уверенный, что голос требует дальнейших объяснений, так же как и он сам, если не сумеет их дать.

— Они должны были знать, что мы делаем, и не могли этого допустить. Должно быть, они что-то задумали.

— Это объясняет, почему ты держал фаэримма рядом с Эсканором? — спросил голос.

Галаэрон начал было соглашаться, но потом понял, что голос хочет совсем другого. Оставалось еще ответить на один вопрос.

— Принц только что убил одного фаэримма, — объяснил Галаэрон. —

Я думал, ему будет легко убить еще одного, особенно когда он будет ошеломлен телепортом.

И снова наступила тишина.

— Единственное другое место, куда можно было послать его, была Вала, — сказал Галаэрон. — Я подумал, что *если* это и убьет кого-то, то лучше Эсканора, чем ее.

— Глупый эльф! — закричал Малик, забывшись и подняв голову. — Подумай, что ты говоришь, прежде чем получишь...

Возражение закончилось глухим стуком рукояти алебарды, ударившей по закутанной в ткань голове Малика. Галаэрон оглянулся и увидел, что маленький человек лежит без сознания, но все еще дышит.

— Ты борешься со своей тенью, не так ли, эльф?

— Проигрываю, я думаю, — сказал Галаэрон. На этот раз ему понадобился лишь намек на молчание, прежде чем он понял, что должен продолжать. — Принц Эсканор смотрел на Валу. Мне это не понравилось.

— А.

Галаэрон почувствовал на себе тяжесть взгляда Валу и попытался не отрывать глаз от пола, но голос оставался безмолвным, и в конце концов он почувствовал себя вынужденным посмотреть в ее сторону. Он обнаружил, что она ответила на его взгляд, насколько это было возможно, с выражением удивления и триумфа в изумрудных глазах.

— Здесь не о чем беспокоиться. — Голос звучал весело. — Тени по своей природе непобедимы и непознаваемы. Вы можете победить их, только победив себя.

Снова тишина, но на этот раз Галаэрон не чувствовал необходимости говорить. Воздух стал душным и менее неподвижным, и Галаэрон почувствовал, что снова может дышать, когда голос заговорил на этот раз, он был уже далеко.

— Хадрун позаботится о том, чтобы тебя и твоих спутников поселили рядом с дворцом. Если я хочу не потерять больше ни одного из моих принцев, я должен научить тебя, как жить с твоей тенью.

Не зная, хорошо ли это, но надеясь на это, Галаэрон начал поднимать голову, и почувствовал на затылке острие алебарды. Он снова коснулся головой пола.

— Что будет соответствовать твоему утверждению, не так ли, эльф?

— Конечно, — сказал Галаэрон.

Сердце его колотилось, то ли от радости, то ли от страха, но определенно от волнения.

— Спасибо.

Молчание, тяжелое и выжидательное.

— И, конечно, я отплачу вам, чем смогу.

— Хорошо, Галаэрон, — сказал голос. — Теперь мы понимаем друг друга.

Месяц Тарсак почти миновал, и в Глубоководье быстро приближалось Зеленоотравье, с востока ревела свирепая метель, била в оконные стекла своими яростными ветрами и роняла еще больше снега на город, уже погребенный под дверные молотки. И это была не та мокрая жижа, что дует с моря в начале каждого праздника. Это был игольчатый снег, крошечные копыя ледяных кристаллов образовались над высоким льдом и пронесли по континенту воющими стенами стужи. Не было никакой перспективы, что он растает в ближайшее время. Таяние требовало теплых бризов и яркого солнца, и самое близкое к тому, что Глубоководье видело за последние три месяца – это непрерывный поток жемчужных грозовых облаков, несущихся по небу. Дела пошли так плохо, что городская стража покрыла замерзшую гавань горами снега, лесорубы не могли удержать дым в городских трубах, а местные фермеры еще не успели обработать свои замерзшие поля. Вкратце, Глубоководье столкнулось со стихийным бедствием наихудших масштабов, что и сделало новости, принесенные принцем Агларелом, такими случайными и подозрительными, по крайней мере для тех, кто знал, как работают такие вещи. Шадовар стоял перед Пьергейроном Паладинсоном и семьей Лордами в Масках, его глаза сверкали серебром, а клыки, присущие правителям шадовар, сверкали белизной, когда он обращался к внушительному собранию в величественном зале дворца с мраморными стенами. Помимо Пьергейрона и Лордов в Масках, на собрании присутствовали сестры Серебряная Рука, Шторм и Лазраль, Лорд Тереал Диндарил с острова Эвермит, Лорд Джервас Имесфор из Эверески и неизбежное множество зевак, которых можно было ожидать, когда такая группа сановников собиралась вместе. Если Агларел и знал о силе и влиянии тех, к кому обращался, то его непринужденные манеры и уверенный голос не выдавали этого знания. Огромный и смуглый, с массивным лицом и длинными черными волосами, он носил развевающуюся черную мантию и пурпурный плащ, который почти придавал ему вид парящего, когда он шагал взад и вперед за подиумом, время от времени подчеркивая точку, пронзая воздух черным когтем, который больше походил на осколок обсидиана, чем на человеческий ноготь.

— Шараэдим стал тюрьмой фаэриммов, — говорил принц. — Теперь, когда мои люди завершили создание теневого барьера, самое мудрое – подождать и позволить ему сделать свою работу.

— Возможно, самое мудрое для вас, людей, — сказал лорд Имесфор.

Хотя он был могущественным и уважаемым лордом Эверески, он был иссохшей и дряхлой оболочкой эльфа, чьи пальцы были так сильно искалечены группой похитителей фаэриммов, что он едва мог одеться, не говоря уже о том, чтобы произнести заклинание.

— А как же эльфы, все еще запертые в Эвереске? А как же наши земли?

— Враг уже опустошил ваши земли. Барьер ничего не изменит, —

ответил Агларел. — Что касается ваших эльфов, осажденных в Эвереске, мы можем только надеяться, что доберемся до них раньше фаэриммов.

— Мы не доберемся до тех, кто прячется за этим твоим тeneвым барьером, — сказал Тереал Диндарил.

Относительно высокий даже для золотого эльфа, он имел изможденное лицо, которое делало его и без того кислое выражение абсолютно горьким.

— У нас нет времени морить фаэриммов голодом. Мы должны довести борьбу до их конца!

— Вы знаете, как это делается, Лорд Диндарил? — спросил Агларел. Учитывая обвинительный тон Диндарила, голос принца оставался на удивление сердечным.

— Если у эльфов есть более быстрый способ победить фаэриммов, шадовары готовы помочь.

Льняные щеки Диндарила потемнели до янтарного.

— Мы работаем над несколькими идеями, но пока я ничем не могу поделиться.

— Значит, когда придет время, — без тени недоверия произнес Агларел. — Пока, барьер остается нашим лучшим выбором. Пожалуйста, посоветуйте своим командирам держаться от него подальше. Те, кто соприкоснется с ним, потеряют все, чем он коснется, и любой, кто использует магию Мистры на нем, ничего не добьется, но вполне может пожалеть о результатах.

— А почему бы и нет? — спросила Шторм Серебряная Рука.

Поразительная женщина с серебристыми волосами, ростом более шести футов, Шторм была одета в облегающие кожаные доспехи и вооружена для битвы. Хотя она жила за полконтинента отсюда и явилась на собрание без приглашения, Пьергейрон тем не менее приветствовал ее присутствие. Когда имеешь дело с одним из Избранных Мистры, это обычно самое мудрое решение.

— Никому здесь нет дела до твоих угроз шадовар, — добавила Шторм.

— Вы не поняли, леди Серебряная Рука, — сказал Агларел.

Он, вероятно, хотел, чтобы его улыбка казалась снисходительной, но кончики клыков, достающие до нижней черты черной губы, делали ее еще более зловещей.

— Шадовары никому не угрожают. Я просто информирую лордов Пьергейрона и Диндарила об опасностях барьера.

— Что это за опасности? — прошептала Делия Белая, одна из Лордов в Масках Глубоководья. Как и у других Лордов в Масках, ее личность была скрыта под

магическим плащом, шлемом и маской, и ее слова могли слышать только Пьергейрон и ее товарищи по совету.

— *Знание об этих опасностях принесет нам мало пользы, если мы не узнаем, что именно нам угрожает.*

— В чем, собственно, заключается природа этих опасностей? — спросил Пьергейрон.

Это была его обязанность, как Открытого Лорда, служить в качестве общего лица совета и говорить за других в общественных местах.

— Нам мало пользы знать о них, не понимая, что они из себя представляют.

Агларел бросил многозначительный взгляд через плечо на зевак в общественной галерее.

— Было бы неразумно раскрывать природу теневого барьера в настоящее время, — сказал он. — Достаточно сказать, что мы все знаем, что происходит, когда магия простого Стража Гробницы попадает в заклинание тени.

Вместе с Делией Белой и несколькими другими, Пьергейрон поймал себя на том, что кивает. Вся эта неразбериха началась, когда патруль Стражей Гробницы Эверески прервал встречу между могущественным шадоварским магом и тем, что эльфы приняли за отряд человеческих грабителей гробниц. Фаэриммы были привлечены звуками возникшей суматохи, и во время последовавшей ужасной битвы магия лидера патруля, основанная на Плетении, столкнулась с теневой магией шадовар. Никто по-настоящему не понял, что произошло дальше, за исключением того, что результат пробил дыру в мистическом барьере, который держал фаэриммов в плену под Анавроком более полутора тысяч лет.

Позволив слушателям немного поразмыслить над его словами, Агларел продолжил:

— Вы можете представить себе последствия, если бы это заклинание было выпущено одним из боевых магов Глубоководья?

Он взглянул на Джерваса Имесфора. — Или, может быть, верховным магом из Эверески?

— Нет нужды воображать, — мрачно сказала Шторм. — Мы все знаем, что произошло в Долине Теней, и именно поэтому мне так трудно поверить в вашу заботу о нашем благополучии.

— То, что произошло в Долине Теней, было недоразумением, — возразил Агларел, — и именно *ваша* атака открыла брешь в Ад. Мы тоже потеряли одного из наших.

— Небольшая цена за избавление от Эльминстера, — процедила сквозь зубы Шторм.

— Это никогда не входило в наши намерения, — сказал Агларел. — Ривален и остальные были там, чтобы поговорить.

— Возможно, ты забыл, что я была там, принц, — предупредила Шторм. — Я видела, что сделали твои братья.

Прежде чем молния, сверкнувшая в ее глазах, превратилась в стрелы, вылетевшие из ее пальцев, Пьергейрон поднял руку и сказал:

— Как бы мы все ни были обеспокоены судьбой Эльминстера, это не является вопросом, стоящим перед этим советом.

Он не мог позволить Шторм превратить эту дискуссию в ссору из-за того, кто стал причиной исчезновения Эльминстера. Спор был болезненным, и он становился все более ожесточенным с тех пор, как Симбул тоже пропала. Некоторые предположили, что она уже нашла Эльминстера и увела его в какое-то другое измерение, чтобы восстановить силы. Но Шторм настояла на том, чтобы возложить на шадовар ответственность за продолжающееся отсутствие Эльминстера, и она никогда не упускала возможности упрекнуть их в этом. Пьергейрон не знал, чему верить. Он слышал убедительные доказательства, подтверждающие обе стороны, и это действительно не имело для него значения. Его единственной целью было не допустить, чтобы дело переросло в полномасштабную магическую дуэль где-нибудь в сотне лиг от Глубоководья, и уж тем более в стенах его собственного дворца.

— Что бы ни случилось в тот день в Долине Теней, последнее, что нужно Эвереске, или самому Фаэруну, это война с шадоварами.

— Что случилось? Шторм кипела. — Я рассказала вам, что случилось! — Шадовары так же плохи, как и...

— Ну же, сестра, — сказала Лаэраль.

Почти такая же высокая, как Шторм, у нее были такие же серебристые волосы, но глаза были изумрудными, в отличие от голубых ее сестры.

— Преувеличения никому не нужны, и я сама видела, что шадовары могут сделать против фаэриммов. Нам нужна вся помощь, которую они могут оказать.

— Помощь из гнезда гадюк в конце концов окажется ядом, — возразила Шторм.

— Мы просим не больше, чем просил Незерил во времена наших отцов, — сказал Агларел. Оставьте нас в Анавроке, и никому на Фаэруне не нужно бояться Анклава Шейдов.

— Анаврок не принадлежит Глубоководью, чтобы отдавать или отказывать, — сказал Пьергейрон, пытаясь вернуть разговор к насущному вопросу. — Точно так же, как Эвереска не принадлежит Шадоварам.

— Не могу не согласиться с вами, лорд Пьергейрон, — ответил Агларел. И это только одна из причин, по которой мы должны создать координационный совет. Я уверен, что мы все можем согласиться с тем, что было бы в интересах Эверески, если бы наши страны разделили ответственность за принятие такого рода решений.

— Великодушный жест, принц Агларел, учитывая, что шадовары нанесли фаэриммам те немногие потери, которые они понесли в этой войне, — тепло сказала Лаэраль.

Она знала, о чем говорит: ее любимый Хелбен Черный Посох Арунсун исчез во время сражения в начале войны, и она проводила большую часть своего времени на фронте, пытаясь определить, что с ним стало.

— Я уверен, что Лорд Имесфор будет рад такому совету.

Прежде чем эльф успел выразить свое одобрение или неодобрение, Шторм спросила:

— Кто возглавит совет шадовар?

Агларел без колебаний кивнул.

— На данный момент, — сказал он, — похоже, мы лучше подготовлены к выполнению этой обязанности.

— *Когда драконы преклонят колени перед халфлингами!* — усмехнулся Мастер Меча Брайан. Как и у других Лордов в Масках, его слова дошли до Пьергейрона едва слышным шепотом. — *Они пытаются взять под контроль зону боевых действий.*

Агларел бросил короткий взгляд в сторону Брайана, затем снова посмотрел на Пьергейрона и сказал:

— Если лорды Глубоководья сочтут наше руководство неудобным, мы не откажемся назвать лорда Имесфора магистром совета. В конце концов, это его дом в опасности.

Пьергейрон был слишком удивлен, чтобы ответить. Разговоры между Лордами в Масках были защищены той же магией, которая защищала их личности, но Агларел явно слышал, что сказал Брайан.

— Лорды обсудят предложенный вами совет позже, наедине, — сказал Пьергейрон, — но мы ценим ваше предложение.

Многие зрители в зале были бы озадачены, почему он сразу не согласился назвать лорда Имесфора главой совета, но они не видели, как эльф дрожал при малейшем звуке или слышал крики, которые эхом разносились по дворцовым залам, когда он удалялся в свою комнату, чтобы попытаться погрузиться в дремление. Джервас Имесфор был не в том состоянии, чтобы вести коня, а тем более политический и военный союз такого масштаба. Пьергейрон был вполне уверен, что Агларелу было известно об этом, когда он предложил.

— *Я уверена, что наши обсуждения были бы более значимыми, если бы мы знали больше о природе теневого барьера,* — сказала Далия, все еще настаивая на деталях.

Как почти каждый уважаемый волшебник на Фазруне, она казалась более встревоженной таинственной магией шадовар, чем злом фаэриммов.

— *Если принц беспокоится о шпионах, возможно, мы могли бы встретиться позже*

— Я волен раскрыть природу оболочки только нашим объявленным союзникам, — сказал Агларел, вызвав громкий вздох у трех лордов, которые до этого не подозревали, что он подслушивает их личные разговоры.

— Однако трудно предсказать, какотреагирует фаэримм. Действительно, было бы лучше сразу создать координационный совет.

— У вас есть сомнения, что барьер выдержит? — спросил лорд Диндарил.

— Вовсе нет. Он выдержит.

Агларел намеренно взглянул на Имесфора и сказал:

— Нас беспокоит Эвереска. Мы недостаточно хорошо понимаем мифал, чтобы знать, как долго он может выдержать непрерывное нападение.

— Он все еще работает? — Облегчение в голосе Имесфора было очевидным. — Вы это знаете?

Фаэриммы заключили весь Шараэдим в магическую мертвую стену, которая препятствовала любому путешествию или общению с Эвереской, и он был не единственным в комнате, кто задавался вопросом, был ли город все еще в руках эльфов. Агларел секунду колебался, потом сделал поклон, столь незначительный, что он был едва заметен.

— Слава Кореллону! — Выдохнул Имесфор.

— Значит, вы поддерживаете связь с городом? — Спросила Лаэраль. — Вы не знаете, Хелбен там?

Агларел отвел взгляд.

— К сожалению, я не имею права отвечать на ваши вопросы, леди Серебряная Рука. — Ему удалось произнести это искренне извиняющимся тоном. — Эта информация будет доступна только нашим союзникам.

— *Вашим союзникам!* — Лаэраль закипела. — Как ты думаешь, кто сражался на твоей стороне?

— Если бы это был мой выбор, леди Серебряная Рука, я бы сказал вам, — ответил Агларел. — Ваш вклад не остался незамеченным нашим Высочайшим, но ваша преданность, очевидно, принадлежит Глубоководью, а Глубоководье не объявило себя нашим союзником.

— *И мы не хотим,* — сказал Брайан. — *Глубоководье не поддастся тактике сильных рук. Никогда!*

Агларел взглянул прямо на Брайана.

— Это не сильные руки. Сколько своих секретов Глубоководье откроет городу, который отказывается называть себя союзником?

— Мы не спрашиваем ни о каких ваших секретах, — сказала Лаэраль, стараясь говорить терпеливо. — Только простая вежливость.

— Шадовары оказывают вам всяческую любезность, леди Серебряная Рука, — сказал Агларел. — Вот что я здесь делаю. Именно Глубоководье ведет себя неучтиво – с подозрением воспринимает информацию, сообщенную добросовестно, отвергает наше предложение дружбы с высокомерными обвинениями в принуждении, позволяет гостю под крышей своего дворца называть Анклав Шейдов логовом лжецов и гадюк.

Агларел позволил своему взгляду на мгновение задержаться на Шторм Серебряной Руке, затем снова посмотрел на Пьергейрона.

— Вас предупредили об опасности теневого барьера. В наши намерения не входит вмешиваться в ваши собственные миссии. Если кто-то из ваших войск захочет пройти, мы будем рады послать эскорт, чтобы сделать это возможным.

— *Наглые дьяволы!* — разглагольствовал Брайан, то ли забывая, то ли игнорируя тот факт, что принц, очевидно, слышал каждое слово. — *Они претендуют на контроль над зоной военных действий, нравится нам это или нет!*

Агларел бросил взгляд в сторону Брайана, но предпочел проигнорировать вспышку гнева.

— Хотя мы сожалеем, что не сможем скоординировать наши усилия, Анклав Шейдов благодарит вас за эту аудиенцию.

Шадовар низко поклонился и повернулся к двери, чтобы уйти. Хотя Пьергейрон чувствовал, как взгляды эльфов и сестер Серебряных Рук обжигают его лоб, именно то, что, как он знал, его собратья-лорды оставляли невысказанным, больше всего давило на его разум. Как обычно, Мастер Меча Брайан сразу перешел к сути дела. Нравилось это Глубоководью и эльфам или нет, но шадовары взяли под свой контроль зону боевых действий. Чего Пьергейрон не понимал, так это почему они потрудились отправить посланника, чтобы сообщить об уже очевидном факте.

Действительно ли они надеялись создать союз, или было что-то большее, что-то более широкое и более гнусное?

Был только один способ выяснить это. Пьергейрон выпрямился во весь рост и крикнул:

— принц Агларел!

К его чести, Агларел выглядел потрясенным, когда остановился и обернулся.

— Да, Лорд Паладинсон?

— Я не прогонял вас.

Принц выглядел так, словно сдерживал ответную улыбку.

— Конечно. Он склонил голову. — Прошу прощения. Пьергейрон поборол искушение оставить шадовара в почтительном положении. Дело было сделано.

— Принц Агларел, Глубоководье не отвергло вашего предложения. Это, казалось, застало принца врасплох.

— Значит, вы приняли его?

— Как я уже говорил, лорды обсудят этот вопрос позже.

— Это то же самое, что отвергнуть его, — сказал Агларел. — Как я уже говорил, совет должен быть создан немедленно.

— Значит, вы ожидаете, что скоро что-то произойдет, — сказал Пьергейрон. — Возможно, Глубоководью и Эвереске следует отвести наши армии.

Наконец серебряные глаза Агларела удивленно блеснули.

— Отвести?

— Немедленно, — подтвердил Пьергейрон. — Мы, конечно, не хотели бы вмешиваться в планы вашего города.

Агларел на мгновение задумался, затем опустил взгляд.

— Мы не собираемся прогонять вас с поля боя, — сказал он. — Позвольте мне посоветоваться с анклавом.

Пьергейрон улыбнулся.

— Конечно.

Грациозным взмахом руки он отпустил принца.

— Берите столько времени, сколько вам нужно. Мы будем.

— Да, — сказал Агларел, — я совершенно уверен, что вы это сделаете.

Принц ответил на улыбку Открытого Лорда, затем снова поклонился и, учтиво взмахнув темным плащом, повернулся, чтобы уйти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

9 Миртула, Год Дикой Магии (1372 по Л.Д.)

Как и многое в Анклаве Шейдов, Вилла Дузари поразила Галаэрона, как памятник очарованию темноты и красоты, видимой лишь наполовину. Ворота открывались в круглый двор, вымощенный серым жемчугом – не совсем камнем, но и не совсем стеклом. В центре стоял небольшой фонтан, из которого вода бурлила в черный бассейн. Колоннада, окружавшая ограду, была глубокой и затененной, с девятью арочными дверными проемами, открывающимися внутрь дома, как входы в пещеру. Перед каждой колонной лежала одна из драгоценных урн, которые богатые шадовары использовали для украшения, с отверстием, выбитым в одной стороне, чтобы магические брызги тени булькали бесформенным потоком.

— Жаль, — пророкотал Арис.

У ворот не было перемычки, так что каменному гиганту не нужно было нагибаться, когда он входил во двор. Он опустился на колени и осторожно зажал одну из урн между большим и указательным пальцами.

— Кто мог сделать такое?

— Знак траура, — объяснил их проводник Хадрун.

Стройный человек, одетый в развевающуюся черную мантию, он был окутан таким количеством теневой магии, что временами казалось, будто он исчезает в своей собственной темной ауре. Он использовал черный посох в своей руке, чтобы указать на наполовину законченную статую под рукой Ариса и сказал:

— Ваша работа подходящего качества, и никто не будет возражать, если вы замените их своими собственными скульптурами.

Великан кивнул.

— Это будет моей привилегией.

— В самом деле, это всегда привилегия гостя – приумножать богатство хозяина произведениями искусства, — сказал Малик.

Он сел на край центральной чаши и вызвал неодобрительный хмурый взгляд Хадруна, зачерпывая руками воду в рот.

— Не угодно ли вам как-нибудь пожить в моём доме? ... когда Единый даст мне средства на его покупку.

— А до тех пор, я надеюсь на Высочайшего, ты найдешь этот подходящим — сказал Хадрун.

Он снял ковш с крючка и многозначительно протянул его Малику.

— Считай, что это твой дом.

— В самом деле? Не обращая внимания на ковш, Малик вытер руки о тунику и окинул двор оценивающим взглядом. — Здесь немного тесновато для Кельды, но ...

— Боюсь, твоя лошадь должна остаться в конюшне, — фыркнул Хадрун.

Он повернулся к Арису и обвел посохом двор.

— Это будут апартаменты Ариса. Подойдет? Мы можем построить крышу, но пространство так близко к дворцу стоит дорого. За пределами самого большого зала ни одно здание в этом районе не является достаточно большим для вас.

— Мне не нужна крыша, спасибо.

Арис изучал местность с растущим чувством дискомфорта, затем попытался скрыть свое разочарование и сказал:

— Здесь достаточно места, чтобы я мог поспать.

— Не бойтесь, мой большой друг — сказал Хадрун. — Сон – это все, что вам здесь нужно. Высочайший объявил, что вы можете держать свою мастерскую в доме товаров, где вы остановились. Он был совершенно очарован вашим описанием битвы Эсканора.

Это действительно вызвало улыбку у мрачного великана.

— Тогда он получит его, когда я закончу.

— Арис наполнит город своей работой, если ты ему позволишь — сказал Галаэрон, подходя к Хадруну.

— Когда же я начну свои занятия с Высочайшим?

Хадрун провел черным ногтем большого пальца по глубоко вытертой бороздке возле головки своего посоха.

— Я подумал, что сначала ты захочешь устроиться поудобнее в своем новом доме.

— Тебе понадобилось десять дней, чтобы найти это место, — сказал Галаэрон. — Я не могу терять времени.

— Высочайший был занят войной — янтарные глаза Хадруна горели. — Я уверен, что ты понимаешь.

— Насколько я понимаю, он сказал, что научит меня управлять своей тенью — сказал Галаэрон, — и что ты прогоняешь меня каждый раз, когда я появляюсь.

Посох Хадруна поднялся, как будто он мог ударить Галаэрона, который почувствовал, как рука Валы сжала его предплечье.

— Галаэрон, возьми себя в руки!

Она впиалась пальцами в его запястье и повернула, заставляя его разжать руку и выпустить рукоять, которую он не осознавал, что сжимает.

— Если он не хочет, чтобы ты видел Высочайшего, то обнажить меч – это как раз то оправдание, которое ему нужно, чтобы ты никогда этого не делал. — Хадрун слабо улыбнулся Вале.

— Я хочу, чтобы он учился у Высочайшего — сказал он. — Как и все мы.

Двигаясь медленнее, он взмахнул посохом над их головами и направил острие на ворота, где темноволосая женщина, одетая в одеяние и вуаль бединского народа пустыни, пыталась прокрасться во двор. Судя по ее подведенным краской глазам – все, что мог видеть Галаэрон – она была немного старше Валы и не так смугла, как шадовары.

— Эй, ты там, — сказал Хадрун. — Ты знаешь, что мы делаем с ворами в этом городе?

В глазах женщины мелькнула легкая усмешка, затем она выпрямилась.

— Насколько я могу судить, вы их укрываете.

Она говорила на общем языке без малейшего намека на бединский акцент. Она встретила взглядом с Хадруном и пересекла двор, серебряная арфа с луной, приколотая к ее воротнику, становилась все более видимой, по мере ее приближения.

— Я ищу того, кто, по слухам, водит компанию с этими людьми.

Она посмотрела на Галаэрона и Валу так, словно они не заслуживали чести ее взгляда, затем перевела взгляд мимо коленной чашечки Ариса в темную глубину колоннады. Галаэрон ничуть не удивился, обнаружив, что Малик исчез. Маленький человек обладал удивительной способностью к скрытности, и он достаточно часто упоминал о своих неприятностях с неким арфистом, чтобы Галаэрон догадался, кто это. Вала поймала его взгляд и едва подняла бровь. Он сжал пальцы в знак того, чтобы подождать, и бединка-арфист отвернулась, делая вид, что ничего не видит.

Если Хадрун и заметил осторожность женщины, то хорошо это скрыл.

— Как ты попала в Анклав Шейдов? — Ее темные брови изогнулись.

— Как обычно, — ответила она. — Я служила принцам Кларибернусу и Бреннусу в качестве проводника по пустыне, должность которого была устроена в Глубоководье через Лаэраль Серебряную Руку и принца Агларела. Если есть закрытые районы, они не сообщили мне о них, когда привезли меня в город.

— Район не закрыт, — пояснил Хадрун, — но он хорошо охраняется.

— И вы знаете всех, кто входит?

— Да — ответил Хадрун.

В глазах женщины мелькнул огонек, и она сказала:

— Думаю, что нет. Галаэру она сразу понравилась.

— Руха, — сказал он, — искать Малика с нами — пустая трата времени. Вряд ли он из тех, кого долго приветствует мудрая компания.

Ведьма обратила свой насмешливый взгляд на Галаэрона и сказала:

— Если ты знаешь, кто я, то должен также знать, что меня не так легко одурачить. Я нашла его лошадь на конюшне.

Маленькая золотая цепочка выпала из рукава в ее ладонь, хотя это было сделано так ловко, что Галаэрон сомневался, что кто-то еще заметил.

— Жаль, она была такой прекрасной лошастью.

— Арфистская мегера! — закричал Малик. — Что ты сделала с моей Кельдой?

Маленький человечек выскочил из тени за ее спиной, с камнем в перевязи и поднятой для атаки рукой. Руха ловко развернулась, держа перед собой золотую цепь и произнося обычное заклинание заточения. Галаэрон был уже на полпути к развороту. Он рассчитал время, чтобы заклинание закончилось в тот же миг, что и заклинание Рухи, и молния теневой магии пронзила его тело, холодная и вибрирующая, достаточно острая, чтобы ужалить кости. Шнур темной магии спиралью поднялся по телу Рухи, связывая ее колени друг с другом и руки по бокам, затем золотая цепь исчезла из ее рук и появилась в руках Галаэрона. Малик выпустил камень из пращи. Галаэрон быстро дернул цепь и оттолкнул Руху в сторону. Камень пролетел мимо, ударив Хадруна прямо в грудь. Сенешаль едва заметно вздрогнул, но глаза Малика так выпучились, что, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Ваше Темнейшество, тысяча извинений! — воскликнул он. — Но ведь человек имеет право защищаться...

— Довольно! — Хадрун опустил посох на Малика.

Галаэрон выругался себе под нос и поднял руку, чтобы сотворить еще одно заклинание, но Вала шлепнула его по вытянутой руке.

— Ты с ума сошел?

Но Хадрун произнес какое-то слово, и крошечная сфера тени вылетела из наконечника и ударилась о землю у ног Малика. Он вскрикнул и попытался отпрыгнуть, но темный круг под ним расширился. Когда он спустился, то провалился, как в яму. Темный круг втянулся в себя и исчез из виду. Арис, наблюдавший за всем этим издали, застонал и опустился на колени, его большая рука уже потянулась к Хадруну. Сенешаль поднял свой посох над головой и поймал середину руки великана на его кончик.

— Не на что сердиться, Арис. Твой друг скоро вернется. Он лучший.

Арис убрал часть веса своей руки с посоха, но постарался, чтобы его голос звучал угрожающе.

— Я обязан ему своей жизнью.

— Сегодня не нужно платить, мой большой друг — сказал Хадрун, опуская посох.
— Мне просто нужно было время, чтобы все уладить.

Он подошел к тому месту, откуда исчез Малик, и жестом велел Галаэруну привести Руху.

— Поскольку вы все, кажется, знаете друг друга, не будете ли вы так любезны просветить меня?

Руха кинула на Галаэрона свирепый взгляд, а затем, все еще держа руки связанными темной нитью магии, сказала:

— У меня нет никаких дел ни с эльфом, ни с его блудницей.

— Блудница? — Вскрикнула Вала. — Я никогда не брала меди!

Она потянулась за своим темным мечом и двинулась вперед, но остановилась, предупреждая опустив черный посох Хадруна.

— Давай покончим с этим без кровопролития, ладно? — Он повернулся к Рухе и спросил: — Что тебе нужно от Малика?

— Отвезти его в Сумеречный Зал, чтобы он ответил за свои преступления.

— Какие именно?

— Больше убийств, чем я могу сосчитать, но включая убийство Ринды и Гвидиона, хранителей злого Циринишада, и кражу той самой грязной книги, — сказала Руха. — Если шадовары действительно хотят быть добрыми союзниками народов Фаэруна, как они утверждают, ты освободишь меня и выдашь этого негодяя.

— Уверяю вас, наше желание искренне, — сказал Хадрун, — но я не знал, что арфисты контролируют так много народов.

— Мы никого не контролируем, — призналась Руха, — но влияем на многих.

— Различие, которое мы, шадовары, тоже понимаем — сказал Хадрун, вежливо улыбаясь.

В отличие от ухмылок принцев и большинства повелителей теней, его рот не был полон присущих аристократам клыков.

— Мы также знаем, что в каждом споре есть две стороны. Галаэрон, что скажешь? Что бы ты посоветовал Высочайшему в этом вопросе?

Галаэрон рассматривал Хадруна, ссылаясь на свою неприязнь к этому человеку, потом сказал:

— Я знаю, что ты хотел бы услышать.

— Так ли это? Хадрун приподнял бровь. — Скажи мне.

— Ты думаешь, я так далеко ушел в свою тень?

Вала схватила его за руку.

— Галаэрон ...

— Я знаю, что правильно — сказал он, стряхивая ее. — Я не предам верного товарища ради доступа во дворец.

— Галаэрон, Хадрун не просит тебя никого предавать, — сказала Вала.

— Я только прошу правды — сказал Хадрун. — Если ты этого не видишь, значит, ты во власти своей тени.

Оставив Галаэрона кипеть от злости, Хадрун повернулся и вытянул шею, глядя на Ариса.

— Что бы ты сказал Высочайшему, друг мой?

Стоя на коленях у фонтана, великан по-прежнему нависал над шадоваром на половину своего роста.

— Это правда, что Малик служит злему богу — сказал Арис, — но я обязан ему жизнью и обязан честью стоять рядом с ним против любого врага.

Хадрун посмотрел на Валу.

— А ты?

— Если бы не он, меня бы здесь не было.

Галаэрону все еще было трудно поверить, что Хадруна действительно интересует его мнение, но у него не было другого выбора, кроме как довериться мнению Вала. Он не чувствовал, что находится в объятиях своей тени, но и в момент соединения не чувствовал. И он только что произнес заклинание.

— Я тоже, — согласился Галаэрон. — Он спас нас всех.

— По своим собственным причинам, — вмешалась Руха. — Он выставил тебя дураком, как сейчас выставляет ими шадовар.

Глаза Хадруна вспыхнули. — Вы не поможете моему делу, пытаясь настроить против нас мнение наших гостей, арфистка.

— Правда — это не яд.

Хотя Руха говорила с Хадруном, она смотрела на Галаэрона.

— Ты ведь из Эверески, не так ли, Галаэрон?

Глаза Рухи сузились.

— Сколько времени прошло с тех пор, как ты в последний раз был за пределами этого городского мрака?

Галаэрон нахмурился, гадая, чего добивается ведьма.

— И что, если так? — спросила Вала — Не то чтобы это твое дело, но больше десяти дней.

Даже тяжелая вуаль Рухи не могла скрыть ее ухмылки.

— Что? — спросил Галаэрон.

Ведьма посмотрела на Хадруна. Он посмотрел на нее янтарным пламенем, затем повернулся к Галаэрону и сказал:

— Анклав движется.

— Двигается? — эхом отозвался Галаэрон. — Он всегда движется.

— Глубже в пустыню, — уточнил Хадрун. — Подальше от Эверески. Вот почему...

— Предатели! — Галаэрон рванулся к сенешалю, но тяжело упал с Валой на спине.
— Ты же обещал!

— И мы сдержим свое обещание — сказал Хадрун. Теневой барьер отрезал фазриммов от Плетения. В конце концов, они истощат оставшуюся у них магию, но это займет время, Галаэрон, много месяцев. Ты знаешь лучше, чем кто-либо, что мы не осмелимся напасть, пока они не истощат свои силы и не начнут голодать, и не станут слишком слабыми, чтобы защищаться.

— Значит, ты покидаешь Эвереску только на некоторое время? — спросила Руха на удивление циничным тоном. — О да, в этом есть большой смысл.

Хадрун опустился на колени перед Галаэроном, который не сопротивлялся только потому, что знал, как легко Вала может задушить его, когда рука уже обхватила его горло.

— Мы не оставляем Эвереску — сказал Хадрун, — но сейчас ситуация стабильна, и мы должны думать и о наших собственных нуждах.

— Когда ты собирался мне сказать? — спросил Галаэрон.

Хадрун заколебался и отвел взгляд.

— Это справедливый вопрос, — сказала Вала.

Хадрун испустил усталый вздох. — Как пожелаете, — сказал он. — Высочайший считает...

В этот момент позади сенешаля появился Малик, вылезая из круга тени, как кошка из колодца. Он испустил душераздирающий крик и пробежал полдюжины шагов через двор, прежде чем наткнулся на ладонь Ариса и остановился, чтобы посмотреть, где он. Наполовину распустив тюрбан, Малик развернулся к Хадруну и сказал:

— Если бы ты знал, что у меня за сердце, ты бы не подумал, что это смешно, совсем нет.

Казалось, все забыли про Руху, Малик направился к сенешалю, грозя пальцем.

— Тебе повезло, что я не умер там от страха, а то Высочайший бы навещал тебя в аду в тысячу раз хуже, или так смеялся над моей несчастной судьбой, что расколол свои гнилые бока. Это последнее признание, вынужденное проклятием истины Мистры, казалось, погасило в нем огонь. Малик с минуту разглядывал сцену во дворе, потом скользнул к беспомощной Рухе и провел ногой по ее голени.

— Ведьма! Что ты сделала с моей Кельдой?

Глаза Рухи вспыхнули, но больше она не выказала никаких признаков боли. — Почему ты больше заботишься о своей лошади, чем о своих друзьях?

— Потому что моя лошадь более предана, — ответил Малик.

Он сунул руку под мантию и вытащил изогнутый кинжал. — А теперь отвечай, или твоя смерть будет еще более мучительной!

— Нет! — Вала и Галаэрон были не единственными, кто прокричал это, но именно посох Хадруна опустился на запястья маленького человека и выбил кинжал из его рук.

— Не здесь — сказал шадовар. — Убийство так же запрещено в Анклаве Шейдов, как и в Глубоководье или Долине Теней.

Он бросил многозначительный взгляд на Малика. — И наше правосудие быстрее.

— Тогда у тебя нет выбора, — пожаловался Малик. — Ведьма не уйдет отсюда, пока я не умру!

— Или станешь моим пленником, — уточнила Руха.

— Этого мы никогда не допустим — предупредил Арис.

Хадрун на мгновение задумался, потом устало покачал головой. — Ты ставишь Анклав Шейдов в трудное положение, арфистка. Либо мы укрываем этого негодяя против вас, либо позволяем вам нарушать нашу гостевую охрану.

— Нет причин беспокоиться об этом, — сказал Галаэрон, свирепо глядя на Хадруна. — Мы уезжаем в течение часа.

Хадрун некоторое время изучал Галаэрона, затем кивнул. — Это ваша привилегия, конечно, но пока вы или кто-либо из ваших друзей остается в Аанклаве Шейдов, Малик находится под защитой, как наш гость, и не может быть убит или взят в плен.

— Ты действительно укрываешь убийцу? — спросила Руха.

— Он никого здесь не убивал — сказал Хадрун. — Он прикоснулся посохом к ее связке, и волшебный шнур растворился. — И ты тоже. Тот же закон, что охраняет его, охраняет и тебя. И если с кем-нибудь из вас случится несчастье, мы будем знать, кого казнить.

Хадрун снова бросил предостерегающий взгляд на Малика.

— Я могу остаться? — спросила Руха.

— В этом самом доме. — Хадрун, казалось, не мог удержаться от ухмылки. — Анклав Шейдов никогда не хотел бы, чтобы говорили, что мы затрудняем привлечение убийцы к ответственности.

— Ответственность? — Малик усмехнулся. — Ты даже не представляешь, на что обрекаешь меня!

— Ненадолго — сказал Галаэрон. Он хмуро посмотрел на Валу. — Если, конечно, ты от меня отвяжешься. Вала с сомнением посмотрела на него. — Ты не собираешься нападать?

— Я уйду, — сказал Галаэрон. — Я собираюсь вернуться в Эвереску. Хадрун жестом отпустил Валу и протянул ей руку. — Если ты этого хочешь, но завтра Высочайший будет очень разочарован.

Галаэрон проигнорировал его руку и встал сам.

— Он сделает то что обещал, — настаивал Хадрун. — Он хотел объяснить тебе, почему город перемещается. Вот почему я ничего не сказал.

Несмотря на его слова, Галаэрон не сделал ни шага к воротам.

— Завтра?

Хадрун кивнул.

— Он хотел бы поскорее расстаться с тобой. Все будет объяснено.

Галаэрон повернулся к Вале

— Еще один день? — Она оглядела виллу и пожала плечами. — А чему это может повредить?

Люди снова принялись за дело, карабкаясь по горе Малигриса, стоя на коленях, стоя и снова стоя на коленях перед его пещерой, скандируя, распевая, унижаясь,

умоляя его о милости. Это было нытье. Он сказал Намирре, что не хочет, чтобы члены культа слонялись вокруг его логова, но разве млекопитающее слушает? Что Малигрису следовало бы сделать, так это забраться наверх и убежать, но тогда ему придется выйти и что-нибудь съесть, а ему просто не хотелось есть. Драколича нуждались в пище только для того, чтобы перезарядить свое дыхательное оружие, а Малигрис не разряжал свое (даже не покидал своего логова) больше года, или так Намирра сказал ему в последний раз, когда некромант соизволил посетить его.

Что-то живое, что-то человеческое появилось в тени рядом с его платиновой кучей номер три. Горькое чувство возмущения, поднимающееся, чтобы заполнить его пустую грудную клетку, Малигрис повернул свой большой рогатый череп в сторону вторжения. Неужели теплокровные не оставят ему даже его уединения? Пара еле различимых силуэтов поднялась из темноты, не столько вынырнув из нее, сколько отделившись от нее, и повернулась в его сторону.

Малигрис не знал, как млекопитающие обошли его телепортационные ловушки, или как они избежали активации его волшебной тревоги. Но он *знал*, что может вынести только это, и что это вторжение в его логово было последним оскорблением. Он открыл пасть и выпустил молнию. В трескучей вспышке, заполнившей пещеру, он мельком увидел пару смуглых людей в темных одеждах, которые катились по его кладу и врезались головой в стену. Они рухнули среди его бриллиантов и лежали там, обгоревшие, дымящиеся и, на удивление, более или менее живые.

Малигрис продолжал смотреть в их сторону. Когда Намирра превратил его в драколича, он стал остро ощущать все живое в пределах размаха своих крыльев, и он знал, что два человека были тяжело ранены. Млекопитающие были хрупкими, так что, казалось, они все равно умрут в течение нескольких часов, и он не собирался тратить на них еще одну дыхательную атаку. Если он сдержится, то у него еще останется два хороших удара молнии, прежде чем ему придется покинуть свое логово и поесть.

Но пара не исчезла. Вместо этого в течение следующего часа они становились все сильнее, сначала ползая за грудой золотых монет, сплавленных в твердый ком жаром его молнии, затем прячась там и приходя в себя с каждой минутой, разговаривая друг с другом на каком-то древнем человеческом языке, которого даже Малигрис никогда раньше не слышал. Это было величайшее оскорбление для теплокровных – не испугаться настолько, чтобы убежать или, по крайней мере, спрятаться в тишине. Малигрис разорвал бы их на куски, если бы за последний год его безжизненный скелет не провалился по позвоночник в свое гнездо из сапфиров, и он просто не хотел покидать такую удобную постель. Голос, глубокий и гулкий, по крайней мере по человеческим меркам, выкрикнул на общем языке:

— Могушественнейший Малигрис, нет необходимости нападать. Мы пришли с миром.

— Если вы пришли с миром, то почему прячетесь за грудой моих сокровищ, как охотники на драконов и похитители сокровищ?

Мягкое звяканье эхом отразилось от стен, когда пара поднялась из своих укрытий. Они шагнули в поле зрения, оказавшись воином и жрецом, оба одетые в расплавленные остатки каких-то стеклянных, блестящих черных доспехов. Малигрис снова поразил их.

На этот раз его электрическая ярость пригвоздила их к стене и держала там, окоченевшие и дымящиеся, стальные глаза воина и бронзовые глаза жреца светились, как магический свет. Их блестящие доспехи стекали с тел ручейками и собирались у ног черными лужами. Их смуглая плоть таяла и сгорала на груди, обнажая черные органы и темные кости под ними. Их пятки и кулаки бились о каменную стену, превращаясь в месиво. Они все еще были живы, когда Малигрис выбежал, запыхавшись, – обмякшие, как пугала, воняющие обугленной плотью и местами голые до костей, но живые. Они упали на пол и лежали там, стеная, в течение получаса, пока, наконец, не набрались достаточно сил, чтобы восстановиться за грудями соковок, как это было в предыдущий раз.

Интересно. Это было первое, что интересовало Малигриса с тех пор, как Намирра убил его подругу, Верантраксу, в бессмысленном нападении на крепости. Нападении, навязанном им нечестивой магией Намирры. Малигрис отыскал свои ноги под гнездом из сапфиров и приказал им служить. Он вылез из камней и, стуча лишенными плоти костями, направился через пещеру туда, где, съжившись, лежали два человека. Нет, не съжившись.

Они сидели, прислонившись к стене, и смотрели на него своими маленькими расплавленными глазками, даже не дрожа. Обугленные кости грудной клетки, которые были обнажены всего несколько мгновений назад, уже были покрыты темной плотью, и шрамы исчезали даже от этого. Малигрис схватил по одному в каждую клешню, затем с изумлением наблюдал, как их раздробленные руки и ноги вернулись к своей нормальной форме.

— Что вы за люди, которые исцеляются, как тролли? — требовательно спросил он.

— Мы – принцы Анклава Шейдов — сказал бронзовогоглазый. — Я – Кларибернус. Мой брат – Бреннус.

— Вы думаете, ваши имена имеют для меня значение? Твое высокомерие невыносимо!

Малигрис сжал того, что называл себя Кларибернусом, и с удовольствием услышал треск ломающихся костей. Он почувствовал, как тело обмякло в его руке, но это был единственный способ узнать, что млекопитающее испытывает боль. Он повернул костлявую морду к тому, у кого были стальные глаза.

— Я спросил, что ты, а не кто.

— Мы называем себя шадоварами — сказал этот. На нашем языке это означает «из тени».

— А, тогда вы шейды. — сказал Малигрис.

Тени были двуногими млекопитающими, которые обменивали свои души на теневую сущность. При свете дня они казались нормальными людьми, но по мере того, как свет тускнел, они становились сильнее.

— Теперь я понимаю. За свои столетия я встречал несколько шейдов. Удовлетворив любопытство, он сжал пальцы, чтобы раздавить их... И

почувствовал, как его когти сомкнулись в воздухе. Он ощутил, как незваные гости появились у него за спиной, и, обернувшись, увидел, что из тени перед его гнездом выходит сталеглазый. Другой, с раздавленным телом, лежал в углублении сверху. Они были между ним и его филактерией.

— Мы с Кларибернусом – шейды, — сказал тот, что со стальными глазами. — Но не все шадовары – шейды, и не все шейды – шадовары. Шадовар – это гражданин Анклава Шейдов. Я вижу твою игру.

Малигрис двинулся вперед, его огромный хвост, размахивая взад и вперед, выбрасывал в темный воздух целые горы монет.

— Тогда попробуй сыграть. Так или иначе, в конце концов, я получу удовольствие.

Сталеглазый, Бреннус, поднял руку и сказал:

— Мы здесь не для того, чтобы нападать на тебя, но и ты больше не нападешь на нас.

Малигрис остановился, но не потому, что человек приказал, он этого не сделал, а потому, что обнаружил, что фыркает от смеха.

— Ты угрожаешь мне? — Крошечные стрелы молний заплясали вокруг дыры на месте носа. — Правда?

— Мы не угрожаем. —

Это произнес тот, которого раздавил Малигрис. Он уже достаточно исцелился, чтобы сидеть прямо.

— Мы пришли поговорить.

— Поговорить? — Драколич присел на корточки и махнул когтем в пол перед собой. — Очень хорошо, вы можете преподнести свои подарки.

Два человека, шадовары, глянули друг на друга, затем Бреннус сказал: — Мы принесли не подарки.

— Никаких подарков? — ахнул Малигрис. — Еще интереснее. Обидно, но интересно. Как ты можешь просить без подарков? Как ты можешь унижаться, когда тебе нечего предложить?

— Мы здесь не для того, чтобы просить милостыню — сказал Кларибернус.

Он встал, так скоро после того, как его раздавили, и, прихрамывая, подошел к своему спутнику. — Но Анклав Шейдов действительно кое-что предлагает.

Малигрис почувствовал приближение Намирры в логове и повернулся ко входу. Некромант, лысеющая и морщинистая фигура даже по меркам млекопитающих, уже был внутри, шагая по золотому проходу между аккуратно сложенными чашами Малигриса.

— Вы, теплокровные! — прошипел он. — Вы все думаете, что мое логово – проходной двор?

Намирра сделал вид, что испуган, остановился, сложил кончики пальцев вместе и низко поклонился.

— Тысяча извинений, Святейший. Мне сообщили, что вы метали молнии и подумал, что вам может понадобиться помощь.

Некромант бросил многозначительный взгляд на шадовара.

— Ты думаешь, мне нужна помощь человека? — Малигрис усмехнулся. — Когда это случится, ты рассыплешь мои кости по всему Запустению.

— Как прикажешь, Святейший, — ответил Намирра.

Как и ожидал Малигрис, некромант погладил свой амулет, и весь гнев Малигриса испарился. Малигрис ненавидел это, действительно *ненавидел*, но с этим ничего нельзя было поделать. Он не успеет напасть на Намирру, как снова отрастит свою

давно сгнившую шкуру и чешую. Он был существом некроманта от носа до кончика своего длинного хвоста, и тот факт, что хитрый старый теплокровный старался, чтобы это выглядело иначе, только добавлял оскорблений к ране. Тем не менее, Малигрис поймал себя на том, что говорит:

— Возможно, ты сможешь служить мне. Эти шейды... — Он махнул когтем в сторону шадовар. — Пришли с предложением.

Белые брови Намирры поднялись.

— Неужели? — Он двинулся вдоль бока Малигриса, довольно долгий путь, который занял большую часть минуты, и остановился напротив шадовар.

— И что же Анклав Шейдов хочет предложить могучему Малигрису, сюзерену Запустения и всех его змиев?

Два шадовара переглянулись, затем Кларибернус пожал плечами и сказал:

— Мы были бы счастливы убрать Джентарим из пустыни Анаврок.

— Убрать Джентарим? — прорычал Малигрис. Что будут есть мои последователи? Я бы, скорее, убрал вас.

— Что плохого в том, чтобы выслушать их, Священный?

Намирра снова погладил свой амулет, и снова на Малигриса снизошло оцепенелое спокойствие. На лице некроманта появилась ухмылка, и он спросил:

— А в обмен на эту маленькую услугу, чего хотят шадовары?

— Служба не маленькая, — сказал Бреннус, обращаясь непосредственно к Намирре, — и вот что мы ожидаем взамен: мир с драконами и их помощь в войне против фаэриммов.

Малигрис вытянул шею, чтобы посмотреть на Намирру.

— Идет война против фаэриммов?

— Разве я не предлагал тебе почаще выходить на улицу, Священный? — ответил Намирра. — Они сбежали из тюрьмы и захватили Шараэдим.

— Шараэдим Эверески? — Малигрис весело фыркнул. — Последнее Пристанище эльфов? Отлично, я скажу. Пусть фаэримы его получат!

Намирра снова потянулся к своему амулету. Малигрис попытался взмахнуть когтем, чтобы остановить его, но обнаружил, что его нога слишком тяжелая, а палец совсем не гнется.

— Этот вопрос не так прост, как кажется, Могучий — сказал Намирра. — Фаэриммы представляют опасность для всех нас. Даже ваши поставки были вынуждены отклониться далеко на север или юг.

— А, поставки.

Хотя Малигрис понятия не имел, что имел в виду некромант. И даже если бы и знал, ему было бы все равно. Он поймал себя на том, что глубокомысленно кивает.

— Мы не должны позволить им помешать моим поставкам.

Намирра улыбнулся шадовару.

— Если Малигрис пойдет на это, то войско, которое он поведет на войну, не будет иметь соперников. Конечно, его помощь стоит больше, чем просто изгнать Джентарим из Анаврока.

— Что еще? — спросил Кларибернус.

Намирра посерьезнел. Малигрис хотел бы, чтобы они исчезли, стерлись с лица Фаэруна.

— Тогда пусть Малигрис сделает это сам, если его воинство так могущественно — сказал Бреннус. — Шадовары этого не сделают.

— Не сделают? — потребовал ответа Намирра. — Или не смогут?

Глаза обоих шадовар вспыхнули.

— Для тебя это одно и то же, — проворчал Бреннус. — Мы вернулись на Фаэрун не для того, чтобы сражаться за Культ Дракона в его битвах. Если вы не заключите сделку, можете быть уверены, что это сделает Джентарим.

Намирра шагнул вперед, возможно, больше, чем следовало, доверяя внушительному поддерживающему присутствию Малигриса.

— Тогда почему ты говоришь не с Джентаримом, а со мной?

Кларибернус вытянул шею, чтобы посмотреть вверх. — Потому что у Джентарима нет Малигриса.

— Если ты ищешь моей помощи, то должен был принести подарки, — пророкотал Малигрис, рассерженный тем, что его так явно исключили из переговоров.

Он знал это так же хорошо, как и все, кто контролировал его, но настаивал на внешних проявлениях. У него все еще было столько гордости. — Тебе следовало бы умолять меня.

— В этом нет необходимости, Малигрис. — Намирра погладил свой проклятый амулет. — Это то, что я должен обсудить для тебя.

— Отлично — сказал Малигрис, и это было правдой. Шадовар ничего не ответил и уставился на Намирру.

Намирра несколько мгновений молчал, потом кивнул и сказал:

— Сделано. — Он протянул Бреннусу руку. — Мы заключили сделку.

Шадовар уставился на отросток, словно не совсем понимая, что с ним делать, потом посмотрел через плечо некроманта на Малигриса.

— Могущественный будет соблюдать условия сделки?

Намирра кивнул и погладил свой амулет.

— Конечно.

— Хорошо. Бреннус широко улыбнулся, обнажив полный рот острых, как иглы, клыков, которым позавидовал бы даже Малигрис. — По рукам.

Шадовар схватил Намирру за руку, а затем так быстро, что даже Малигрис едва заметил это, потянул его вперед на лезвие блестящего черного кинжала. Намирра вскрикнул от неожиданности и попытался позвать на помощь слугу, но рука шадовара черным пятном закрыла ему рот, и Малигрис не почувствовал ни малейшего желания защищать некроманта. Бреннус закончил атаку, сначала опустив свой черный клинок в промежность Намирры, затем разрубил его по центру и позволил двум половинкам тела упасть отдельно.

Когда он закончил, проклятый амулет свисал с тыльной стороны его темного клинка. Он бросил его к ногам драколича.

— Вот твой подарок, Малигрис.

Малигрис настороженно смотрел на амулет, как и на кровавое месиво, в котором стоял шадовар.

— Если ты думаешь снискать расположение своей теплокровной изменой...

— Мы думали отомстить за оскорбление, которое он нанес нам, намекнув, что шейды не ровня жалкой кучке негодяев вроде Джентарима — сказал Кларибернус, —

и за оскорбление, которое он нанес тебе, обращаясь с Синим Сюзереном как с дрессированной собакой.

Если бы у Малигриса еще были губы, он бы улыбнулся.

— За это я благодарю вас. Но почему я должен соблюдать условия сделки, которую он заключил? Моим драконам нужны джентаримцы, чтобы есть.

— На войне у них будет много еды — сказал Бреннус. — Это я тебе обещаю.

— Если ты подумаешь, то обнаружишь, что все еще связан обещанием Намирры — сказал Кларибернус. — Ты продан Культи Дракона, и даже мы, Принцы Тени, не можем освободить тебя.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

9 Миртула, Год Дикой Магии (1372 по Л.Д.)

Ночь в Анклаве Шейдов наступила как углубление общего мрака, когда воздух стал тяжелым и теплым и затянулся чернильным туманом. Галаэрон сидел на балконе перед главной спальней Виллы Дузари, не дежуря, но наблюдая. Несмотря на поздний час, из черного мрака доносился ровный ропот и грохот проезжающего транспорта, достаточно громкий, чтобы не дать компании беспокойных домохозяев оторваться от своих подушек. Арис был внизу, в нижних лабиринтах города, в своей мастерской. Руха рыскала по дому в поисках Малика, который, очевидно, находился где-то еще, кроме своей комнаты. Только Вала лежала в постели по другую сторону двери от того места, где сидел Галаэрон. Она не спала, просто смотрела в лезвие своего черного меча, с задумчивой улыбкой на полных губах и мягкостью в глазах, чуждой им днем. Галаэрон знал, что она присматривает за своим сыном в Ваасе.

По ночам темный меч часто погружал ее в транс и показывал, что происходит в спальнях Гранитной Башни. Она называла это «ходьбой во сне», хотя это больше походило на шпионаж. За те месяцы, что они провели вместе, он научился читать выражение ее лица и определять, когда она навещает Шелдона. То, что в эти дни меч, казалось, смотрел на мальчика все чаще, было одной из немногих вещей, которые заставляли Галаэрона думать, что оружие может быть не совсем зловещим.

Хотя он и не завидовал Вале за то, что она мельком видела сына, Галаэрон завидовал им. Его собственные отец и сестра были потеряны в тумане войны – мертвые или недостижимые, он не знал. Мечи Эверески, отчаянно пытавшиеся спасти ворота в Рокнест, уже стали легендой. Судя по всему, Аобрик Нихмеду возглавлял атаку, и Галаэрон не был настолько глуп, чтобы поверить, что простой певец клинков может выжить в любой битве, в которой Хелбен Арунсун, один из Избранных Мистры, исчез без следа. Его сестра Кейя осталась запертой в Эвереске. Хотя Галаэрон не мог быть уверен даже в этом, поскольку фаэриммы давным-давно прекратили всякую

связь с Последним Пристанищем, воздвигнув вокруг Шараэдида магическую мертвую стену. Ему было невыносимо думать о своей маленькой сестре, восьмидесятилетней, едва взрослой, сидящей в одиночестве на верхушке дерева, грустной и испуганной, вероятно, голодной и, возможно, даже в отчаянии, в то время как снаружи фаэриммы окружили город, ожидая возможности войти. И все же альтернатива, что мифал уже рухнул и Эвереска пала, была слишком ужасна, чтобы думать о ней.

И это дело рук Галаэрона: побег фаэриммов, осада Эверески, вся война. Он вызвал это в один из тех ужасных моментов, которые эльф тысячу раз прокручивал в своей голове, говоря себе, что, если бы он сделал это, или сказал то, или просто оставил все это в покое, все было бы хорошо.

Вместо этого Галаэрон и его Стражи Гробниц последовали за отрядом разрушителей склепов в давно забытые шахты дворфов и обнаружили Валу и ее ваасанских воинов, готовящихся к встрече с их хозяином, теневым магом Мелегонтом Тантулом. В последовавшей суматохе Галаэрон отдал приказ, который прорвал Стену Шарнов, почти две дюжины людей и эльфов погибли, а фаэриммы сбежали, чтобы начать атаку на Эвереску.

Вала и шадовары сто раз говорили ему, что он всего лишь выполнял свой долг и ни в чем не виноват, но их слова не могли изменить того, что произошло, или того, что он чувствовал по этому поводу. Желая исправить свою ошибку, Галаэрон объединил свои силы с Валой и ее теневым магом и решил призвать единственную помощь, которая, казалось, была способна победить зло, которое он выпустил. По пути он научился использовать магию теней и вышел за свои пределы, открыв себя разрушительному влиянию Теневого Плетения и начав отчаянную битву против собственной тени за обладание своим духом. Казалось, на каждом шагу он принимал неверное решение, и теперь, когда он не был уверен, принадлежат ли мысли, проносящиеся в его голове, ему самому или его «теневому я», он почти боялся вообще что-либо решать.

Но одно он знал наверняка, одно решение было его собственным. Он сделает все, чтобы спасти Эвереску, пойдет на любые жертвы, чтобы исправить свою ужасную ошибку. Галаэрон откинулся назад и попытался очистить свой разум, но обнаружил, что слишком взволнован. Его мысли все время возвращались к утру, гадая, устроит ли Хадрун обещанную аудиенцию или найдет еще один предлог, чтобы отложить ее, и будет ли помощь Высочайшего решением его теневых проблем или просто еще одной ошибкой.

Конечно, не предвещало ничего хорошего то, что шадовары скрыли тот факт, что Анклав Шейдов отдаляется от Эверески. Но даже Галаэрон мог видеть, как его тень использовала бы эту информацию, чтобы подпитывать его подозрения и заставить его не доверять тому, кто больше всего способен помочь ему вернуть свой дух. Было время, когда он мог успокоить свои мысли, отступив в Дремление, но Галаэрон потерял связь с этой гранью эльфийской природы, когда позволил своей тени вторгнуться в свое сознание. Вместо того чтобы погрузиться в полузабытый транс воспоминаний и общих эмоций других эльфов, он погрузился в тот же бесчувственный, наполненный кошмарами сон, что и люди.

Но в эту ночь даже сон не приходил. Он проводил ночные часы, вглядываясь в темноту, слушая, как грохочет город под его балконом, снова и снова прокручивая в голове одни и те же мысли и сомнения, пока мрак не побледнел от темно-черного до рассветно-серого, и из мрака не вышел Арис, неся свою статую битвы Эсканора с фаэриммами. Уже законченная, она была лучшей из всех работ Ариса, настолько текучей, что казалось, вот-вот вырвется из рук великана. Фигура принца была благородной и величественной, одна рука все еще была протянута к фаэримму, которого он только что убил, когда он повернулся лицом к своему новому нападавшему. Само существо было связано с ним хвостом, пронзающим его живот, а также двумя руками, обернутыми вокруг его горла, художественная экспрессия, предпринятая, чтобы создать впечатление, что зверь парит рядом с ним без поддержки.

— Арис, это великолепно! — сказала Вала, присоединяясь к Галаэруну на балконе, когда каменный гигант вошел во двор. — Ты сделал это за одну ночь?

— Я не смог бы закончить без Малика — сказал Арис.

Статуя находилась на уровне балкона, и гигант говорил сверху, полуобернувшись к пустым воротам. — Он сделал большую часть полировки.

— И во что тебе обошлась эта милость? — спросила Руха, выходя из-за колоннады им навстречу. — В руку или в душу?

— Это не твое дело, мегера, — сказал Малик. — Нельзя ожидать, что ты поймешь, что один друг делает для другого, раз у тебя нет своего.

Он вытянул шею в сторону балкона.

— Ты могла бы привести себя в порядок, чтобы выглядеть достойно. Принц уже на пути сюда.

— Принц? — спросил Галаэрон. — Какой именно?

— Эсканор, конечно — сказал Малик. — Если ты мудр, то воспользуешься моим опытом и не сделаешь ничего, чтобы побудить его вернуться.

— Нет вора хуже королевского.

Галаэрон взглянул на Валу, которая лишь пожала плечами и повернулась, чтобы надеть свои доспехи, по ваасанским стандартам, намного превосходящие любой из темных нарядов, доставленных слугами Хадруна. Галаэрон выбрал свой дорожный плащ, так как даже самая грубая ткань Эверески считалась экстравагантной у не-эльфов.

К тому времени, как они переоделись и присоединились к остальным во дворе, свита Эсканора уже вливалась в ворота. Высокий, даже по шадоварским меркам, принц был виден в середине группы, его медные глаза сверкали поверх голов сопровождающих. Галаэрон и остальные опустили на колени и ждали, пока стражники займут свои посты по периметру двора. Эсканор направился прямо к статуе Ариса и медленно обошел ее, проводя пальцами по гладкому камню. Когда он дошел до того места, где хвостовой шип пронзил его живот, он заметно поморщился и отвернулся, подняв голову, чтобы обратиться к коленопреклоненному гиганту.

— Очень похоже. Как настоящий — сказал он.

Хотя Эсканор провел три дня в постели, приходя в себя после удаления яйца фаэримма, он не выказывал никаких признаков слабости.

— Могу поклясться, что он движется.

— Спасибо, — сказал Арис. — Твои слова для меня очень много значат.

— По правде говоря, она мне так нравится, что я хотел бы купить её для своей виллы, — сказал Эсканор.

Он жестом подозвал к себе слугу без доспехов.

— Мис заплатит столько, сколько ты сочтешь справедливым.

— Заплатит? — Арис, казалось, на мгновение задумался над этим, а затем сказал:

— К сожалению, я уже обещал эту статую Хадруну.

Все присутствующие дружно ахнули, а потом Эсканор рявкнул:

— Хадруну?!

Для Высочайшего, уважаемый принц, — быстро ответил Малик. — Хотя я уверен, что Арис может сделать еще одну в кратчайшие сроки, особенно учитывая, что цена не имеет большого значения.

— Еще одну? — эхом отозвался Арис. — А почему их должно быть две?

— Есть много веских причин — сказал Малик, осмелившись встать и без разрешения направиться к свите Эсканора. — Я расскажу вам все позже, но сначала позвольте мне поговорить с управляющим принца.

Эсканор жестом приказал стражникам отойти и, пересекая двор, свирепо посмотрел на маленького человечка.

— Малик, неужели ты действительно хочешь оскорбить Высочайшего, скопировав дворцовое сокровище? — Лицо Малика побледнело.

Он начал бормотать извинения, но Эсканор жестом велел ему замолчать и двинулся через двор, жестом приказывая остальным встать.

— Видите, статуя была только одной из причин, почему я просил, показать вам путь ко дворцу.

Он остановился перед Валой и взял ее руки в свои.

— Я хотел поблагодарить тебя за спасение моей жизни. Рафа сказал мне, что ты дралась как настоящий дьявол.

Вала даже покраснела, и Галаэруну сразу же не понравилось, как ее зеленые глаза выдержали взгляд принца.

— Ничего особенного, — сказала она, оставляя свои руки в руках Эсканора. — Нападавший отвлекся.

Галаэрон придвинулся ближе к Вале.

— Ты отвернулся не вовремя, принц, иначе мог бы убить его сам, пока он был оглушен телепортацией.

— Да, жаль, что я не смог прочитать твои мысли — сказал Эсканор, устремив медный взгляд на Галаэрона и отпустив руки Валу. — Ты был прав, держа фаэриммов в пещере. Было бы опасно позволить им сбежать с секретом срачивания.

Оставив Галаэрона дымиться, Эсканор повернулся к Рухе.

— Ты та самая арфистка, который преследует Малика?

— Так и есть. — Эсканор посмотрел на маленького человечка так, словно ему было трудно в это поверить. — Неужели он действительно такой ужасный преступник?

— Не стоит недооценивать его, принц — сказала Руха. — Те, кто это делают, часто расплачиваются за ошибку жизнью.

Это вызвало у Эсканора полную клыков ухмылку.

— Тогда я рад, что ты здесь, чтобы наблюдать за ним, арфистка, но запомни предупреждение Хадруна – Малик не совершил никакого преступления в этом городе, и если он это сделает, то наше правосудие решит дело.

Руха склонила голову.

— Мое единственное желание – проследить, чтобы он не причинил больше вреда, чем уже причинил.

— Хорошо. — Эсканор повернулся к Вале и жестом указал на ворота. — Если ты и твои друзья сообразоволят сопровождать Галаэрона, то Высочайшему будет угодно, чтобы вы осмотрели дворец сегодня утром.

Вала кивнула и двинулась вперед. Галаэрон шагнул к ней, убедившись, что встал между ней и Эсканором, когда остальные сомкнулись вокруг них. Заметил ли принц этот маневр, сказать было невозможно, но Вала нахмурилась безошибочно. Когда свита покинула ворота, она наклонилась ближе и прошептала:

— Твоя тень показывается, Галаэрон. Как ты думаешь, может пойти не так?

— Ничем не могу помочь.

В зеленых глазах Вала мелькнул огонек, и она удивила его улыбкой.

— Значит, ты *ревнуешь*.

— Эльфы не испытывают ревности, а даже если бы и испытывали, ревновать не к чему — сказал он.

Хотя чувства, которые они разделяли друг к другу, за последние несколько месяцев стали слишком сильными, чтобы скрывать их, Галаэрон по-прежнему не желал действовать в соответствии с ними. Мало того, что Вала была человеком, который состарится на его глазах, она обещала оставаться с ним только до тех пор, пока его теневой кризис не закончится, или она будет вынуждена закончить его за него. После этого она вернется к своему сыну в Ваасу, и Галаэрон не думал, что несколько месяцев любви стоят того, чтобы смотреть, как она уходит. Это и так будет достаточно тяжело.

— Я не хочу, чтобы ты забыла о своем обещании.

— Зачем мне это? — спросила Вала.

Галаэрон пожал плечами.

— Потому что принц могущественен и богат, а у вас, людей, такая слабость к мимолетным удовольствиям.

— Галаэрон, — сказала она, устало качая головой, — мимолетные удовольствия – это не слабости! Они – основа жизни.

Вала отвернулась, и свита продолжила свой путь по улице.

Вымощенная более тусклой версией того же черного камня, что лежал во дворе Виллы Дузари, аллея была узкой и извилистой, виляя через похожий на каньон лабиринт темных зданий, таких высоких, что даже Арису пришлось вытянуть шею, чтобы взглянуть на многих жителей, которые приветствовали Эсканора и выражали ему теплые пожелания, когда процессия проходила мимо. Переулков было немного, и те, которые они пересекали, всегда шли вверх по склону налево, и вниз по склону направо. Галаэрону постепенно стало ясно, что они поднимаются по спирали вверх по пологому холму, хотя один из них был настолько покрыт нависающими строениями, что его рельеф почти невозможно было различить.

По мере того как они поднимались, виллы становились все больше и величественнее, в конце концов став такими огромными, что требовалась целая минута, чтобы пройти мимо. Когда они миновали один из самых больших особняков с многочисленными шпилями, летящими контрфорсами и рядами длинных бочкообразных сводов, ведущих в затененные помещения, принц Эсканор остановился и помахал в его сторону.

— Моя обитель — сказал он. — Надеюсь, вы придете ко мне, когда мы будем не так заняты своими военными обязанностями.

Хотя Эсканор старался обращаться ко всем своим гостям, Галаэрон, или его тень, знал, что приглашение предназначалось в первую очередь Вале. Подавив желание предположить, что приглашение придет в первый раз, когда только Вала будет свободна ответить, он просто посмотрел на улицу и спросил, далеко ли до Дворца Высочайшего. Эсканор махнул ему рукой.

— Недалеко.

На самом деле это было не так. Сразу за домом принца улица выходила на широкую площадь на вершине холма, окруженную такими же особняками, все с самыми большими входами, направленными к ее центру. В кольце вокруг площади стоял лес мрачных скульптур, все они стояли в урнах из полированного обсидиана с единственной лентой тени, поднимающейся в постоянно меняющейся фигуре шадоварского воина или волшебника. Недалеко от особняка Эсканора стояло единственное изображение, которое Галаэрон узнал: изображение шадовара, который помог освободить фаэриммов, Мелегонта Тантула.

— Кольцо героев — сказал Эсканор, махнув рукой на стену фигур. — Все присутствующие здесь погибли, оказывая большую услугу Анклаву Шейдов.

— Их должны быть тысячи! — ахнула Вала.

— Десятки тысяч, — сказал Эсканор. — Анклав Шейдов – это древний город с древними врагами, и большую часть нашего времени на плане тени мы провели, защищаясь от нападений малаугримов.

— Малаугримы! — Ахнула Руха. — Тогда фаэриммы должны казаться тебе слабыми врагами, я полагаю.

— Другими, но не слабыми. Первое правило на плане тени – никогда не недооценивать врага — сказал Эсканор и повернулся к Арису.

— Если хочешь, я попрошу кого-нибудь научить тебя читать истории о скульптурах мрака в их меняющихся формах. Это вызвало у великана редкую улыбку.

— Ни один подарок не порадовал бы меня больше.

Принцу стоило только взглянуть в сторону своего управляющего, и Мис сказал:

— Это будет сделано сегодня.

Эсканор кивнул и повернулся к Галаэрону.

— Тебе интересно, что говорит о тебе история Мелегонта?

Галаэрон покачал головой.

— Только если там будет сказано, что он удостоен чести втянуть Эвереску и Глубоководье в войну против фаэриммов. Вала начала было укоризненно шипеть, но Эсканор остановил ее, подняв руку.

— Мы должны ожидать от него подозрений.

Несмотря на терпеливые слова принца, цвет его глаз стал гневно-красным. — Я думаю, нам следует поспешить к Высочайшему. Тень Галаэрона делает его глупым и недоверчивым, а это плохой знак.

Эсканор провел их через сотню шагов мимо мрачных скульптур и вышел на дальнюю сторону Кольца Героев. Прямо впереди возвышалось сумрачное великолепие Дворца Высочайшего, его гладкие стены из полированного обсидиана и затененные шпили исчезали в теневой дымке наверху. Как и многое в Анклаве Шейдов, он, казалось, изобиловал извилистыми изгибами и преувеличенными пропорциями, с формой, которая не могла быть названа или даже удержана в памяти больше, чем на мимолетное впечатление.

Не обращая никакого внимания на то, что рота заклинателей-охранников шадовар вытянулась по стойке «смирно», Эсканор направил свою свиту в сводчатый портал, такой высокий, что Арису едва пришлось пригнуть голову. Пройдя через короткий проход, они вошли в огромный зал со стеклянными изгибами и сумеречной прозрачностью, где каждый контрфорс уходил в темноту, а каждый коридор исчезал в тени. Сотня или больше высокородных шадовар входили и выходили из дверей, или стояли, хрипло переговариваясь, или терпеливо сидели на скамьях вдоль стен, их глаза цвета драгоценных камней ярко светились в темноте за их спинами.

Не обращая внимания на шепот приветствий и любопытные взгляды, бросаемые на проходящую мимо свиту, Эсканор повел свою группу по центру зала к многолюдной зоне отдыха за огромной парой охраняемых дверей. Командир отряда опустился на колени и сообщил Эсканору, что он уже послал сообщение о прибытии принца. Несколько мгновений спустя одна из дверей открылась, и Хадрун выскользнул, чтобы сообщить им, что Всевышний занят и примет их, как только сможет. Глаза Эсканор выглядели, как будто они могли прожечь отверстия в сенешале.

— Ты сообщил ему, что я здесь с эльфом?

Хадрун, не дрогнув, встретил гневный взгляд принца. Он с...

— Я спрашивал, с кем он был? — прорычал Эсканор, шагнув к двери. Хадрун повернулся, чтобы прервать его.

— Сейчас я вас объявлю.

— Мы войдем сразу за тобой, — сказал Эсканор, ловя дверь, когда сенешаль попытался ее закрыть. — Эльф должен немедленно приступить к занятиям.

— Ну конечно.

Хадрун жестом пригласил Галаэрона и его спутников пройти, но Мис, Рафа и остальная свита принца остались позади. Они очутились в комнате, еще более мрачной, чем большой приемный зал, где мрак падал на их кожу, как пепел, и клочья теней проплывали мимо длинными дымчатыми лентами.

Когда Хадрун и Эсканор повели группу вперед, голоса невидимых шепчущих то поднимались, то опускались в окружающей темноте, и холодные мурашки пробежали по коже Галаэрона. Наконец, они приблизились к шепоту, который не затихал и по мере того, как они продолжали идти, и в конце концов превратился в более полные тона нормальной речи. Галаэрон узнал в одном из говоривших женщину, а в другом голос, обращавшийся к нему во дворе крыла.

Прежде чем они подошли достаточно близко, чтобы понять, о чем идет речь, Хадрун заставил их опуститься на колени и прижаться лбами к полу. Два голоса перестали бормотать, затем воздух стал холодным и неподвижным.

— Я знаю, как ты занят войной, Эсканор, — сказал Высочайший. Его голос был таким же свистящим и сильным, как и раньше. — Благодарю тебя за то, что ты делаешь.

Если принц и ответил, то Галаэрон его не услышал. Вместо этого Хадрун сказал:

— Я устроил подношение от великана, Могучий.

— Подношение? Давай посмотрим.

Воздух стал менее холодным, когда Высочайший отошел, затем ноги Эсканора появились рядом с головой Галаэрона.

— Достаточно ли у тебя власти над своей тенью, чтобы держать язык за зубами, эльф?

— Если он этого не сделает, я смогу его сдержать — сказала Вала. Эсканор задумчиво посмотрел на нее, потом сказал:

— Хорошо. Встаньте.

Галаэрон и остальные встали и оказались лицом к лестнице у подножия укутанного мраком помоста. Эсканор указал на заднюю часть отряда.

— В его присутствии принято смотреть в лицо Высочайшему.

Галаэрон обернулся и увидел укутанную мраком фигуру, стоящую рядом с лодыжкой Ариса, голова в капюшоне повернута к статуе. Он начал медленно кружить вокруг нее, одобрительно кивая. Галаэрон мельком увидел пару платиновых глаз, сияющих из-под капюшона Высочайшего, но это было все, что он мог видеть. Сделав полный круг, он снова остановился у лодыжки Ариса. Мрак перед его телом закружился, слышались хлопки, затем он запрокинул голову, чтобы обратиться к гиганту, но Галаэрон все еще не мог видеть его лица.

— Воистину, ты не уступаешь ни одному создателю мрака в анклав, — сказал Высочайший. — Я с гордостью выставлю её в Галерее Сокровищ вместе с лучшими произведениями искусства города.

— Ты оказываешь мне честь, превосходящую мои способности, — пророкотал Арис. — Если бы ты видел галереи рассказов в Тысяче Лиц до того, как они были уничтожены, ты бы знал, насколько слабы мои таланты.

— Фаэриммы многое отняли у всех нас — сказал Высочайший. — Я уверен, что их гибель не заменит того, что ты потерял, но знай, что они заплатят за это не только своими жизнями. Так обещал Мелегонт, и так обещаю я.

— Спасибо, — сказал Арис.

Малик порастил Галаэрона и, судя по удивленным вздохам, всех остальных тоже, появившись из темноты позади ног Ариса.

— Я тоже пришел с дарами — сказал он, сунув руку под мантию. — Единый поручил мне...

— Стой! — Рука мгновенно бросилась к нему, швыряя песок в его убранную руку и произнося какое-то бединское заклинание природы. Прежде чем она успела пройти достаточно далеко, чтобы Галаэрон понял, какое заклинание она собирается произнести, Высочайший жестом указал в ее сторону, и она оказалась вплетена в

полдюжины темных шупалец. Ее вуаль продолжала трепетать, когда она произносила заклинание, но единственное, что выходило из-под нее, были облака темного пара.

— Разве Хадрун не предупредил тебя, арфистка? — спросил Высочайший. — То, что здесь делает Малик, тебя не касается.

Малик ухмыльнулся в сторону ведьмы, затем, все еще держа руку под одеждой, повернулся к Высочайшему. — Как я уже говорил, Единый...

— Твой подарок придется отложить на потом. — Высочайший отодвинулся от маленького человечка. — Хадрун договорится о времени. А теперь я действительно должен начать занятия с Галаэроном. Если вы, остальные, извините нас, Рафа и Мис ждут, чтобы осмотреть дворец вместе с вами.

С этими словами он повернулся и исчез во мраке. Эсканор жестом подозвал Валу к остальным.

— Не стесняйся наслаждаться экскурсией вместе со всеми. Галаэрому будет хорошо с нами.

Вала шагнула ближе к Галаэрому.

— Этого не случится.

— Так и будет. — как ни вежлива была улыбка Эсканора, она тоже была полна клыков. — Тебе не о чем беспокоиться, пока он находится в обществе Высочайшего. Не было отброшено тени, которую Теламонт Тантул не смог бы укротить.

— Тантул? — ахнул Галаэрон. — Так же, как и Мелегонт Тантул?

Принц кивнул.

— И Эсканор Тантул, — сказал он. — Все принцы тени – Тантулы.

Свистящий голос Теламонта заполнил мрак вокруг них.

— Эсканор!

Эсканор коротко поклонился Вале, затем взял Галаэрона за руку и повел прочь.

— Галаэрон? — позвала Вала.

— Я буду ... в порядке — сказал Галаэрон, задыхаясь на последнем слове. То ли он был взволнован, то ли испуган, он даже не мог сказать, но его сердце так сильно забилося в горле, что он едва мог дышать. — Встретимся на вилле.

— Когда?

— Когда он закончит — сказал Эсканор. — Я сам приведу его.

Они миновали статую и исчезли в темноте, а через дюжину шагов оказались в мезонине невероятно высокого и очень большого атриума. Через отверстие в центре он увидел, что под ним раскинулась половина континента Фаэрун, от Побережья Мечей на западе до огромной Отмели Жажды в пустыне Анаврок, от руин Арабеля на юге до Высокого Льда на севере. В данный момент большая часть земли к западу от Анаврока была скрыта грозowymi облаками, в то время как все на Востоке было коричневым и выжженным нехарактерной для него засухой.

— Я привел тебя в нашу военную комнату, чтобы показать, почему Анклав Шейдов удаляется от Эверески — произнес тихий голос Теламонта Тантула. — Ты хотел знать.

— Да, — ответил Галаэрон.

— Ты подозреваешь нас в том, что мы нарушили обещание моего сына, — продолжал Теламонт. Галаэрон прикусил язык, борясь с желанием сказать, что он знал об этом.

— Говори свободно — настаивал Теламонт. — В военной комнате ни одно мнение не отвергается легко.

— Очень хорошо. — У Галаэрона так пересохло в горле, что слова застряли где-то в груди. — Как незерес, ты однажды потерял Анаврок из-за фаэриммов. — Он помедлил, пытаясь отделить то, во что верил, от того, во что верила его тень, но Теламонт был не в настроении ждать.

— И ты веришь, что Мелегонт намеренно выпустил фаэриммов на Эвереску, чтобы Глубоководье и остальной Фаэрун были втянуты в нашу войну, — продолжил Высочайший. — Скажи, что ты имеешь в виду, эльф. Единственный способ жить со своей тенью — дать ей голос.

— Ты это сделал? — спросил Галаэрон с нарастающим гневом. Теламонт некоторое время молчал, и Галаэрон начал слышать другие голоса, доносившиеся из-за стены военного зала, тихо шепчущие или горячо обсуждающие, иногда даже смеющиеся или кричащие, но когда он смотрел в сторону голосов, то никогда не видел больше чем нескольких пар светящихся глаз, обычно цвета драгоценных камней, но иногда металлических оттенков королевских кровей. Несколько мгновений спустя Теламонт Тантул, наконец, ответил.

— Вовлечение эльфов в войну было бы, конечно, полезным делом, но именно ты проломил Стену Шарнов. Как мы могли это предвидеть?

— В самом деле, как? — Галаэрон задумался, а потом сказал — Разбив склеп. Мелегонт, возможно, и не знал, что я приду, но он знал, что кто-то точно придет.

— Это, конечно, возможно — согласился Теламонт, — но можем ли мы, шадовары, быть достаточно умными, чтобы быть уверенными, что ты произнесешь нужное заклинание в нужное время? А если так, то не лучше ли нам быть союзниками, чем врагами? — спросил Эсканор.

— Если вы союзники, — сказал Галаэрон, пытаясь сосредоточиться на насущном вопросе. — До сих пор я видел достаточно мало доказательств этого.

— Ты видел недостаточно? — спросил Теламонт. — Посмотри еще раз.

Галаэрон снова перевел взгляд на лежащий внизу континент и с удивлением обнаружил, что не видит ничего, кроме грозовых облаков. Пока он смотрел, облака становились все больше и темнее, и вспышки молний пронзали их клубящиеся тела. Затем он нырнул в обширное, пропитанное дождем болото, где сотни людей-ящеров копошились с гораздо меньшим отрядом шадовар.

— Хелимберское Болото, на дальней стороне земель Серой Мантии — сказал Теламонт с едва заметной гордостью в голосе. — Видишь ли, Анклаву Шейдов не нужно быть рядом, чтобы проецировать свою силу. Наши воины — шейды, которые могут ходить по теням и пересекать Фаэрун по своему желанию. Эвереска не будет страдать из-за нашего отсутствия.

Хотя шадовары были вооружены магией и оружием теней, воины-шейды держались против примитивных ящеров. Галаэрон даже зашел бы так далеко, что сказал бы, что они, похоже, выдержат этот день, но это было не похоже на людей-ящеров, так стойко идти на смерть, и никогда в ровных рядах дисциплинированной армии. Что-то заставляло их атаковать, что-то, что заставляло их ненавидеть шадовар сверх всякой причины, или что-то, чего они боялись больше.

— Ты можешь их отозвать? — спросил Галаэрон, даже не пытаясь скрыть панику в голосе.

— В этом нет необходимости, — произнес мрачный голос принца Ривалена. — Мы не боимся потерять одну-две жизни, защищая наших союзников, а чешуйчатые потеряют целую армию.

Галаэрон поднял глаза и увидел фигуру Ривалена в рогатом шлеме, спускавшуюся с балкона, затем поймал себя на том, что качает головой.

— В этой битве есть нечто большее, чем мы видим — сказал он. — Вы те, кто проиграет воину, если не будете действовать быстро.

— И ты знаешь что там? — спросил Эсканор.

Галаэрон кивнул.

— Знаю.

— Как? — спросил Ривален.

Галаэрон только пожал плечами. Не знаю, откуда я это знаю, знаю только, что знаю.

Эсканор и Ривален переглянулись, и Эсканор спросил:

— Как ты это делал на Срачивании?

Галаэрон задумался, потом неохотно покачал головой. — Это то же чувство, но не такое сильное. В этом есть смысл – люди-ящеры так не дерутся. Должно быть, что-то двигает ими.

— Фаэриммы? — спросил Ривален. — Мы всегда ожидали, что несколько окажется снаружи, когда Эсканор поднимет барьер.

— Я тот, кто поднял его — сказал Галаэрон, злясь, что шадовары продолжают пренебрегать ролью, которую он сыграл в Срачивании. — И это не фаэриммы. Это слишком прямолинейно для них.

Слова, казалось, сами собой слетали с его губ.

— Они предпочитают оставаться скрытыми и работать через посредников. Это должен быть бехолдер, или, может быть, отряд иллитидов.

Оба принца повернулись к Высочайшему. Удивленный тем, что так легко выиграл спор, Галаэрон сделал то же самое, и обнаружил, что Теламонт Тантул стоит всего в нескольких шагах, его платиновые глаза сверкали из глубины капюшона. Галаэрон все еще не мог разглядеть форму его лица и даже то, был ли Высочайший бородат, как Мелегонт, или чисто выбрит, как большинство других принцев. Теламонт посмотрел над головой Галаэрона на принцев и сказал:

— На наш вопрос был дан ответ.

Не успел он произнести эти слова, как отряд шадовар начал истаивать в сверкающих тенях грозы, оставляя изумленных ящеров на свободе, чтобы захватить позицию, и бехолдер, который внезапно стал виден позади их линий, был так зол, что начал распылять свой луч распада вокруг наугад. Галаэрон с минуту смотрел на эту сцену, затем повернулся и увидел, что Теламонт Тантул все еще смотрит на него своими платиновыми глазами.

— Ты был с Мелегонтом, когда он умер — сказал Теламонт. — Между вами что-то произошло.

— Я потерял сознание, — выдохнул Галаэрон, вспоминая запутанную битву, в которой погиб Мелегонт. — Когда я пришел в себя, он уже ушёл.

— Не ушел. — Теламонт подплыл ближе, пока не оказался достаточно близко, чтобы поднять темный рукав и положить что-то темное и холодное на плечо Галаэрона. — Через тебя он все еще служит.

— Вот почему ты привел меня сюда? — Воздух был таким холодным и неподвижным, что Галаэрону стало трудно дышать. — Потому что Мелегонт передал мне свои знания о фаэриммах?

— Это не так уж плохо — сказал Эсканор. — Партнеры, нуждающиеся в помощи, создают самые сильные союзы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

14 миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

В темном небе солнце было лишь пепельным диском, выглядывающим из-за скалистого плеча Восточного Пика, слишком слабым, чтобы прожечь темную мантию, которую враги Эверески натянули на Шараэдим, слишком бледным, чтобы прокормить несколько изголодавшихся по свету почек, достаточно бесстрашных, чтобы появиться на опаленных и увядших стеблях Винной Долины. Как ни мрачно было утро, оно было достаточно ярким, чтобы эльфийские глаза Кейи Нихмеду разглядели слабый вихрь пепла и пыли, дрейфующий по другую сторону Луговой Стены. В паре длин копыта от укрывающего ее дерева он двигался медленно, тихо и осторожно, подпрыгивая вдоль защитного мифала Эверески, снова и снова пытаясь пересечь границу с нетронутыми полями за ней. Все инстинкты кричали Кейе, чтобы она сбросила камуфляж и бежала к воротам утеса. Она осталась. Мифал защитит ее, и она обещала быть там, когда Хелбен и ваасанцы вернутся. *Если* они вернутся. Кейя посмотрела на бледный диск в небе и подумала, Может ли даже Избранный Мистры быть настолько хорош. Целая ночь среди фаэриммов.

Вихрь остановился перед деревом Кейи, такой слабый, что она начала сомневаться, что видит его. Возможно, завиток был просто ветром, поднимающим пепел, когда он катился вниз по Луговой Стене. Не каждый пыльный дьявол, танцующий на выжженной террасе, был невидимым фаэриммом, но многие из них были. Будь она на своем посту в одной из городских башен, Кейя могла бы взмахнуть палочкой и сразу понять, на что смотрит, но монстры видели мистическую энергию так же, как dwarфы видят тепло тела, и поэтому Долгая Стража не использовала никакой магии—даже не носила ее так близко к границе.

Вихрь исчез, но Кейя все еще слышала, как шевелятся на ветру мертвые стебли виноградных лоз, и отчетливо шипит воздух над камнями Луговой Стены, и она *знала*. Фаэриммы были окружены аурой движущегося воздуха, который они использовали для общения между собой на странном языке свиста и рева. Не только одна

невидимая тварь остановился на своем круге вокруг мифала, их было двое, тихо шепчущихся, притаившихся прямо перед деревом Кейи, тем самым деревом, которое она велела Хелбену Арунсуну и ваасанцам отметить как место встречи, когда они вернутся в город. Кейя осталась в своем дупле в толстом стволе липы, стоя за ширмой из коры, едва осмеливаясь дышать. Следующие несколько минут она размышляла о том, почему фаэриммы выбрали именно это место именно в это утро для разговора и что она собирается делать, если – когда – Хелбен и ваасанцы вернутся. Она не могла даже подумать о том, чтобы пройти мимо двух колючих спин, скрывающихся снаружи – даже для одного из Избранных, ни для ее ваасанских друзей, даже если ее собственный брат Галаэрон внезапно появится за Луговой Стеной. Когда эльфийка открывала врата в мифале, она не могла контролировать того, кто ими пользовался. Как только фаэриммы окажутся внутри, потребуется лишь мгновение, чтобы сотворить ту же высасывающую жизнь магию, которая уже иссушила посадки Винной Долины и обнажила некогда величественные еловые насаждения Верхней Долины, а этого Кейя не могла допустить, не тогда, когда мифал уже слабел. Кейе потребовалось мгновение, чтобы осознать это, когда фаэриммы замолчали, ибо разница между тишиной и шипением их шепчущих голосов была не больше, чем трепетание крыльев мотылька. На мгновение ей показалось, что фаэриммы двинулись дальше, но когда она посмотрела вдоль Луговой Стены, то не увидела ни кружащегося пепла, ни каких-либо других признаков их ухода. Шипастые притихли по той же причине, по которой были невидимы, потому что хотели сохранить свое присутствие в тайне, а их добыча была достаточно близко, чтобы услышать их. Это должны были быть Хелбен и ваасанцы, такие же невидимые, как фаэриммы, но идущие в ловушку. Кейя знала, что Хелбен использует свою магию обнаружения и, если предположить, что он все еще с группой, увидит врага, как только тот окажется в пределах досягаемости. Монстры тоже это знали. Война вокруг Эверески превратилась в войну скрытности и магии, когда сражающиеся пробирались через пустынный ландшафт, молчаливые и невидимые, ища врагов, которые были такими же молчаливыми и невидимыми. Чаше всего побеждал тот, кто первым обнаруживал врага, а фаэриммы, очевидно, уже обнаружили Хелбена и ваасанцев. Кейя знала, что может предупредить Хелбена, просто произнеся его имя, потому что он сказал ей, что Избранные слышат несколько слов, когда их имена произносят где-нибудь на Фаэруне, но это мало чем отличалось от магического послания. Она должна была предположить, что фаэриммы обнаружат его так же легко. Нет, ей нужно было напугать шипастых, сбить их с толку всего на полсекунды, которые понадобятся Хелбену и остальным, чтобы распознать ловушку и отреагировать. Если предположить, что они действительно там.

Кейя пожалела, что у нее нет волшебной палочки, действительно пожалела. Вместо этого она уставилась на Луговую Стену и схватила копье. Оно было простым, с дубовым древком и наконечником из мифриловой стали, и весило почти в три раза меньше, чем она. Она прошептала молитву Кореллону Ларетиану, затем отшвырнула в сторону ширму из коры и выскочила из своего укрытия. Два вихря пепла и пыли поднялись за Луговой Стеной, когда испуганные фаэриммы отреагировали. Она повернула к тому, что была справа, только потому, что тот был на полшага ближе. Существо отреагировало инстинктивно, разбрызгивая в сторону Кейи стрелы золотой магии и мгновенно становясь видимым. Снаряды взорвались, не причинив

вреда мифалу, затем Кейя оказалась у Луговой Стены, пронзив своим копьём магический барьер, чтобы ударить чешуйчатую середину существа.

Магическая защита фаэримма отклонила её копьё так же легко, как мифал отклонил его золотые стрелы. Шар серебряного магического огня Хелбена взорвался в твари сзади, прижав её к мифалу и удерживая там, пока она не испепелилась особой магией Избранного. Прикрывая глаза от серебряного огня, Кейя отшатнулась и, обернувшись, увидела, как другой фаэримм разваливается на части под темными мечами Ваасанцев. Один из черных клинков издавал что-то вроде музыкального мурлыканья, оживленную мелодию, которая звучала почти как чье-то жужжанье. От этой песни по спине Кейи пробежала дрожь. Она слышала, как меч Дексона разговаривал во сне, и видела, как меч Кула побледнел, потому что он забыл окунуть его в чан с медом в тот день, но это была самая жуткая странность из всех. Мелодия была радостной и легкой, как будто оружие наслаждалось своей кровавой работой. Трое ваасанцев быстро прикончили фаэримма, затем отрезали ему хвостовой шип и принялись спорить, как могли только ваасанцы, о том, кто заслуживает трофея. Хелбен появился позади троицы и заставил их замолчать резким словом, прежде чем повернуться к Кейе с благодарным поклоном.

— Быстрый ум и смелые поступки, Кейя Нихмеду — сказал он. Высокий и темнобородый, Хелбен обладал мрачными манерами, придававшими угрюмое достоинство даже самым простым его поступкам. — Примите нашу благодарность.

— Ничего особенного. — Кейя произнесла слово перехода, затем жестом указала волшебнику и остальным на Луговую Стену. — Я никогда не была в опасности.

— Но мы были, — сказал Дексон, самый темный из темных и крепких ваасанцев. Они наверняка застали бы нас врасплох. — Я мог бы поцеловать тебя. — Это заставило Кейю приподнять бровь.

— Неужели? — Весивший чуть меньше рофа и обладавший ослепительной белозубой улыбкой, Дексон был самым красивым из ваасанцев. Она прошептала слово закрытия, чтобы запечатать мифал позади них, затем улыбнулась человеку.

— Хорошо, а почему бы и нет?

У Дексона отвисла челюсть, и он начал смотреть на нее тем голодным взглядом, который, казалось, появлялся в глазах ваасанца при малейшем проблеске обнаженной кожи. Хотя Кейя знала, что её друзья по Долгой Страже были возмущены людьми вообще и тем, что они пялились на нее в частности, она не убрала свою улыбку. Правда заключалась в том, что как только личность знакомилась с ними, люди становились довольно забавными. Ей даже нравились взгляды, которые они бросали в её сторону, по крайней мере, те, что бросал на нее Дексон, когда они отправлялись купаться в пруд Славы Рассвета. Когда ваасанец, казалось, был слишком потрясен, чтобы просто смотреть на Кейю, Берлен шагнул вперед, чтобы занять его место.

— Что с тобой, Декс? Ты не можешь заставлять нашу хозяйку ждать. — Берлен широко раскинул могучие руки и закрыл глаза ... и вдруг обнаружил, что держит в руках хмурого Хелбена.

— Это Кейя заслуживает награды, Берлен, а не ты.

Кейя хихикнула, заставив архимага обратить на нее сердитый взгляд.

— А вам, юная леди, следует быть осторожнее с приманиванием медведей. Я уверен, что лорд Нихмеду очень расстроится, если вы поцелуете кого-то, у кого на лице больше шерсти, чем у тхаэрта.

Кейя вздернула подбородок.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр Чёрный Посох, но Галаэрон мне не охранник, и его здесь нет.

Она украдкой взглянула на Дексона и добавила:

— А теперь, пожалуйста, расскажите, как прошла ваша разведывательная миссия?

В темных глазах Хелбена мелькнуло что-то похожее на веселье, но оно исчезло прежде, чем Кейя успела убедиться. Обернувшись, он пошел через луг к воротам утеса и произнес через плечо:

— У лорда Дуирсара есть причины беспокоиться о темном небе, — сказал он. — Долина умирает за пределами мифала даже быстрее, чем внутри.

Кейя споткнулась и, если бы не скорость, с которой рука Дексона протянулась, чтобы поймать ее, упала бы.

— Жизнь долины, как внутри Луговой Стены, так и за ней, поддерживал мифал. Мы должны найти способ сорвать эту тень с неба, и как можно скорее, — продолжал Хелбен, — иначе мы скоро будем сражаться с фаэриммами на улицах Эверески.

Галаэрон стоял в холодном безмолвии рядом с Высочайшим, вглядываясь в окно мира, наблюдая, как многомильная колонна смешанных добровольцев тащится по колено в грязи, которая когда-то была Торговым Путем. Здесь были народы со всего северо-запада: эльфы с Эвермита, адбарские дварфы, люди Глубоководья, но только варвары Утгарда казались не потревоженными метелями и постоянными ливнями, которые всю весну преследовали западный Фаэрун. Остальные добровольцы кашляли и шатались, настолько ослабленные лихорадкой и усталостью, что армия едва могла пройти три мили в день, не говоря уже о том, чтобы вступить в бой в конце марша. И все же сражаться они должны.

Закутанная в капюшон голова Теламонта посмотрела в сторону Высоких Болот, и картина в окне мира сменилась на орду багбиров, которых гнал сквозь водопад дождя отряд офицеров-бехолдеров. Их поддерживали две роты иллитидов и еще одна рота боевых джентаримских магов, хотя зачем врагу понадобились люди-метатели заклинаний с пятью фаэриммами, наблюдающими за их атакой, было выше понимания Галаэрона. Теламонт снова перевел взгляд, на этот раз на скалистую гряду, которая стояла вдоль Торгового Пути напротив Высоких Болот. Лаэраль Серебряная Рука и ее сестра Шторм уже стояли на вершине хребта, их длинные локоны развевались на ветру, когда они расставляли магические ловушки. Хотя было далеко не точно, что их армия покроет оставшиеся полторы мили, прежде чем багбиры фаэриммов покроют оставшиеся восемь, хребет значил все. Армия, которая контролировала бы его, имела бы преимущества как высоты, так и твердой почвы, в

то время как та, которая этого не делала, была бы вынуждена пробираться в бой через грязное болото. Отступление не было вариантом ни для одной из сил, не с той магией, которую пять фаэриммов или двое Избранных Мистры могли призвать на армию, увязшую в грязи. Этим вечером будет битва, возможно, самая ожесточенная из всей войны, которая уничтожит обе стороны, независимо от того, кто останется в живых, чтобы претендовать на поле битвы. И почему? Внимание Теламонта переключилось на самих фаэриммов, и сцена снова изменилась. Привыкший к быстрой смене фокуса Высочайшего, Галаэрон переключил свое внимание на шипастых и начал размышлять над вопросом, почему так много собралось в одном месте. Он приходил во дворец каждый день с момента их первой встречи, проводя большую часть этого времени, вглядываясь в окно мира и пытаясь войти в контакт с тем, что Мелегонт передал ему в эти последние несколько мгновений жизни. Иногда это срабатывало, и он мог вовремя угадать намерения врага, чтобы спасти несколько десятков, или даже несколько сотен жизней. Чаще всего он мог предложить не больше, чем кто-либо другой. Несмотря на это, Теламонт Тантул проводил часть каждого дня, иногда большую его часть, с Галаэроном, никогда не обучая его напрямую, но всегда подходя к предмету уклончиво, как будто концентрируя слишком яркий свет на своей тени, он только заставлял ее скрываться. Сколько бы ни длились эти сеансы, Галаэрон всегда возвращался на Виллу Дузари измученный, онемевший и раздраженный настолько, что Вала начинала сомневаться, помогает ли ему Теламонт контролировать свою тень или наоборот. Хотя ей не разрешили войти в военную комнату, даже Эсканор не смог уговорить Высочайшего впустить ее внутрь, она настояла на том, чтобы каждый день приходил во дворец и ждать в шепчущем полумраке тронного зала. Учитывая, какой раздражительной это делало ее, Галаэрон начинал думать, что это она борется с теневым кризисом. Теламонт отошел от края мирового окна и устремил свои платиновые глаза на Галаэрона, и как всегда Галаэрон почувствовал, что вопрос вертится в голове Высочайшего.

— Не вижу смысла форсировать эту битву, — признался он. Когда мы подняли теневой барьер, снаружи было всего десять фаэриммов.

— Теперь их двенадцать, — поправил Хадрун с другой стороны Теламонта. — Наши агенты обнаружили одного во Вратах Балдура, а другого в... в том маленьком королевстве к югу от Гоблинских Границ.

— Кормир? — спросил Галаэрон.

Хадрун кивнул, его большой палец вонзился в глубоко изношенную бороздку на вершине его вездесущего посоха.

— Там, где когда-то был город Арабель.

— Тем не менее, это почти половина их числа вне границы барьера, — сказал Галаэрон.

— Зачем так рисковать, чтобы остановить армию, которая может умереть от лихорадки еще до того, как доберется до Шараэдима?

— Убить пару Избранных? — спросил Хадрун.

Галаэрон покачал головой.

— Фаэриммы знают лучше — сказал он.

— Избранных можно победить, но не убить, по крайней мере, магией Мистры.

Сверкнув глазами при этой последней поправке, Теламонт сказал:

— Какова бы ни была их цель, мы не можем допустить этой битвы.

Он повернулся туда, где без видимого вызова появились Эсканор и Ривален, затем поднял наполненный мраком рукав к Окну мира.

— Вы возьмете своих братьев и лучшие легионы и спасете этих больных дураков, если сможете. Оставьте фаэриммов, пока мы не поймем их игру.

— Будет сделано.

Оба принца приложили ладони к груди, затем повернулись и ушли.

Галаэрон почувствовал тяжесть невысказанного вопроса Теламонта и понял, что от него требуют чего-то, о чем до сих пор только спрашивали. Он повернулся к окну мира и сосредоточил свое внимание на Высоких Болотах, затем на орде крошечных фигурок, роящихся над ним, затем на пяти фигурах, дрейфующих позади неё между двумя отрядами иллитидов. Каждый раз окно отзывалось на его волю, изображение менялось и увеличивалось, показывая ему то, что он хотел увидеть. Когда Галаэрон, наконец, смотрел только на самих фаэриммов, он переходил от одного к другому, изучая каждого по очереди, ища шрамы или чешуйчатые узоры, или что-нибудь, что могло бы вызвать одно из воспоминаний Мелегонта. Если бы окно мира могло нести звук, он бы произнес заклинание, которому научил его Мелегонт, чтобы понять их язык, но даже шадовары не могли подслушать, не послав шпиона. Высочайший уже дал понять Галаэрону, что до тех пор, пока он не станет достаточно искусен в магии теней, чтобы найти и передать знания, которые доверил ему Мелегонт, ему не будет позволено рисковать своей жизнью любым способом. Для принцепса Стражи Гробниц, привыкшего гоняться за головорезами-разрушителями склепов по узким проходам, усеянным магическими смертельными ловушками, это ограничение было нелегко соблюдать. Через несколько минут, позволив своим мыслям блуждать по изображениям фаэриммов, Галаэрон наконец отвел взгляд от окна мира.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я ничего не могу вызвать.

Теламонт принял неудачу с терпением, не свойственным никому, кроме Галаэрона.

— Пусть это тебя не волнует — сказал он. — Я уверен, что это просто твоя тень вмешивается. Чем сильнее ты пытаешься контролировать её, тем сильнее она становится.

— Я не пытаюсь её контролировать — сказал Галаэрон. — Я просто позволяю своим мыслям блуждать.

Глаза Теламонта блеснули под капюшоном, и в них мелькнуло что-то похожее на оскал белых клыков. Ты всегда пытаешься контролировать свою тень, эльф. Ты из тех, кто должен контролировать то, чего он боится.

— Я боюсь превратиться в чудовище, — настаивал Галаэрон. — Конечно, я хочу контролировать свою тень.

— Как я и сказал, — ответил Теламонт.

Его рукав поднялся, и холодная тяжесть легла на плечо Галаэрона.

— Это не имеет значения. Принцы получили свои приказы.

Окно мира заполнилось туманным пространством, которое постепенно становилось менее туманным по мере того, как Всевышний фокусировал то, что хотел видеть. Даже после того, как сцена перестала меняться, Галаэрону потребовалось мгновение, чтобы заметить серию слабых голубоватых линий, которые он узнал, как

трещины в Высоком Льду. Расселины расширились, превратившись в кинжалообразные ленты глубоких ледяных каньонов, и Галаэрон начал замечать странное лоскутное одеяло паровых столбов, поднимающихся от некоторых участков массивного ледника. Одна из этих колонн расширялась, заполняя окно мира, и квадратный участок снега постепенно темнел от белого до серого и черного, продолжая увеличиваться. Наконец Галаэрон обнаружил, что смотрит на нечто, похожее на огромный черный ковер, который разворачивала компания шадовар размером с муравья.

— Теневой покров, — объяснил Теламонт, отвечая на вопрос Галаэрона раньше, чем тот успел его озвучить. — Квадратная миля чистого теневого шелка.

Галаэрон нахмурился, так же озадаченный тем, что делали шадовары, как и тем, почему Теламонт показывал это ему. В конце уже расстеленного одеяла в воздух начала подниматься густеющая дымка пара, а из-под края вытекали крошечные ручейки хрустальной воды, сплетаясь в сверкающие потоки, которые сливались в широкие ручьи и исчезали в синих расщелинах серебряными хвощами падающей воды.

— Ты его растапливаешь! — ахнул Галаэрон.

— Да, — если Теламонт и заметил тревогу в голосе Галаэрона, его тон не выдал ее. — Одеяла тени поглощают весь падающий на них свет, а затем задерживают его внизу в виде тепла. Мы уже уложили сотни вдоль кромки Высокого Льда.

— Сотни?

Галаэрон сосредоточился на большей площади высокого льда. Почувствовав перемену фокуса, Теламонт уступил контроль над окном мира, и сцена отодвинулась, чтобы показать сотни столбов пара, поднимающихся со льда.

— Вы меняете погоду фаэриммам!

— Мы восстанавливаем то, что разрушили фаэриммы, — поправил Теламонт.

Сцена снова изменилась, на этот раз к южному краю высокого льда, где десятки огромных рек хлынули из голубоватых пещер в основании горной стены из снега и льда. Вода лилась в огромные бассейны, которые были сухими в течение тысячи лет, воссоздавая озера, которые когда-то лежали вдоль северных окраин Незерила.

— Холодный воздух скатывается с Высокого Ледника и набирает влагу, когда проносится над озерами и становится теплым, — объяснил Теламонт. — По мере того, как эффект усиливается, ветры будут нести дождь и туман дальше на юг, в Анаврок, заставляя горячий воздух пустыни подниматься и притягивать больше ветров с Высокого Льда. Система питается сама собой. Мы уже видим ливни далеко на юге, как Колонны Неба.

Хотя Галаэрон понятия не имел, где находятся Колонны Неба — в названии было незересское кольцо — он не нуждался в объяснении, что означают одеяла теней для западного Фаэруна. Он уже видел это в метелях, бушевавших в Глубоководье, и в потоках, превративших большинство ферм к югу от Ардипского леса в болота по пояс.

— Это хорошо для шейдов — сказал он, — но как насчет остального Фаэруна?

Закутанные в плащи мрака плечи Теламонта поднялись и опустились. — У каждой хорошей вещи есть плохая сторона. Чтобы шейды

восстановили свое первородство и превосходство, другие должны пострадать.

— Это уже слишком — сказал Галаэрон.

Он посмотрел на запад, и сцена переместилась в Даггерфорд, где холодные воды реки Делимбер поднялись на улицы, а жители держали лодки привязанными у окон второго этажа.

— Конечно, вы могли бы следовать более постепенному подходу, который не наделал бы так много бездомных и голодных. — Теламонт перехватил у Галаэрона контроль над окном мира, открыв вид на темный купол над Шараэдимом. — Я думал, ты беспокоишься за Эвереску.

— Эти двое едва ли связаны — сказал Галаэрон.

— Уверен? — спросил Теламонт. — Тень должна быть сильной, если хочет победить. Так чей народ ты хочешь спасти, эльф? Твой или их?

— Это не выбор — сказал Галаэрон. — Даже при той скорости, с которой вы растапливаете ледник, на восстановление Анаврока уйдут десятилетия. Эвереска будет спасена или потеряна через год. Наполненный мраком капюшон теламонта наклонился к Галаэрону.

— Это выбор, который я дал тебе, эльф. Кто погибнет: Эвереска или Запад?

— Я ... я не могу поверить, что ты спрашиваешь меня об этом! — пробормотал Галаэрон.

Он подумал, что, должно быть, неправильно истолковывает то, что слышит, упуская какой-то важный нюанс, который прояснит, о чем на самом деле просит его Высочайший. Что-то холодное и злое поднялось в нем, и он понял. Шадовары пытались заманить его в ловушку, пытались развратить, возможно, или испытать, или перенести бремя всех этих смертей с их голов на его. Галаэрон покачал головой.

— Я вижу твою игру, и на меня она не подействует.

— Ты думаешь, это игра? — Теламонт поднял рукав к окну мира. — Посмотри и подумай еще раз.

Сцена вернулась к Высоким Болотам, где принцы тени и их легионы только что поднялись из сумеречной земли, тысячи и тысячи силуэтов отделялись от теней и становились целыми, когда они атаковали, бросая заклинания теневой смерти и размахивая оружием из неразрушимого черного стекла. Пойманные с тыла и с фланга, багбиры ревели в замешательстве и сражались со своими хозяевами-бехолдерами с гораздо большей яростью, чем с шадоварами. Одна рота иллитидов уже была под черным мечом, в то время как другая спешила рассредоточиться за своими боевыми порядками и найти самых мощных заклинателей, чтобы нацелить свои ментальные взрывы. Поиски оказались трудными, так как большинство воинов Анклава Шейдов сражались как заклинанием, так и клинком, часто переходя от одного к другому с грацией, которой позавидовал бы даже эльфийский певец клинков.

Не более стремясь вступить в бой с принцами, чем принцы вступали в бой с ними, пятеро фаэриммов отступили назад, атакуя ряды своих врагов огненными шарами, молниями и полосами горящего света, которые валили целые ряды шадовар. Хотя это последнее заклинание Галаэрон никогда раньше не видел, оно имело сходство с некоторыми элементами призматической стены, и он был уверен, что это не более чем простая модификация, которую шипастые разработали специально для борьбы с шейдами. Это было, когда оно ударило его.

— Эта битва – отвлекающий маневр.

— Такая большая армия может многое, но отвлекающий маневр – не одна из вероятностей, — сказал Хадрун. — Сила такого размера требует ресурсов, которые, как уверяют наши агенты, фаэриммы не осмеливаются тратить впустую.

— Ваши агенты недостаточно хорошо знают фаэриммов, чтобы сделать такое заключение, — ответил Галаэрон, несколько удивленный тем, что чувствует, что он знает.

Он указал на мерцающий веер лазурного света.

— Это новое заклинание, предназначенное для битвы с шадоварами.

Даже если бы ты мог знать, — начал Хадрун, — я не вижу....

— Я знаю, а ты не видишь, — прервал его Галаэрон, уверенный в своем суждении. — Если бы фаэриммы собирались вступить в бой с Избранными, они не стали бы загромождать свои умы заклинаниями, предназначенными для шадовар, и не объявили бы о своем присутствии, вступая в битву полностью видимыми.

Весь Анаврок и западный Фаэрун показались в окне мира, облака разошлись, открывая взбаламученные реки внизу.

— Что они пытаются скрыть? — спросил Теламонт. Галаэрон гадал в течение нескольких минут, сосредоточившись на области вокруг теневого барьера, Рокнеста и Холмов Серой Мантии в течение самого долгого периода. Наконец он покачал головой.

— Этого я не вижу.

— Может быть, потому, что там не на что смотреть, — сказал Хадрун. — С этими пятью на виду мы знаем местонахождение всех двенадцати фаэриммов, которые избежали пленения тeneвым барьером.

— Твои знания актуальны? — спросил Теламонт. Янтарные глаза Хадруна на мгновение скрылись за темными веками, затем он кивнул.

— Наблюдатели теней видели их всех в течение четверти часа. В данный момент видны пять. Галаэрон кивнул.

— Конечно. Они должны знать, что мы наблюдаем.

— Наши наблюдатели знали бы, были ли это симулякры или магические образы — сказал Теламонт. — Возможно, в конце концов, это не отвлекающий маневр.

— Мы не можем знать, что фаэриммы делают из теневого барьера, — сказал Хадрун, ухмыляясь Галаэрону. — Может быть, они боятся, что это дело рук Избранных, и эта армия – часть их плана.

— Или, может быть, фаэриммы Миф Драннора играют в этом какую-то роль — сказал лорд Теркса, которого Галаэрон даже не заметил, услышав из тени. — То, что осталось от мифала там, мешает наблюдателям теней, и они даже не уверены, что нашли их всех.

Галаэрон вспомнил, как магия теней Мелегонта потерпела неудачу в мифале Эверески, но нахмурился и покачал головой.

— Хорошая мысль, но фаэриммы не социальные. Они работают вместе только тогда, когда каждый из них приносит личную выгоду, и у фаэриммов Миф Драннора нет причин думать, что помощь другим будет стоить их усилий.

Теркса почувствовал себя неудобно и всмотрелся в темноту под капюшоном Теламонта.

— Возможно, ему следует знать, Высочайший?

— Знать что? — Галаэрон мгновенно возмутился. — Теперь у тебя есть секреты от меня?

Глаза Теламонта блеснули, как будто он был удивлен, или удовлетворен.

— Ты рассказал нам все свои секреты, эльф?

Он поднял рукав, и в окне мира появилась сонная лесная деревушка. Не так давно вокруг неё произошла битва, или несколько битв, потому что несколько новых лугов были выжжены в лесах вокруг её границ. Перед высокой башней, недалеко от центра деревни, в воздухе парил странный шов искажения, испуская струйки пламени и темного дыма.

— Многие вещи лучше держать в секрете — сказал Теламонт. — Среди них – позорные поступки, совершаемые в минуты необходимости.

Хадрун встал перед Галаэроном и спросил:

— Высочайший, это что-то...

Галаэрон шагнул вперед, чтобы преградить путь Хадруну.

— Да, если только ты не хочешь, чтобы фаэриммы поступили по-своему с твоими легионами.

— Он должен знать — сказал Теркса.

Теламонт расправил рукава. Пламя и дым поднимались вверх на обугленных полянах, и Галаэрон начал видеть знакомые конусообразные тела, дрейфующие между деревьями. Мгновение спустя знакомая фигура Эльминстера появилась над деревней и начала кружить.

— После того как Мелегонт вызвал своих братьев на Камень Карсы, — начал Теламонт, — найти Эльминстера оказалось очень трудно. Чтобы найти его, принцы сочли необходимым убить несколько фаэриммов Миф Драннора,

— И оставить в воздухе запах вонючей курительной травы Эльминстера, — закончил Галаэрон.

— Как я понимаю, не было необходимости ничего оставлять — сказал Теламонт, почти усмехнувшись. Твари не могли представить себе никого другого способного, и пошли отомстить Эльминстеру.

— А когда он вернулся посмотреть, что происходит, принцы устроили на него засаду и отправили в Девять Кругов? — спросил Галаэрон. — Как ты мог?..

— Это был несчастный случай, — твердо сказал Хадрун.

— В любом случае, это не имеет отношения к рассматриваемому вопросу, — сказал Теламонт. — Важно то, что фаэриммы Миф Драннора, возможно, узнали, кто на самом деле был ответственен...

— И заключили договор со своими сородичами, чтобы избавиться от тебя, — закончил Галаэрон.

С каждой минутой он все больше злился, и не только из-за того, что они сделали с Эльминстером. Он видел, как Теламонт манипулировал им, намеренно вытягивая его тень, показывая ему одеяла теней и говоря, что он должен выбрать между спасением Эверески или всего запада. Хотя Теламонт молчал, сила его невысказанного вопроса давила, как камень. Галаэрон был так взбешен, что ему не хотелось отвечать, отрицать то, что он видел так ясно, или лгать об этом, или делать что-то, чтобы заставить шадовар заплатить, но он не мог удержать знание внутри. Давление воли Высочайшего было невыносимо, как будто он каким-то образом

перенес всю тяжесть Анклава Шейдов на эту единственную точку давления. Наконец, Галаэруну пришлось спросить:

— У вас есть мифал?

Воздух вокруг Теламонта стал еще более неподвижным и холодным, чем обычно.
— В некотором роде. Здесь есть мифаллар, как и во всех анклавах Незерила.

— Вот на что они нападут.

— Невозможно, — сказал Хадрун. — Они никогда не пройдут через теневые рвы. Галаэрон пожал плечами.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться.

Хадрун посмотрел на Теламонта. Высокий Принц повернулся к Галаэруну и сказал:

— Ты знаешь нашу оборону. Могут ли фаэриммы пробить её?

— Они уже сделали это, иначе ваши часовые уже подняли бы тревогу.

Затем, в ответ на то, что Высочайший хотел узнать дальше, Галаэрон сказал:

— Скорее всего, это небольшая группа лазутчиков. Если бы это был только один или два, они бы полагались на скрытность, а не пытались выманить вашу силу.

— Целая рота? — Хадрун покачал изможденной головой. — Это невозможно.

— Не мешало бы удостовериться, — сказал Теламонт.

Янтарные глаза Хадруна исчезли под веками, но Теламонт не ждал. Он направился в тронный зал, жестом приказав Галаэруну следовать за ним, и многим другим тоже, судя по холодному вихрю тьмы, сопровождавшему их. Хадрун появился рядом с Теламонтом, его глаза снова открылись.

— Патруль везерабов вернулся неожиданно, Высочайший. Офицера не могут найти, а у животных ожоги там, где они были запряжены магией Плетения.

— Не исключено — сказал Теламонт. — Призови принцев.

Они были в тронном зале, шагая сквозь шепчущиеся тени к приемному залу, окруженные толпой все более внушительных фигур. Несколько силуэтов разошлись достаточно далеко, чтобы Вала смогла выйти и подойти к Галаэруну.

— Что случилось?

— Лазутчики фаэриммов — пояснил Галаэрон. — Они охотятся за мифалларом.

Вала подняла бровь, но сказала:

— Я не об этом спрашивала.

— Нет?

— Ты, Галаэрон, — сказал Теламонт, стоя в дюжине шагов впереди. — Она хочет знать, что с тобой случилось.

Галаэрон нахмурился.

— Моя тень?

Он взглянул на нее.

— Ты можешь определить это, просто взглянув?

Вала кивнула.

— Галаэрон, мне даже не нужно больше смотреть — сказала она, — и мне это не очень нравится.

— Приготовьте оружие! — крикнул Хадрун.

Вала потянулась за своим темным мечом и спросила:

— Они идут сюда?

Они были где-то в другом месте, падая из тени в огромную обсидиановую чашу, скользя вниз по стеклянным склонам с фиолетовыми полосами света, горящими вокруг них, кричащими голосами, трещащими болтами, воздухом, воняющим обугленной плотью. Галаэрому потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, где он и почему, еще мгновение, чтобы осознать, что боль в руке – это свободная рука Валы, впивающаяся в его бицепс, затем он, наконец, начал понимать, что видит. На дне бассейна лежал огромный шар из обсидиана, около ста пятидесяти футов в диаметре, с бледными призрачными фигурами, скользящими внутри, и ореолом сгущающейся тьмы, исходящим от его поверхности. Стая фаэриммов спускалась из мрака наверху, бросая заклинания огня и света, пытаясь пробиться сквозь рой ошеломленных телепортов шадовар, кувыркающихся и скользящих вниз по склонам стеклянного бассейна вместе с Галаэроном и Валой. Шар тьмы вырвался из бассейна и просверлил дыру размером с кулак в существе прямо над их головами. Он упал на склон выше и начал скользить вниз к ним, ревя от боли в вихревой буре ветров и набрасываясь с диким шквалом молний и горящего света. Галаэрон получил белую стрелу энергии в плечо и застыл, прикусив язык так сильно, что его зубы встретились сквозь плоть. Вала метнула меч, отсекая одну из рук фаэримма и большую часть его мускулистого плеча. Существо откатилось в сторону, затем просвистело что-то на языке ветра фаэриммов и исчезло. Галаэрон почувствовал, как Вала схватила его за шиворот, затем их спуск стал замедляться, когда они достигли дна котловины и склон потерял свою крутизну. Она вернула свой темный меч в руку и только после того, как он вернулся, обратила внимание на дымящуюся дыру в его плече.

— Насколько плохо?

Галаэрому удалось разжать его челюсти и, со ртом, полным крови, сказал:

— Жестко, но все в порядке.

Он попытался подняться, но обнаружил, что мышцы не слушаются. Вала устойчиво оперлась на колени, затем они оба осмотрели местность. Битва, казалось, закончилась так же быстро, как и началась. Воины шадовары и их части скользили вниз по склону, собираясь в стонущие, по колено в земле груды. Полдюжины фаэриммов, вернее, части полдюжины фаэриммов, лежали вперемешку среди дымящихся тел. Теламонт Тантул стоял в четверти пути вокруг бассейна, Хадрун, как всегда, рядом с ним, призывая своих принцев и приказывая выжившим организовать поисковые отряды. Монстров не было видно; как только битва начала разворачиваться против них, фаэриммы инстинктивно телепортировались прочь. Галаэрон знал, что оборона анклава не позволит им покинуть город с помощью магии перемещения, но он также знал, что фаэриммы предвидели это и выбрали безопасную точку сбора. Галаэрон схватил Валу за руку и подтянулся.

— Успокойся, — сказала она. — Ты выглядишь не очень хорошо.

Хотя он все еще злился на Теламонта за то, что тот вытащил его тень, и в этот момент действительно *хотел* увидеть, как мифаллар шадовар будет уничтожен, учитывая количество смертей, которые это означало, он надеялся, что это было желание его тени, а не его собственное. Галаэрон также знал, что судьба Эверески зависела от дальнейшего выживания Анклава Шейдов.

— Еще не конец — сказал Галаэрон. — Они все еще в городе.

Вала обхватила его рукой и направилась к Высочайшему.

— Теламонту это не понравится. Разве он не приказал тебе держаться подальше от драк, пока ты не сможешь передать знания Мелегонта?

Галаэрон кивнул на огромный шар из обсидиана, мимо которого они кружили.

— Похоже, он сделал исключение для мифаллара. Вала взглянула на шар и подняла бровь.

— Это и есть мифаллар? Я вроде как ожидала, что это будет Камень Карсы.

— Я тоже, — сказал Галаэрон.

После освобождения фаэриммов они отправились в Страшный Лес, сражаясь с личами и другими немертвыми стражами, чтобы помочь Мелегонту вернуть знаменитый Камень Карсы и использовать его «тяжелую» магию, со времен, предшествовавших расколу Плетения и Теневого Плетения, чтобы вернуть Анклав Шейдов на Фаэрун.

— Я думаю, им нужен был камень только для того, чтобы открыть достаточно большие ворота между измерениями — сказал он. — Очевидно, Теневое Плетение все еще может поддерживать заклинания, достаточно мощные, чтобы левитировать город.

— Плетение не может? — спросила Вала.

— Нет, — ответил Галаэрон, пожимая плечами. — Ни разу с тех пор, как пал Незерил.

Если Вала и видела в этом опасность, то выражение ее лица этого не показывало.

— Это хорошая новость для Эверески, если она означает, что шадовары сильнее фаэриммов.

Галаэрон кивнул, но не сказал, что это может означать. Если шадовары были могущественнее фаэриммов, то они были также могущественнее большинства великих волшебников королевств. Только сами Избранные или, возможно, целый круг высших магов могли соперничать с их силой. Они почти добрались до Теламонта и Хадруна, когда первый из принцев с полудюжиной шадоварских лордов за спиной вышел из мрака на краю бассейна и начал спускаться по скользкой стене. Галаэрон узнал Бреннуса по большому серповидному рту и оранжевому оттенку глаз цвета железа. Не поскользнувшись на крутом обсидиановом склоне, он и остальные начали поворачиваться более или менее в сторону Теламонта. Их лица не выражали никакой реакции на резню вокруг. Добравшись до груды тел внизу, они начали карабкаться по ней, не издав ни единого стоны и не потревожив даже одной руки.

— Вала, ты это видишь? — спросил Галаэрон.

— Что? — спросила она.

Как и почти все остальные в бассейне, Вала сосредоточила свое внимание на мраке у края, беспечно ожидая прибытия остальных принцев.

— Ниже. Посмотри на ноги Бреннуса. Вала посмотрела, потом нахмурилась, заметив, что никого не беспокоит, что Бреннус наступил на них. — Это просто неправильно.

— Так я и думал — сказал Галаэрон. Они все еще находились в тридцати шагах от Теламонта, возможно, в половине этого расстояния от Бреннуса и его спутников. Он остановился и вытащил из кармана халата маленький кусочек обсидиана.

— Галаэрон, нет, — Вала схватила его за руку. Ты...

— Отпусти!

Галаэрон резко вырвал свою руку из ее хватки, потом начал скрести крошки на ладонь. — Если это действительно Бреннус, он никогда не узнает. Галаэрон начал заклинание теневого прорицания, более мощного, чем он должен был использовать, но необходимого, если он хотел рассеять магию маскировки фаэримма. Волна холодной теневой магии ворвалась в его тело, пронизывая до мозга костей и наполняя его холодной, горькой обидой на... на всех: Мелегонта и других принцев, Теламонта, Хадруна, даже на Валу. Заклинание закончилось, когда «принц» и его сопровождающие перешагнули через последних жертв на пол бассейна. Тень стекала с их тел, как вода, открывая шесть фаэриммов и странный трехглазый шар с тремя щупальцами и огромным, похожим на птичий, клювом.

— *Импос* — Это было все, чем Вала успела предупредить, прежде чем бассейн взорвался летающими теновыми шарами и шипящими веерами света. Два фаэримма и пятьдесят шадовар пали в первом же вздохе новой битвы, и трехглазое существо повернулось к Галаэрону, его щупальца вращались, как ятаганы мастера меча дреу. Вала перехватила его, ее темный меч поднялся, чтобы встретить вращающиеся щупальца, и упал назад, когда существо сбило ее защиту, полоснув ее по щеке, над глазом, а затем по шее.

Галаэрон оттащил ее назад и выхватил свой собственный меч, его эльфийская сталь отсекла одно крючковатое щупальце, когда оно ударило ее по горлу, а затем упал на спину, когда злобный клюв твари зацепил его по голове. Еще один крюк метнулся к незащищенному сердцу Галаэрона, но был перехвачен темным мечом Вала. Она вплела свой черный клинок в щупальце и потянула существо к себе, подняв свой железный кинжал, чтобы встретить его. Лезвие вошло в конечность на глубину пальца, и третье щупальце обошло ее, вонзив свой крюк ей в колено и пытаясь сбить с ног. Вала была слишком проворна. Она подставила ему чью-то мертвую ногу, позволяя своей выпрямиться, пока она толкала и крутила кинжал. Клинок прошел глубже, задевая, возможно, еще один сустав.

Галаэрон вытащил из кармана прядь теневого шелка и скомкал ее в шар, начав заклинание для теневого шара.

— Галаэрон! — закричала Вала, подпрыгивая на одной ноге, когда существо хлестало ее пронзенной ногой взад и вперед. Каким-то образом ей все же удалось выбить шелк тени из его руки. — Не надо больше!

— Заткнись, ад тебя побери, и дерись!

Галаэрон сбросил с себя клюв твари и вонзил меч в ее тело. Оставив его там, он вытащил из кармана маленький стеклянный цилиндр и произнес заклинание для обычной молнии, но ничего не почувствовал. Вернее, не совсем ничего. Было холодное покалывание, когда магия теней попыталась подняться в него там, где его тело касалось земли, но он оттолкнул это и открыл себя Плетению, чтобы бросить обычную, яркую, обжигающую молнию, и ничего не произошло. Он потерял Плетение. Вала сменила кинжал на рукоять его меча, толкнула, вывернула, полоснула, а затем вскрикнула в тревоге, когда существо обвило ее лодыжку своим освобожденным щупальцем. Вместо того, чтобы позволить ему вытащить ее ногу из-под себя, Вала упала на спину, вытаскивая меч Галаэрона из тела существа и вызывая этим каскад внутренностей. Существо взвизгнуло от боли и взорвалось кровавым облаком, когда огромный шар тени прорвался через его центр. То, что осталось, плюхнулось между

Галаэроном и Валою, его скользкие щупальца все еще обвивали воительницу и ее темный меч. Она быстро воспользовалась мечом Галаэрона, чтобы освободиться, затем развернула его и ткнула в эльфа рукоятью.

— Никогда, – и меня не волнует, что ты захвачен темной тенью, – никогда не говори мне заткнуться.

— И ты никогда, *никогда*, не прерывай наложение заклинаний — резко ответил Галаэрон. — Или в следующий раз я позволю ему оторвать тебе голову.

— Лучше...

Она посмотрела на трехглазую тварь и презрительно скривила губы, затем продолжила:

— ... чудовище, которого я знаю не больше, чем одна я.

Она уронила его меч в беспорядок, затем перекатилась на ноги и захромала прочь через бойню, оставив Галаэрона лицом к лицу с Теламонтом и Хадруном, когда пара подошла к выпотрошенному телу монстра. Высочайший толкнул его темным сапогом.

— Наши враги из мира теней нападают на нас даже здесь — сказал он. — «Чудовище» называется малаугримом. Ты хорошо сделал, что снял маску. Можно даже сказать, что все мы обязаны тебе жизнью.

— Можно, — сказал Галаэрон, с трудом поднимаясь на ноги, — но, кажется, простое «спасибо» — это слишком много.

Глаза Теламонта сверкнули. — Если это то, что твоя тень хочет услышать.

— Моя тень? — прорычал Галаэрон. — Это просто обычная вежливость.

Затем, вспомнив, как Вала спасла ему жизнь, когда его молния не сработала, он понял, что Теламонт был прав. Вала тоже была. Его тень полностью контролировала ситуацию, возможно, так оно и было. Теламонт сделал знак Хадруну, и оба преклонили колени перед Галаэроном, заставив каждого повелителя теней, случайно посмотревшего в ту сторону, сделать то же самое.

— Галаэрон Нихмеду, от имени Анклава Шейдов, — начал Теламонт с легкой насмешкой в голосе, — пожалуйста, примите наши самые искренние извинения.

— В этом нет необходимости, — сказал Галаэрон, понимая, как недостойно требовать благодарности, когда столько людей погибло. — Простите, что спросил.

Теламонт не поднялся. — Видишь ли, ты можешь жить со своей тенью.

— Конечно, могу, — усмехнулся Галаэрон, глядя через плечо Высочайшего. Он должен был перед кем-то извиниться.

— Куда делась Вала?

Теламонт встал, повернулся и сказал: — Есть вещи, о которых даже я не знаю.

— Не бойся за ее комфорт — сказал Хадрун, глядя в ту же сторону, что и Галаэрон. — Вала спасла жизнь принцу Эсканору. Она всегда будет желанной гостьей на его вилле.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

15 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

С Мостом Борескира, спрятанным где-то под коричневым озером, которое когда-то было равниной к северу от Когтей Троллей, спасательная армия Лаэраль пересекала Извилистую Воду на флотилии промокших от дождя бревенчатых плотов. Сама Лаэраль провела три магических ориентира через две мили мутной воды, и вместе со своими разведчиками на гиппогрифах и несколькими дюжинами своих лучших боевых магов она стояла на страже на западном берегу, ожидая нападения фаэриммов в любой момент. Это была последняя река, которую им предстояло пересечь, прежде чем они доберутся до Эверески, и если враг намеревался остановить их, то он должен был быть там, и Лаэраль знала, что есть хороший шанс, что они это сделают. В дополнение к замедлению продвижения спасательной армии до ползания, ужасная погода наносила ужасный урон здоровью и духу армии. Среди них не было ни одного воина, который сомневался бы в том, что они обязаны своими жизнями силам Шейда. Если бы шадовары не появились тогда, когда они появились на Высоких Болотах, вражеская орда выбила бы их с возвышенности и стерла бы армию с лица земли. Многие офицеры начали сомневаться в разумности продолжения марша вообще. В то время как жрецы и целители сводили смертность от болезней к минимуму, большинство солдат лихорадило и, из-за постоянных дождей, портивших рационы, ослабевало от голода. Даже если они доберутся до Эверески вовремя, их плохое состояние будет только бременем для тех, кто уже на месте. Лаэраль отказалась слушать эти доводы. Рано или поздно погода испортится, так и должно было случиться, и несколько солнечных дней сотворят чудеса, чтобы ободрить ее армию. Более того, она была уверена, что фаэриммы в конце концов найдут способ пробить теневой барьер. Когда это произойдет, шипастые извлекут урок из своей ошибки и рассеются по Фаэруну, и единственное, что сможет остановить их, – это огромная численность спасательной армии Лаэраль. Скорее всего, там был ее любимый Хелбен. Он исчез в битве при Рокнесте, защищая троицу высших магов Эвермита, когда они пытались открыть врата перемещения, которые позволили бы Глубоководью послать спасательные силы в считанные мгновения, а не месяцы, и Лаэраль была полна решимости выяснить, что с ним стало. Она бы знала, если бы он умер – как Избранная, она бы почувствовала его потерю в Плетении – так что он либо был втянут на другой план, когда фаэриммы захватили врата, либо оказался в ловушке внутри Эверески с эльфами. Она ставила на Эвереску, хотя бы потому, что уже сделала то небольшое, что было возможно, чтобы связаться с ним на других планах. Из-под дождя показались первые плоты, глубокие голоса двух сотен варваров Утгардта распевали мрачную тягучую песню, подтягивая себя по направляющему канату. Лаэраль начала думать, что ее армия действительно успешно переправится. Плоты были расположены на расстоянии около тридцати шагов друг от друга,

достаточно далеко, чтобы избежать попадания магического огненного шара, метеоритного дождя или какой-либо другой атаки, но достаточно близко, чтобы воины на любом плоту могли помочь другим, если они попадут под атаку. Далекий гром начал раскатываться над горизонтом со стороны Леса Змеев. Лаэраль назначила своих боевых магов наземной обороной, а затем подняла своих всадников на гиппогрифах в воздух, чтобы установить защитный экран в пятидесяти шагах впереди береговой линии. Гром перерос в безошибочно узнаваемый рев стучащих сапог и рычащих голосов, но дождевые тучи были такими плотными, что Лаэраль не могла разглядеть своих врагов даже с высоты ста футов. Рев становился все громче и проходил под ней. Лаэраль пикировала вниз, пока не увидела сначала туманную темноту земли, а затем тысячи продолговатых отпечатков ботинок, просто появляющихся в грязи. Кто-то превратил всю армию в невидимку, и это означало, фаэриммов, возможно, несколько.

Она направила ладонь на переднюю шеренгу и произнесла несколько слогов рассеивающей магии, и десятиардовый круг атакующих багбиров появился не более чем в тридцати шагах от берега. Несколько боевых магов подняли руки в заклинаниях, и стена пламени длиной в милю поднялась, чтобы поглотить первую шеренгу багбиров. Большинство упало там, где стояло, но сотни зверей, спотыкаясь, бросились вперед, ревя от боли и поднимая огромные двуглавые топоры, когда они, шатаясь, приближались к тонкой линии магов. Первые утгардтцы уже плескались на берегу навстречу зверям, но грязь была глубока, их было мало, а времени оставалось еще меньше.

Лаэраль вытащила самородок угля из кармана и низко пролетела перед горящими багбирами, кроша уголь в порошок и произнося сложное заклинание. Земля под атакующими зверями стала черной и вязкой, отчего они опустились по колени, потом по пояс и, пока они продолжали бороться, по грудь. Везде, где их пылающие тела соприкасались с черной грязью, она тоже начинала гореть, и вскоре полоса была заполнена ревушими пугалами оранжевого пламени. В конце своего атакующего прохода Лаэраль поднялась в бурю камней из пращей и ручных топоров. Ни одна из атак не проникла сквозь ее защитную магию, но количества было достаточно, чтобы замедлить ее подъем. Она обернулась и обнаружила, что смотрит на море багберов и гноллов, видимых в тот момент, когда некоторые начали атаковать. Сквозь орду проталкивались небольшие отряды бехолдеров и иллитидов со щупальцами на лицах, пробивая дыры в магической защите, сдерживающей их массы. От фаэриммов, которые управляли армией, Лаэраль не видела никаких признаков. Возможно даже, что иллитиды и бехолдеры сами не знали, где находятся эти существа или даже что они там. Фаэриммы с удовольствием использовали свою магию, чтобы заставить других существ выполнять их волю, и часто жертвы даже не осознавали, что ими управляют. Хор криков снова привлек внимание Лаэраль к разлившейся реке, где с флангов ворвались две стаи бехолдеров, чтобы атаковать плот. Она щелкнула ногтем по кольцу на большом пальце, чтобы активировать его магию передачи сообщений. Она представила себе суровое лицо предводителя своих разведчиков на гиппогрифах и подумала:

— *Элберн, они пытаются захватить плоты с флангов.*

—Как вы и предсказывали, миледи, — последовал ответ Элберна. — Мы повернем это против них.

Скакун Элберна издал серию резких визгов, которые заставили разведчиков разделиться на две группы и развернуться, чтобы нырнуть на два пролета бехолдеров сзади. Лаэраль посмотрела на серое небо, чтобы убедиться, что ни один фазримм не появился из облаков позади ее разведчиков. Буря треска и грохота взорвалась над рекой, когда маги и жрецы на плотках начали швырять заклинания в атакующих бехолдеров. Мгновение спустя к этому звуку присоединились крики и вопли тонущих воинов, когда существа ответили лучами распада и лучами смерти. Гиппогрифы завизжали, зазвенели арбалеты, и тела с обеих сторон начали падать в воду. Когда Лаэраль снова повернулась к главному сражению, первый бехолдер уже стоял у стены огня, выплескивая зеленый луч из своего огромного центрального глаза и медленно рассеивая магию, которая поддерживала его горение. Она указала пальцами на существо и разорвала его на части десятью золотыми вспышками волшебного огня. Боевые маги заполнили брешь новой завесой огня, как раз, когда первые багбиры двинулись вперед, чтобы использовать ее, но еще дюжина бехолдеров уже плыла вверх, чтобы погасить пламя своими антимагическими лучами. Лаэраль вытащила из-за пояса пару волшебных палочек и полетела вдоль линии, одной рукой метая магические снаряды, а другой – молнии.

Ближайшие бехолдеры умерли прежде, чем смогли открыть брешь, но те, что были в дальнем конце, погасили огромные полосы пламени, и багбиры и гноллы десятками хлынули внутрь. Их встречали бури огненных метеоров и пляшущие цепи молний, но боевые маги не могли остановить их всех. Скучные отряды утгардтцев были вынуждены встречать их у смоляной траншеи Лаэраль, и слишком часто именно варвары падали. Со второй и третьей волн плотов поднималось все больше воинов, но поскольку конвой плотов все еще подвергался атаке со стороны бехолдеров, поток скоро прекратится. Лаэраль закончила свой проход и убила последнего из бехолдеров, затем повернулась и обнаружила еще две дюжины атакующих огненную стену позади нее. Она снова двинулась вниз по линии и почувствовала ментальный толчок, когда иллитид попытался взорвать ее своей ошеломляющей силой. Ее мысленный щит крепко держался против нападения, но она знала, что это только вопрос времени, когда существо заставит одного из своих спутников-бехолдеров направить на нее свой рассеивающий магию луч и попытается снова, и *это* сработает. Ей придется позвать сестру... еще раз.

— Шторм, — Лаэраль не потрудилась воспользоваться магией. Как и все Избранные Мистры, когда имя Шторм произносили где-нибудь на Фаэруне, она всегда слышала его и следующие несколько слов. — Нужна помощь. Я в...

Лаэраль все еще говорила, когда появилась Шторм, пошатываясь от телепортации и падая на землю. Лаэраль едва успела схватить ее за запястье, чтобы удержать от падения в трясины багбиров и гноллов, кричащих, чтобы прорваться сквозь огненную стену внизу. Если бы ты дала мне закончить — сказала Лаэраль, поднимаясь над пращами багбиров, я бы сказала «в воздухе».

— Клянусь кровавыми звездами, где они находят столько этих зверей? — спросила Шторм, сориентировавшись и глядя на орду внизу. Получив предупреждение о переправе, она была полностью вооружена и в доспехах.

— Вижу, на этот раз шейды не помогут.

— У шадовар могут быть дела поважнее, чем присматривать за мной — сказала Лаэраль. — Это не значит, что они нас предадут.

— Не значит? — Шторм активировала свою собственную левитацию, затем вытащила пару палочек и подняла бровь.

— Что-нибудь слышно от Хелбена?

— Шадовары не имеют никакого отношения к его исчезновению. — Лаэраль указала сестре на противоположный конец боевой линии, затем добавила:

— Их еще даже не было здесь.

— Один из них был, — добавила Шторм. — Как ты думаешь, не позвать ли нам еще сестер?

— Абсолютно нет, — ответила Лаэраль, ныряя к своему концу битвы. — Ты и так достаточно ужасна.

Следующую четверть часа они провели, летая взад и вперед над боевыми линиями, взрывая бехолдеров и иллитидов магией с высоты, иногда прибегая к более мощной магии, такой как заклинания солнечных вспышек и зажигательные облака, когда они отставали, и вражеские существа прорывались в количестве большем, чем боевые маги могли остановить. Однажды Шторм попала в антимагический луч бехолдера, когда иллитид разнёс ее разум, и Лаэраль пришлось использовать магию остановки времени, чтобы спасти ее. После того, как один из военных жрецов Темпуса восстановил ее в боеспособности, Шторм дважды отвечала ей взаимностью, один раз заключив Лаэраль в защитную сферу сверкающих цветов, а другой раз, создав магическую руку, которая отбивала потенциальных нападающих, пока она не прибыла, чтобы унести свою сестру в безопасное место. В конце концов, они просто отошли от бехолдеров и иллитидов, чтобы убить. План Лаэраль по отражению фланговых атак на караваны плотов также сработал, и багбиры и гноллы были вынуждены бездействовать, пока спасательная армия подтягивалась к берегу за защитной стеной огня. Сестры знали по тому простому факту, что их чудовищные враги остались сражаться, что где-то в орде все еще есть фаэриммы, но они также знали, что существа будут осторожны, чтобы не показать себя в присутствии Избранных Мистры. Особое оружие Избранных, серебряный огонь, было одной из немногих форм магии, которая наверняка причиняла вред этим тварям, и существа были очень осторожны. Как только последний из плотов был переправлен, Лаэраль и Шторм спустились вниз, чтобы присоединиться к командирам разных рот на военном совете. Дождь лил сильнее, чем когда-либо, их воины были измотаны переправой, а враги были свежее и сильнее. С другой стороны, у них было небольшое преимущество в численности и большое преимущество в магии, и Лаэраль была уверена, что они справятся. Хотя стена пламени была в добрых двадцати шагах позади нее, Лаэраль чувствовала, как ее жар прогоняет влагу с ее промокшей одежды.

— Что скажете, джентльмены — спросила она. — Атаковать сейчас или провести ночь за нашей стеной огня, а утром вступить с ними в бой?

— Утром мы, эльфы, не будем свежее — сказал лорд Йораэдия, командовавший пятью сотнями воинов и магов Эвермита. Он взглянул на Лаэраль с явным выражением презрения, затем повернулся к черноволосому предводителю утгартцев Черного Льва, вождю Клаву, и сказал: — Я не могу себе представить, чтобы

даже ваши соплеменники хорошо спали этой ночью. Коготь пожал плечами. — Спим мы или нет, нам все равно — сказал он, — но ночь любит желтые шкуры и гуляющих собак. Мы возьмем с собой больше пожаров смерти, нападая до наступления темноты. Не зная, была ли она больше удивлена или встревожена фатализмом в их голосах, Лаэраль нахмурилась и начала упрекать командиров, но потом спохватилась и заставила себя улыбнуться.

— Вы, джентльмены, позволяете погоде омрачать ваши суждения — сказала она. — Здесь двое Избранных Мистры. Неужели вы думаете, что нас могут победить несколько тысяч гноллов и багбиров?

— Вас? Нет, — ответил вождь Клав, неопределенно махнув рукой в сторону армии, — но остальные из нас не Избранные. Остальные из нас умрут.

Лаэраль услышала нервный ропот в рядах, но проигнорировала его и сосредоточила свое внимание на командирах.

— Даже Избранные умирают — сказала она, — но эта армия не умрет. Не сегодня.

— Простите меня, если я нахожу ваши суждения несколько туманными — сказал лорд Йораэдия.

— Туманными? — Лаэраль начинала злиться, и растущий ропот в рядах не помогал делу. — Чем же затуманено мое суждение?

— Ты боишься за своего мужчину. — Вождь Клав оглянулся через плечо, затем снова посмотрел на Лаэраль, и она поймала себя на том, что сжимает кулаки, чтобы не сделать то, о чем потом пожалеет. — Твоя преданность делает ему честь, но она ослепляет тебя от нашей опасности.

Лаэраль почувствовала себя так, словно ее ударили. Йораэдия, Клав, все командиры смотрели на нее так, словно действительно верили, что она привела их всех на смерть только ради Хелбена.

— Я здесь не слепая, сказала она. — Если ты не видишь...

— Лаэраль, подожди — сказала Шторм. Она указала вверх по реке, туда, где из-под дождя только что показались десятки огромных чешуйчатых крыльев. Они были большими, как паруса, и достаточно синими, чтобы разглядеть цвет в серой пелене, и даже если бы сестры никогда прежде не видели Ярости Драконов, они бы поняли, что происходит, увидев так много полных клыков ртов.

— Может быть, они правы, — сказала Шторм.

Через окно мира во дворце Теламонта Тантула в Анклаве Шейдов драконы выглядели как простор синего моря, сияющего сквозь дыру в облаках, их огромные крылья колыхались, как волны, их голубая чешуя вспыхивала, как свет на воде, все, кроме лидера. Вожак был голой костью, в пустых глазницах его черепа поблескивали голубые угольки, а когти были достаточно большими, чтобы хватать за головы даже самых больших его последователей. Это мог быть только Малигрис, глупый синий, который продал свою душу Культуре Дракона, чтобы убить своего ненавистного правителя Суссетиласиса и претендовать на титул Синего Сюзерена Анаврока. Хотя

Галаэрон никогда не встречался с самим драколичем, молодые синие, которые приходили на край пустыни, чтобы питаться могильными ворами и их лошадьми, часто демонстрировали неповиновение, говоря о глупости своего сюзерена. Однако они не были бунтярями, несколько самых маленьких змиев в Ярости были именно теми, кто с таким удовольствием высмеивал своего правителя перед Галаэроном. Перед драконами возникла наклонная бурая равнина с оранжевым полукругом огня, освещающим верхний край, и тысячами крошечных пятен, чернящих окружающую землю. Галаэрон узнал в пятнышках воинов, но равнину он опознал только через несколько мгновений, когда ныряющие драконы приблизились настолько, что он смог разглядеть течение, льущееся по крыше амбара. Галаэрон сосредоточил свое внимание на огненной стене, и пятнышки разделились на две армии. Большая из них, состоящая как из более крупных фигур, так и из превосходящих их по численности, была сдерживаема потрескивающей стеной огня. Меньшая армия оказалась в ловушке у реки, флотилия бревенчатых плотов была выброшена на илистый берег позади них, а гораздо большая армия – впереди. Судя по всему, они знали, что драконы пикируют за ними, потому что их стройные ряды растворялись в хаосе, стекая в реку или сгрудившись у стены огня.

Изображение в окне мира начало становиться размытым и грубым, с клочьями тени, смыкающимися по краям. Галаэрон сосредоточил свое внимание в центре паникующей армии, где небольшая кучка фигур стояла, глядя на драконов в относительном спокойствии. Окно мира из всех сил старалось подчиниться его воле, но то, что мешало ему, было слишком сильным. Он увидел пару женщин со знакомыми лицами и длинными серебряными локонами, испуганного золотого эльфа, и чернобородого, голубоглазого варвара Утгардта. Затем изображение стало неузнаваемым размытым пятном, и тени накатились, и не было ничего, кроме темноты. Холодная и знакомая тишина окутала Галаэрона. Он обернулся и увидел платиновые глаза Теламонта Тантула, сияющие из-под темного капюшона.

— Это спасательная армия из Глубоководья! — сказал Галаэрон. — Что ты пытаешься скрыть?

Рукав Теламонта поднялся, и Галаэрон почувствовал, как тонкий палец помахал перед его носом.

— Ты не должен позволять своему теневому я делать выводы за тебя, эльф.

Теламонт ждал, и, как обычно, Галаэрон почувствовал тяжесть вопроса, не услышав его.

— Прошу прощения, Высочайший. — Когда окно мира закрылось, я, естественно, предположил, что ты взял все под свой контроль.

— Потому что я хотел кое-что скрыть от тебя.

Галаэрон кивнул.

— Мы уже некоторое время наблюдаем, как они готовятся к переправе — сказал он. — Мне было интересно, почему ты до сих пор не послал помощь.

— Ты гадал, что я надеюсь получить, не отправив помощь, — поправил Теламонт. — Ты должен знать свои собственные мысли, Галаэрон, иначе ты никогда не будешь жить в мире со своей тенью. Галаэрон кивнул.

— Хорошо, но что ты надеешься получить, не посылая помощи?

Глаза Теламонта одобрительно заблестели.

— Уже лучше, эльф. Ответ – ничего. Я послал помощь.

Галаэрон взглянул в окно мира. Картина оставалась черным туманом, но он знал, что лучше не оскорблять Высочайшего, сомневаясь в правдивости его слов.

— Потери спасательной армии будут невелики. Возможно, когда-нибудь они даже доберутся до Эверески, хотя я не вижу, что хорошего они там могут сделать. Мы должны беспокоиться о тебе, Галаэрон. Мне не нравится эта озабоченность, которую я чувствую. Это опасно.

Теламонт поднял рукав, чтобы махнуть Галаэрону в сторону его личной гостиной, и они вместе вошли во мрак.

— Что тебя беспокоит?

Галаэрон был так удивлен, услышав вопрос, заданный вслух, что ответ начал выплескиваться прежде, чем он успел его сформулировать.

— Ты знаешь, что Эсканор попросил Валу сопровождать его в атаке на фаэриммов Миф Драннора.

— Она прекрасный воин, и ее темный меч обладает силой — сказал Теламонт. — Это хороший выбор.

— Я хочу, чтобы ты оставил ее здесь.

— Вала не из тех, кто прячется от смерти — сказал Теламонт. — Даже если бы такое было возможно, она стала бы меньше думать о себе.

— Это не то, что меня беспокоит — сказал Галаэрон. — Она может сама о себе позаботиться, даже в пещере, полной фаэриммов, но она нужна мне здесь.

— А, обещание.

Они дошли до арки и вошли в небольшую угловую комнату с окнами из тонко нарезанного обсидиана на двух стенах. За окнами привычный мрак, окутывавший анклав, казался почти несуществующим, открывая захватывающий, хотя и несколько затемненный, вид на пески Анаврока, катящиеся вниз. Теламонт указал Галаэрону на стул рядом с одним из окон, сел напротив, затем сказал

— Она обещала убить тебя, если твоя тень возьмет верх.

Галаэрон кивнул.

— Мне нужно знать, что она здесь, чтобы сдержать свое слово.

— Нет, не нужно.

Хадрун неожиданно появился рядом с Высочайшим, снова проводя ногтем большого пальца по глубокому углублению посоха. Теламонт заказал вино для себя и Галаэрона, и ноготь сенешаля так глубоко вонзился в желобок, что кончик большого пальца побледнел до светло-серого. Теламонт продолжал:

— Вале никогда не придется выполнять это обещание, пока ты в моей компании.

Галаэрон склонил голову.

— Ты способен на многое, Высочайший, но даже ты не можешь разрешить мой теневой кризис за меня, как ты говорил сам, уже много раз.

Теламонт поднял рукав, чтобы заставить его замолчать, и Галаэрон увидел полупрозрачный силуэт иссохшего когтя, вырисовывающийся серым на фоне слабого света обсидиановых окон.

— Но, если ты собираешься лгать, лги мне, а не себе.

Галаэрон нахмурился.

— Что ты говоришь?

— Ты знаешь, о чем я говорю — сказал Теламонт. — По крайней мере, твоя тень точно

— Что я не хочу, чтобы Вала уходила, потому что ревную?

Теламонт молчал. Галаэрон встал и зашагал через комнату, едва не наткнувшись на маленький письменный стол, прежде чем заметил, что тот плавает в темноте.

— Эльфы не ревнуют.

— И не засыпают, — ответил Теламонт, — и не видят снов, как люди.

Галаэрон проглотил нарастающий гнев и повернулся лицом к Высочайшему.

— А что, если я ревную? Я все еще хочу, чтобы ты оставил ее здесь.

Теламонт посмотрел на проплывающую мимо пустыню.

— А кому это нужно?

Галаэрон на мгновение задумался и понял, что думает только о себе, а не о Вале. Она почувствует себя униженной, если подумает, что он не доверяет ей, а он все еще не хочет, чтобы она уходила.

— Разве это имеет значение? — спросил Галаэрон.

Закутанная в капюшон голова Теламонта одобрительно качнулась.

— Ты начинаешь понимать, но я не стану вмешиваться в миссию Эсканора. — Он отвернулся от окна и вперил в Галаэрона свой платиновый взгляд. — Забудь об этой женщине. Твоя тень будет использовать твою любовь против тебя, и такие эмоциональные привязанности могут только помешать твоим занятиям.

У Галаэрона закружилась голова. Он, конечно, знал о своем растущем влечении к Вале, но никогда не называл это любовью, даже мысленно. Эльфы должны были знать друг друга годами, иногда десятилетиями, прежде чем они чувствовали, что-то близкое к тому, что люди описывали как любовь, а он знал Валу всего несколько месяцев. Сказать, что он любит ее... Хотя, большинство эльфов тоже не спят и не видят снов. Галаэрон почувствовал тяжесть вопроса и, подняв глаза, увидел, что Теламонт все еще смотрит на него.

— Занятия? — спросил он, надеясь скрыть, что на самом деле происходит у него в голове.

Глаза Теламонта блеснули. — Твои занятия магией — сказал он. — Ты довольно одаренный *иннатот*. Как только ты обретешь мир со своей тенью, я начну учить тебя всерьез.

— Действительно?

Даже для Галаэрона ответ прозвучал менее чем восторженно, но он продолжал видеть Валу в объятиях Эсканора, и это был образ, с которым он никогда не хотел чувствовать себя комфортно. — Это для меня неожиданность. Мелегонт предупредил меня, чтобы я вообще прекратил использовать магию.

— Мелегонт всегда был осторожен, — ответил Теламонт. — Прекрасное качество для шпионов ... но ограничивающее.

Хадрун вышел из сумрака с вином. Сначала он обслужил Теламонта, затем пересек комнату, чтобы предложить Галаэрону стакан какого-то уксусного черного пойла, которое не использовали бы для маринования траков в Эвереске. Галаэрон поднял руку, чтобы отказаться, и поклонился Теламонту.

— Ты дал мне много поводов для размышлений, — сказал он. — Если позволишь, я вернусь на Виллу Дузари, чтобы помедитировать.

Глаза Теламонта потускнели, но он поднял рукав и взмахом руки отпустил Галаэрона.

— Если ты считаешь, что так будет лучше. Возможно, Хадрун присоединится ко мне вместо тебя.

— Я буду польщен, Высочайший. — Хадрун бросил на Галаэрона огненный взгляд, затем повернулся к окну так быстро, что кубок слетел с подноса и пролился.

— Какая жалость, придется принести другой.

Галаэрон покинул гостиную, чувствуя, как волосы встают дыбом на затылке, а мысли ревут, как песчаные бури, которые время от времени заставляют город подниматься в холодный воздух на много миль над пустыней. Как и Мелегонт до него, Высочайший явно планировал помочь Галаэрону полностью реализовать свой потенциал как мага, и не заботясь о том, чего это может стоить Галаэрону или тем, кто его окружает. Учитывая цену, которую он заплатил только за то, чтобы научиться рисовать на Теневом Плетении, он вовсе не стремился увеличить глубину своих знаний, особенно учитывая то, что Теламонт только что сказал, что это будет стоить ему. Он все еще был достаточно эльфом, чтобы отказаться от своих эмоций, но потерять Валу было невыносимо, особенно потерять ее из-за Эсканора.

Галаэрон прибыл на Виллу Дузари злой и решительный. Он обнаружил, что его спутники собрались во дворе, сидя на подушках на земле, чтобы разделить вечернюю трапезу с Арисом, который полулежал вдоль одной стороны двора, подперев голову ладонью размером с седло.

— Галаэрон, какой сюрприз — сказала Вала.

В ее голосе не было настоящего энтузиазма. Она все еще не забыла резких слов, которые он сказал ей после битвы за мифаллар, и каждый раз, когда Галаэрон думал извиниться, тень в нем, казалось, превращала момент во что-то неловкое или горькое.

— Принеси себе тарелку и кружку — сказала она. — У нас много еды на всех.

Вместо того чтобы шагнуть в затененную колоннаду, как предложила Вала, Галаэрон направился прямо к группе. Руха перевела взгляд с него на Валу, потом обратно и поднялась с призрачной грацией. Малик продолжал сидеть, наблюдая за ведьмой прищуренными глазами. Арис приветственно кивнул эльфу.

— Садись, сказала ведьма. — Я пойду.

Она исчезла в здании. Вала неохотно подвинулась, чтобы освободить место для Галаэрона, но он остановился рядом с ней и остался стоять, полностью игнорируя Малика и великана.

— Вала, ты не можешь пойти этой ночью с Эсканором.

Она посмотрела на него с выражением недоверия.

— Кто ты такой, чтобы указывать мне, чего я не могу?

Лицо Галаэрона вспыхнуло гневом.

— Я ... Я ...

Удивленный тем, что не может ответить на этот вопрос, он замолчал. Какое право он имеет на ее решение? Он никогда не говорил ей слов любви, фактически отрицал даже самому себе, что чувствует нечто подобное, пока Эсканор не начал проявлять к ней интерес. Между ними была только одна клятва.

— Ты дала мне обещание, — сказал он.

— На твоём месте я бы не стала напоминать мне об этом.

Понимая, что он ничего не добьется, бодаясь с ваасанкой, Галаэрон воспользовался моментом, чтобы успокоиться, и успокоить свою тень, которая шептала мрачные предупреждения об искренности угрозы, подразумеваемой в ее словах.

— Вала, мне нужно, чтобы ты осталась.

— У тебя забавный способ показать это, и я говорю не только о том, что ты сказал у мифаллара — сказала она. — Ты обращаешься со мной, как с какой-то девкой, которую можно снять за пару медяков, а со всеми остальными — как с домашней прислугой. Мне это не очень нравится.

Возмущение, которое Галаэрон почувствовал в своей тени, быстро сменилось холодным гневом, чем-то более тонким и хитрым. Он поймал себя на том, что кивает и смотрит в землю.

— Ты права — услышал он собственный голос. — Я должен принести тебе извинения.

Вала подняла бровь и ничего не сказала.

— И я принесу их тебе в свое время — сказал Галаэрон.

Его тень не позволила ему сказать, что он сожалеет. Он действительно хотел, но это были не те слова, которые сорвались с его губ. — И в нужном месте.

Вала нахмурилась.

— Сейчас все в порядке.

Галаэрон покачал головой.

— Нет, когда мы выберемся из этого проклятого города.

У Валу отвисла челюсть. — Ты хочешь уйти?

— Как можно скорее.

Галаэрон сел рядом с ней. Он чувствовал себя немного больным внутри, потому что слова были только тем, что его тень знала, что Вала хотела услышать, но что было плохого, на самом деле? Если Теламонт не окажет небольшую услугу, например, не оставит Валу в анклав, то Галаэрон готов уйти.

— Мы начнем планировать после обеда и уйдём, как только соберем все необходимое, — сказал он.

Малик поднялся так быстро, что опрокинул тарелку.

— Уйти? А как же твоё обучение?

— Насколько я могу судить, — сказала Вала, — Теламонт меньше заинтересован в том, чтобы научить Галаэрона контролировать свою тень, чем в том, чтобы превратить его в оружие Анклава Шейдов. Ему становится хуже, а не лучше, мы все это видим.

— Я этого не видел! — Малик попытался остановиться, но лицо его исказилось, и он продолжил:

— За исключением, конечно, того, что я имею в виду под «лучше», во многом зависит от текущих потребностей Единого.

— Не может быть никаких сомнений в том, что говорит Вала — сказал Арис. — Галаэрон обращается ко злу.

— Ну и что с того? — спросил Малик. Он повернулся, чтобы обратиться непосредственно к Галаэрону.

— Ты забыл Эвереску? Теламонту нужны знания в твоей голове, чтобы победить фаэриммов.

— Необходимость не может быть настолько велика, — возразила Вала, — иначе он не отодвинул бы анклав так далеко от линии фронта.

— Ты не можешь этого знать ... Хотя в пользу твоих доводов можно сказать многое. — Малик поморщился от проклятия, которое заставило его добавить эту последнюю часть, затем попробовал другую тактику. — Даже если нужда не велика, есть подразумеваемая сделка. Если ты покинешь шадовар, зачем им защищать Эвереску?

— Не думаю, что действия Галаэрона так или иначе повлияют на шадовар,

— сказал Арис. Он выпрямился и заговорил еще более задумчиво, чем обычно. — Шадовары служат шадоварам во всем. Они будут защищать Эвереску, потому что это лучший способ уничтожить своих врагов.

— Неужели здесь никто не может позволить человеку высказывать свои доводы, не испортив их логикой и здравым смыслом? — спросил Малик. Кипя от злости, он принялся трясти в Галаэрона ножкой жареной птицы.

— А кто это «мы»? Я никуда не пойду.

— Ты *пойдёшь*, — настаивал Галаэрон, смутно чувствуя себя преданным. — Как ты думаешь, Хадрун позволит тебе остаться в этом уютном доме после того, как мы уедем? Ты здесь только потому, что я здесь.

Малик выпрямился во весь рост, который был лишь немного выше гнома.

— У меня есть собственные средства — сказал он. — И даже если они подведут меня, я и раньше жил в трущобах, когда служба Единому требовала этого ... или, когда я не мог позволить себе ничего лучшего.

— И это нравится тебе больше нашей компании? — спросил Арис. — Друг мой, я не понимаю.

Малик вздохнул.

— Мне это совсем не нравится. Вы лучшие друзья, которых я когда-либо знал ... по крайней мере, не платя. — Лицо его потемнело, глаза-бусинки поймали Руху, когда она вернулась во двор с кружкой и тарелкой для Галаэрона.

— Это самое безопасное место для меня. Как только мы покинем этот город, адская ведьма воткнет мне в спину джамбию.

— Только если ты бежишь от правосудия Арфы — сказала Руха из-под вуали. — Но зачем бояться? Ты в безопасности в Анклаве Шейдов ... если только не собираешься уходить?

— Это не твое дело, — сказал Малик, и лицо его исказилось, когда проклятие заставило его продолжить.

— За исключением того, что уходят мои друзья, а не я. Единый требует моего присутствия в этом городе, чтобы его обитатели могли купаться в свете Черного Солнца.

— А ... — Арис кивнул, как будто это имело смысл. — Мой безрогий друг, я слишком много знаю о твоём боге, чтобы желать тебе успеха, но долг я понимаю. Твоей помощи будет не хватать на формовках.

Галаэрон продолжал чувствовать себя преданным, но знал, что лучше не думать, что он может спорить с Серафимом Лжи из-за подчинения воле своего бога.

— Делай, что должен, Малик. Можем ли мы доверить тебе хранить нашу тайну?

— Конечно, — ответил Малик. — Я уверен, что мог бы неплохо поживиться, прибежав к Хадруну, как только ты уйдешь, и объявив о побеге, но, по правде говоря, талант Ариса уже сделал меня богатым человеком, и я достаточно изучил его искусство, чтобы продолжать дело до тех пор, пока его уход не будет обнаружен. Вы можете быть уверены, что я буду так же предан вам, как своему богу, и ради собственной выгоды промолчу о вашем уходе. ... по крайней мере, до тех пор, пока кто-нибудь не заставит меня раскрыть его против моей воли.

— О большем мы не можем просить — сказал Арис. — Если повезет, к тому времени мы будем уже далеко в пустыне.

— Пустыня? — спросила Руха. — Вы попытаетесь пересечь Анаврок ... пешком?

— Не думаю, что у Галаэрона хватит магии, чтобы перенести нас другим путем, — ответил Арис, глядя на Галаэрона в поисках подтверждения.

Галаэрон покачал головой. — Это выше моих сил.

— И с его стороны было бы неразумно раздвигать границы дозволенного, — добавила Вала.

— Мудрее, чем пытаться пройти через Анаврок — сказала Руха. — Ты ничего не знаешь о пустыне.

— Неважно, они должны уйти, и чем скорее, тем лучше. — Вала взяла его за руку. — Ты напугал меня, Галаэрон. Я уже начала думать, что ты хочешь заставить меня сдержать обещание. Галаэрон едва расслышал последнюю часть. Слово «они» все еще звучало в его голове.

— Они? — требовательно спросил он.

— Я не могу пойти с тобой — сказала Вала. — Я должна уйти с Эсканором в полночь. Если я не появлюсь, он поймет, что что-то не так, и мы все знаем, что они никогда не позволят тебе уйти добровольно, не со знаниями Мелегонта, все еще запертыми в твоей голове.

— Тогда мы подождем твоего возвращения — сказал Галаэрон. Это было все, что он мог сделать, чтобы не обвинить ее в желании уехать с Эсканором. — Это достаточно просто.

Вала покачала головой.

— Это не так. Я могу ненавидеть то, что Теламонт делает с тобой, но долг Гранитной Башни перед Мелегонтом еще не погашен.

— Мелегонт мертв — возразил Галаэрон.

— Значит, его долг становится моим долгом — сказала Вала. — И еще вопрос о моих людях, запертых в Эвереске. Я не могу вернуться в Ваасу, пока не узнаю, что с ними стало.

— Удобный предлог, — сказал Галаэрон.

Лицо Вала помрачнело от гнева.

— Удобный?

— Чтобы ты могла проводить время с принцем, — сказал Галаэрон. Он не очень-то в это верил, но слова все равно слетали с его губ. — Если бы я ушел ...

— Галаэрон, не делай этого. — Выражение лица Вала из сердитого стало печальным. — Ты должен идти.

— И оставить тебя Эсканору?

— Галаэрон, — начал Арис, — она бы никогда...

Вала подняла руку. — Да, я бы так и сделала, Арис. — Она повернулась к Галаэрону. — Ты прав, Галаэрон, я ничего не чувствовала к тебе со времен мифаллара.

— Это не имеет значения, — сказал Галаэрон. Кто это говорит? — подумал он, потому что это действительно *имело* значение. — Ты дала обещание.

Глаза Вала сузились.

— А теперь я его нарушаю, — она отвернулась от него и направилась в глубь виллы. — Я иду с Эсканором. Сделай нам обоим одолжение, Галаэрон, и не приходи сюда, когда я вернусь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

15 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

Пьергейрон прибыл в ничем не украшенную Комнату Общего Командования замка Глубоководья и обнаружил, что капитан Городской Стражи, его старший оружейник и командир магов уже совещаются со своими коллегами из Городской стражи. Брайан, Мастер Меча, тоже присутствовал, спрятавшись за плащом и шлемом своего лорда. Даже Магистр Бдительного Ордена Магов и Защитников был там. Строго говоря, орден был гражданской гильдией и не подчинялся военному эдикту, но сейчас были чрезвычайные времена, и Пьергейрон часто призывал на службу частных граждан, когда безопасность города была под угрозой. Вопрос был в том, ответят ли они, когда угроза окажется в пяти сотнях миль отсюда, у моста Борескира? Пьергейрон подошел к свободному месту, главного за круглым столом не было, но садиться не стал.

— Ты слышал?

Рулатон, жилистый седовласый капитан стражи, мрачно кивнул, неопределенно махнул рукой в сторону своего оружейника и сказал:

— Хельве сам получил послание.

Пьергейрон повернулся к покрытому шрамами ветерану.

— Лассри? — спросил он.

Хельве кивнул.

— Она хотела сражаться на стороне Лаэраль.

Сердце Пьергейрона подскочило к горлу. Лассри была дочерью Хельве, чародейкой-дозорной, часто сражавшейся на стороне отца во время крупных беспорядков.

— Мне очень жаль — сказал он, поворачиваясь к остальным. — Что мы можем сделать?

— Против Ярости Драконов? — спросила Тириэллента Сноум. Командующая силами стражей-магов, она была смуглой женщиной с

гордой осанкой и неопределенного возраста, которая была магом-сивилларом задолго до того, как Пьергейрон вступил в должность.

— К сожалению, не так уж много.

Хотя глаза Хельве слезились, он кивнул.

— Лассри сказала, что они оказались в ловушке у стены из багбиров и гноллов, а позади них из облаков выпали все синие Анаврока. Я уверен, что все кончится прямо сейчас.

— Как бы то ни было, — сказал Открытый Лорд, — мы должны сделать все, что в наших силах.

Пьергейрон обвел взглядом сидящих за столом, останавливаясь на каждом из командиров в поисках малейшего намека на несогласие. Все они были храбрыми солдатами, но их долгом было служить Глубоководью, и, если нужно было объяснить, как спасение армии помощи, направлявшейся в Эвереску, способствовало безопасности города, он должен был это знать. Поскольку Глубоководье все еще было погребено под постоянной волной метелей, а корабли в гавани опрокидывались под тяжестью покрытых коркой льда мачт, никто из присутствующих не нуждался в напоминании об опасности, угрожавшей их городу с тех пор, как фазриммы сбежали из своей тюрьмы в Анавроке. В глазах собравшихся командиров он не нашел вопросов.

— Хорошо, — сказал Пьергейрон. — Пока мы разговариваем, Малиантор вызывает Силу Грея в мой дворец. Она начнет гадание, чтобы провидеть ход битвы. Я бы хотел, чтобы вы послали отряд добровольцев: сотню боевых магов и двести воинов, встретить ее во дворце в течение четверти часа. У меня есть запас телепортационных свитков...

— В этом нет необходимости, — проскрежетал голос в углу.

Пьергейрон обернулся и увидел смуглую фигуру принца Агларела, выступающую из тени у камина, его черный плащ и пурпурная накидка, казалось, почти застыли в темноте.

— Как ты смеешь! — возмутился Пьергейрон.

Он действительно очень хотел знать «как». Комната должна была быть защищена от магических вторжений любого рода, хотя это, очевидно, не относилось к теневой магии шадовар. — Это частный совет.

— Простите меня, — сказал Агларел, останавливаясь, чтобы поклониться, — но я хотел избавить вас от необходимости телепортировать роту для оказания помощи вашей спасательной армии.

— Я хочу знать, как ты можешь знать о наших намерениях, — сказал Брайан, Мастер Меча.

В то время как Пьергейрон обычно говорил от имени других лордов в Зале Суда, они обычно говорили сами за себя на менее официальных собраниях. Магия шлема превратила его голос в глухой, безымянный баритон, который не узнали бы даже самые старые друзья Брайана.

— Мы сами едва сформировали их.

Агларел устремил на лорда серебристый взгляд.

— Не так давно многие из ваших граждан получили прощальные послания от своих родственников, сопровождавших Избранных. — Принц не стал объяснять, откуда ему это известно. — Зная, какие вы, глубоководцы, люди, можно было только предположить, что вы захотите чем-то помочь. Я зашел во дворец, и мне сказали, что лорд Паладинсон уехал по неотложному государственному делу.

— Напрашивается вопрос, как ты проскользнул мимо охраняющих замок чар протов захватчиков, — сказала Тириэллента, — или знал, что лорд Паладинсон находится в этой комнате.

— Я буду рад продемонстрировать это позже, — сказал Агларел, отмахиваясь от вопросов взмахом руки. — На данный момент я предлагаю сосредоточиться на главном.

Он подошел к круглому столу и, вытянувшись вперед, провел рукой по его поверхности. Тень упала на центр, а затем открылась, как дыра в облаках, чтобы показать битву, бушующую далеко внизу. Сцена расширилась, заполнив весь стол, и Пьергейрон вскоре узнал спасательную армию Лаэраль, оказавшуюся в ловушке на берегу мутного озера, которое могло быть только Извилистой Водой во время сильного наводнения. К его большому удивлению, и облегчению, они стояли в хорошем строю за стеной опаляющего пламени, подняв щиты и обнажив оружие, но не вступали в бой более серьезный, чем прихлопывание мух и комаров, кружащих вокруг их голов. Сцена по ту сторону горящей стены была совсем другой. Десятки синих драконов ворвались в армию багбиров и гноллов, пикируя вниз, чтобы собрать в огромные когтистые лапы воинов, а затем перекатиться через разлившуюся реку и сбросить их в мутные воды. Несмотря на разрывы в их рядах, монстры держались в строю, делая все возможное, чтобы отразить атаки топорами и цепями, более подходящими для разбивания человеческих голов, чем для пронзания драконьей чешуи.

— Драконы не были посланы фаэриммами? — Ахнул Пьергейрон, не в силах оторвать глаз от стола.

— Даже в Анавроке есть вещи, которые фаэриммы не контролируют, — сказал Агларел.

Крылья одного дракона обмякли, и он рухнул на землю, кувыркаясь и запутываясь в узел из хвоста, шеи и крыла. Пьергейрон увидел огромную черную дыру в его груди и понял, что он был убит какой-то очень мощной магией смерти. В следующее мгновение полированные кости огромного драколича нырнули вниз из облаков, выпустив грозовую синюю молнию в крошечную конусообразную фигурку в задние ряды багбиров. Залп потрескивающих красных метеоров ударил его в бок, выбив два ребра размером с дерево и отправив скелет дракона катиться по воздуху в потрескивающем шаре молотящих когтей и вспышек сверкающей синей энергии. Тириэллента ахнула от мощной магии, которая была брошена в битве. Магия, необходимая для того, чтобы отправить двухсотфутowego драколича кувырком, превратила бы любого нормального волшебника в дымящийся пепел. Затем за гноллами появилась шипастая фигура второго фаэримма. Едва первый дракон рухнул на землю, как четыре длинноволосые женщины поднялись в воздух над рядами армии помощи. Они устремились к видимому фаэримму, шары серебряного огня

Избранных вырвались из их рук. Два шипастых исчезли в ослепительной вспышке света.

— *Четыре* Сестры — с явным благоговением произнес Агларел. — Это было неожиданно. Когда я смотрел в последний раз, там были только Шторм и Лаэраль.

— Избранные держатся вместе — сказал Брайан из-за шлема. — Тебе, шадовар, не мешало бы это запомнить.

Агларел снисходительно улыбнулся. — Вы, кажется, думаете, что у нас есть причины их бояться.

Багбиры и гноллы окончательно потеряли мужество и бросились бежать, увлекая за собой драконов. Пьергейрону пришлось отвернуться от того, что последовало дальше.

— Я думаю, что мы видели достаточно, принц — сказал он.

Агларел взмахнул рукой над сценой, и стол вернулся к своей обычной коричневой поверхности.

— Не за что, — сказал Агларел, полагая, что Пьергейрон намеренно опустил слова благодарности. — Я уверен, что Глубоководье имеет много настоящих проблем, которыми стоит заняться.

— Не больше, чем мы можем выдержать — сказал Пьергейрон.

Он не любил этого Шадовара и потому не доверял ему. Тем не менее, даже он должен был признать, что, помимо своей роли в освобождении фаэриммов в первую очередь, до сих пор Шейд не сделал ничего, кроме помощи Глубоководью, Эвереске и их союзникам.

— Мы должны считать, что драконы – дело рук вашего города? — спросил Пьергейрон.

Агларел кивнул и, не дожидаясь приглашения, сел за стол совета.

— Наши ответные силы заняты другими проблемами, поэтому нам пришлось призвать нашего союзника Малигриса присмотреть за вашей спасательной армией.

— Малигрис? — спросил Брайан. — Ты хочешь вступить в союз с Культom Дракона?

Агларел повернулся и вытянул шею, чтобы посмотреть на лорда в шлеме.

— Наш союз с Малигрисом. Его отношения с культом нас не касаются.

— Но вы вступили в союз с драколичем? — уточнила Тириэллента.

Агларел кивнул.

— Мы надеемся вернуть наш дом в Анавроке. Казалось, разумнее вступить в союз с Синим Сюзереном, чем сражаться с ним. — Он махнул рукой на пустую столешницу и добавил:

— Я уверен, что Лаэраль и ее сестры подтвердят мудрость этого решения. ... точно так же, как я уверен, что Глубоководье и его союзники выиграли бы от подобного соглашения. Анклав Шейдов уже дважды продемонстрировал преимущества работы с нами.

— Ты позволишь Избранным говорить самим за себя, — сказал Брайан. Он повернул шлем к Пьергейрону. — В этом может быть что-то большее, чем кажется... или меньшее.

— Что вы хотите сказать, лорд? — спросил Пьергейрон. — Что принц ввел нас в заблуждение?

Брайан пожал плечами.

— Я говорю, что это возможно. Он мог бы показать нам иллюзию так же легко, как и прорицание. — Шлем на мгновение повернулся к Тириэлленте, которая могла только пожать плечами и развести руками, а затем спросил: — Откуда мы знаем, что эти драконы не разрывают армию Лаэраль на части прямо сейчас?

— Потому что где-то в этом шлеме у тебя должна быть половина ума, — раздраженно сказал Агларел. — Зачем нам спасать армию на Высоких Болотах, чтобы потом вызвать стаю драконов и уничтожить ее?

— Я не претендую на знание путей тени, — сказал Брайан, — но я знаю, что лучше не доверять тем, кто торгуется с драколичами.

Агларел встал и, к изумлению, Пьергейрона, вежливо ответил:

— Ваша точка зрения была бы лучше принята, Лорд в Маске, если бы Анклав Шейдов не оказался более надежным, чем любой из ваших других союзников.

— Надежным? — Брайан усмехнулся. — Мы видели, насколько вы были надежны в отношениях с Эльминстером.

Рука Агларела сжалась в кулак, и Пьергейрон понял, что позволил своей неприязни к шадовару повлиять на его суждения как дипломата.

— Мой лорд, — начал он, — ваша осторожность оправдана, но, по правде говоря, шадовары не сделали ничего, кроме как послужили нашему общему делу.

Брайан не отозвался.

— Нет? — спросил он. — А как насчет исчезновения Чёрного Посоха? Откуда нам знать, что они не отправили его в ад вместе с Эльминстером?

— Потому что нас даже не было здесь, когда исчез Хелбен, — небезосновательно сказал Агларел. Он повернулся к Пьергейрону.

— Милорд, это действительно слишком. Я требую извинений.

Пьергейрон чуть не уронил подбородок. У него не было полномочий заставлять Лорда в Маске извиняться, и, даже если бы он был уверен, что Брайан ошибается, он знал, что скажет ему грубый оружейник, если он осмелится продолжать в таком духе открыто.

— Принц Агларел, в этой комнате есть те, у кого есть родственники в армии помощи, — начал он. — Вы можете понять их беспокойство. Когда наши собственные маги подтвердят то, что вы нам показали, я уверен, что Лорд в Маске пересмотрит свое мнение.

Брайан начал было возражать, но Агларел перебил его, и его скрипучий голос, казалось, отразился от всех углов комнаты одновременно:

— Вы позволите этому оскорблению остаться в силе?

— Я не имею права говорить за другого Лорда — сказал Пьергейрон, напоминая себе, что не следует отводить взгляд. — Не больше, чем вы можете говорить за другого принца.

— Если бы Принц Шейдов оскорбил гостя таким образом, он больше не был бы принцем — сказал Агларел. Он повернулся к Брайану и сухо поклонился.

— Благодарю вас за откровенность. Вы показали мне, что я зря трачу свое дыхание в Глубоководье.

— Не думай об этом, — сказал Брайан. Даже магия шлема не смогла скрыть самодовольства в его голосе.

— Хотя я желаю тебе удачи в союзе с драконами и скорпионами. — Глаза Агларела вспыхнули, затем он повернулся к Пьергейрону. — С вашего позволения, я останусь в городе на достаточное чтобы купить кое-какие вещи, которые привлекли мое внимание, время.

— Конечно, — сказал Пьергейрон. — Все приветствуются в Глубоководье.

— Я уверен, что это пройдет.

— Пожалуйста, лорд Паладинсон, я думаю, пришло время быть честными друг с другом, — сказал Агларел, поднимая руку. Он отошел от стола и направился к двери, затем повернулся и отвесил официальный поклон. — В этом духе будет справедливо предупредить вас, что внимание Анклава Шейдов требуется в другом месте. Ваша спасательная армия больше не получит от нас защиты.

Тихие шаги Стражников Высочайшего шуршали у него в ушах, а руки он засунул в карманы плаща, чтобы скрыть, как они дрожат, и Галаэрон последовал за Теламонтом вниз, в темные коридоры под Дворцом Высочайшего. Когда они спускались по лестнице за лестницей, Галаэрон иногда почти мог распознать странное звяканье и странный скрежет, которые резонировали из темных святилищ каждого уровня, а иногда его тревожили жуткие бульканья и зловещие грохоты, слишком жуткие, чтобы ухо эльфа могло их различить. Хотя он понятия не имел, куда они направляются и почему Высочайший выбрал последний час темноты в ту же ночь, когда ушла Вала, чтобы доставить его во дворец, Галаэрон отказался спрашивать. Если бы его план покинуть анклав был раскрыт, он отказался бы дать Хадруну, идущему в двух шагах позади него, удовольствие видеть, как он корчится. Если вызов касался чего-то другого, любые вопросы, которые он задавал, рисковали раскрыть его намерения Теламонту. Они были на глубине двадцати уровней, когда ведущие стражники, наконец, покинули лестничный колодец, а затем повели группу вниз по извилистому туннелю через большую арку в обширную комнату с высоким сводчатым потолком. В одном конце пещеры находилась щель длиной в сотню ярдов, сквозь которую виднелся пурпурный свет предрассветного утра. Несколько дюжин шадовар тянули к щели большое, похожее на гребень устройство. Еще несколько десятков человек складывали огромный кусок теневого одеяла в компактный сверток, похожий на несколько других, аккуратно сложенных вдоль ближайшей стены. Когда рабочие увидели Теламонта Тантула и его спутников в комнате, они тут же упали на пол и прижались лбами к полу. Хотя это место вряд ли походило на то, где шадовары держали своих пленников, сердце Галаэрона билось не легче. Малик и Арис покинули Виллу Дузари еще до того, как Хадрун прибыл с вызовом Высочайшего. Как только Арис соберет свои припасы, Малик устроит диверсию, чтобы Галаэрону и великану было легче незаметно ускользнуть из анклава.

— Один из наших теневых маячков, — объяснил Теламонт. Он махнул рукавом в сторону устройства, похожего на гребень, которое тянулось к щели в

противоположном конце комнаты, затем жестом приказал своим охранникам идти вперед. — Это не то, что, я хотел показать тебе.

Они последовали за стражниками по краю комнаты, затем прошли через другую арку в еще большую комнату, где сотни шадовар были заняты сшиванием кусков одеяла вместе с нитями теневого шелка. Когда Теламонт вошел, рабочие снова прекратили работу и уткнулись лбами в пол. На этот раз Высочайший повернулся к Хадруну, его платиновые глаза вспыхнули неудовольствием.

— Это недопустимо, — сказал он.

— Я обо всем позабочусь.

Хадрун отошел от группы и подошел к краю рабочей площадки.

— Возвращайтесь к своей работе, ленивые рабы! Не бесчестите Высочайшего, уклоняясь от своего долга в его присутствии.

Рабочие поспешили вернуться к шитью, хотя все старались не отрывать глаз от того места, что находилось прямо перед их носами. Теламонт жестом подозвал Галаэрона к себе и повел его вдоль края рабочей площадки через широкую арку в дальнем конце. В соседней комнате принц Эсканор стоял на бронзовом летающем диске, держа сложенное теневое одеяло, а Вала, подвешенная на новых волшебных крыльях, летела над ним.

— Вот на что я привел тебя посмотреть Галаэрон, — сказал Теламонт, подходя к диску. — Я подумал, что ты захочешь попрощаться.

— Неужели это так? — спросил Галаэрон, пытаясь понять, не скрывается ли за словами Теламонта двойной смысл. Знает ли Всевышний, что произошло между ним и Валой на Вилле Дузари прошлой ночью? Или он просто пытался оценить глубину чувств Галаэрона к ней? В любом случае его ответ должен был быть тем же.

— Зачем мне это делать? — Глаза Теламонта загорелись под капюшоном, затем легкий ветерок коснулся лица Галаэрона, когда Вала спикировала на землю. Эсканор подошел и встал рядом с ней, ничего не говоря, только рассеянно проводя темными пальцами по перьям одного из ее волшебных крыльев.

— Мы попрощались, Высочайший.

Ее зеленые глаза блеснули, жесткие и холодные, смотрящие в лицо Галаэрона, затем она обратила все свое внимание на Теламонта:

— Мне очень жаль, что вы доставили себе столько хлопот.

— Никаких хлопот, моя дорогая, — Теламонт наклонил капюшон в ее сторону, затем повернулся и некоторое время изучал Галаэрона. — Ты удивляешь даже меня, эльф. Я не ожидал, что ты так легко выплескиваешь свои эмоции.

— Сомневаюсь, что это было так трудно, как вы думаете, Высочайший — сказала Вала с такой горечью в голосе, что сердце Галаэрона сжалось от боли. — Так уж вышло, что они оказались меньше, чем мы думали. Я рада, что избавилась от него.

— В самом деле? — Фиолетовая линия улыбки появилась в тени под глазами Высочайшего. Он повернулся к Хадруну и сказал:

— Этот может когда-нибудь посоперничать даже с тобой, мой слуга.

— Вы видите всё, Высочайший, но мы должны помнить, что только один из нас служит анклаву. — Хадрун позволил своему взгляду задержаться на Галаэроне на секунду дольше, чем следовало, затем повернулся к Теламонту и сказал:

— Боюсь, мне придется просить позволения, Высочайший. В Торговом Отделении происходят беспорядки, требующие моего внимания.

— Конечно. — Теламонт едва успел поднять руку, чтобы отпустить Хадруна, как сенешаль растворился в темноте и исчез. Высочайший повернулся к Галаэруну и сказал:

— Не дашь ли мне несколько минут? Битва с фаэриммами Миф Драннора будет трудной. Я хотел бы поговорить с Эсканором, прежде чем он уйдет.

— Бери столько времени, сколько тебе нужно, Высочайший. — Хотя голос Галаэрона был спокоен, его сердце бешено колотилось. Беспорядки в Торговом Отделении были отвлекающим маневром Малика. Через четверть часа Арис будет ждать Галаэрона у Пещерных Ворот.

— С твоего позволения, я сам найду дорогу домой. Маршрут был не сложный, да и компания здесь мне не по душе.

Он бросил многозначительный взгляд на Валу, которая жестоко улыбнулась и провела краем своего нового крыла по Эсканору.

Теламонт окинул все это металлическим взглядом, затем поднял рукав, отпуская.

— Возможно, это разумно — сказал он. — Завтра к полудню ты будешь нужен мне у окна мира, отдохнувший и бодрый. Когда Эсканор накроет тенью Миф Драннор, нам понадобится вся мудрость Мелегонта, которую ты сможешь призвать.

— Как прикажешь, Высочайший.

Галаэрон поклонился, скорее, чтобы скрыть улыбку, чем показать подобострастие, затем повернулся и вышел. Он не попрощался с Валой и даже не пожелал ей удачи в бою. Он не мог думать ни о чем, кроме того, как она предала его ради Эсканора, как Эсканор украл ее у него, как Теламонт позволил это ... и, самое главное, как он заставит их заплатить. Всех их.

Самая большая опасность, понял Малик, заключалась не в том, что украденный у ведьмы хайк ускользнет из его рук, хотя это могло случиться, и даже не в том, что безжалостные ветры забьют его до потери сознания о каменную нижнюю часть анклава, хотя они могли. Наибольшую опасность представляли ленивые стервятники, проводившие свою жизнь в поисках легкой пищи из городских мусоропроводов. Одно существо уже взгромоздилось на его правое плечо и клевало его пальцы, еще два кружили над его головой, сражаясь за левое плечо, и еще дюжина кружила под его болтающимися ногами, готовая схватить любой кровавый кусочек, который уронят другие.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — крикнул Арис вниз.

— Несомненно, одна из моих лучших. — Малик вытянул шею и пробежал взглядом по десяти футам верблюжьей шерсти хайка к зазубренной брешу, которую они пробили во внешней стене мастерской. Арис тщательно вылепил отверстие, чтобы оно выглядело как кратер мощного взрывного заклинания, искусно вставив два зубца в край, чтобы связать верхний конец ткани.

— Кто поверит, что я нарочно здесь болтаюсь? — спросил Малик.

— Меня больше беспокоит, что ты все еще там, чтобы они могли тебя найти, — сказал Арис. — До земли лететь не близко.

Малик не смотрел вниз. Он уже проделал это однажды и сквозь дыру в мутной дымке увидел пески Анаврока, проплывающие в тысяче футов внизу.

— Я буду здесь, — крикнул он, убирая одну руку с хайка, чтобы прихлопнуть стервятника, клевавшего его пальцы. — Просто посыпь песком и уходи. К тому времени, как все уладится, вы с Галаэроном будете уже далеко.

Арис не отступил.

— Ты уверен, что Руха не пострадает из-за этого?

— Разве она не сказала, что хочет помочь?

Арис кивнул.

— Да, но...

— Тогда пусть она поможет. Ведьме не причинят вреда, я не настолько удачлив, и ты знаешь, что я не могу лгать. Малик изо всех сил старался держать язык за зубами, но проклятие Мистры заставило его добавить:

— Если не считать моего молчания, а разве я когда-нибудь держал язык за зубами дольше двух минут?

— Арис обдумал это, потом сказал: — Только когда ты спишь.

Он проверил хайк, чтобы убедиться, что он надежно закреплен на месте, затем махнул рукой.

— Прощай, мой друг ... и спасибо.

Прежде чем Малик успел ответить, сражающиеся стервятники заслонили ему обзор, и пока он их отбивал, Арис уже исчез.

Следующие несколько минут он провел, отбиваясь от птиц и проклиная всех существ с перьями, когда ветер снова и снова швырял его о скалистую поверхность анклава. Хотя его тело болело от сотен ужасных синяков, а сведенные судорогой мышцы горели, словно кто-то воткнул в них раскаленные кочерги, Малик не беспокоился, что силы покинут его. Как Серафим Лжи, он был одарен способностью терпеть любую боль и все еще выполнять свои обязанности перед Цириком, и, хотя помощь Арису и Галаэрому бежать из города не обязательно служила Единому, вторая часть его плана, несомненно, служила. Когда он решил, что дал гиганту достаточно времени, чтобы покинуть торговые колонии и направиться к Пещерным Воротам, Малик начал звать на помощь.

— Спасите меня! Помогите!

Через несколько минут криков кто-то наконец высунул ее голову из дыры. У нее были длинные собольи волосы, темные знойные глаза и смуглая кожа над вуалью, закрывавшей нижнюю часть лица. Это лицо было последним, кого он хотел увидеть.

— Так вот ты где — сказала Руха. Она присела на корточки над зубцами, где был привязан ее хайк, спугнула стервятников и наклонилась, чтобы схватить ткань.

— И с моим хайком, не меньше.

— Надоедливая ведьма! — Воскликнул Малик. — Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя, конечно. И теперь, когда мы остались одни, я думаю, пришло время покинуть этот летающий город.

Все еще держась за хайк, она поднесла свободную ладонь к лицу и слегка подула на нее, затем начала произносить одно из своих бединских природных заклинаний.

— Стой! — Малик начал карабкаться по хайку потягиваясь, рука за рукой. — Мегера! Гарпия!

Руха закончила свое заклинание, затем обернула руку в хайк и посмотрела вниз с улыбкой в темных глазах.

— Вот как ты говоришь с той, кто держит твою жизнь в своих руках?

— Кто накормит мою бедную Кельду? — воскликнул Малик. Он был на полпути вверх по хайку, почти в пределах досягаемости удара. — Я никуда с тобой не пойду!

— Ты предпочтешь упасть? — Руха повернулась и потянулась назад, чтобы собрать что-то позади себя. — Потому что это твой единственный выбор.

— Не единственный мой выбор. — Малик сунул руку в хайк, затем под аба и схватил рукоять своей джамбии. — У меня есть другой, который мне нравится гораздо больше.

Потянув за ремень сумки с калевасой, Руха развернулась к нему лицом, обнажая горло, как он и надеялся, и потянулась за собственным кинжалом, но тут она упала назад, из-за того, что смуглая рука шадовара схватила ее за ремень и дернула прочь от края. Малик сунул джамбию обратно в ножны и закричал:

— помогите! Я здесь, внизу!

Янтарные глаза Хадруна заглянули за край.

— Я знаю, где ты, Малик.

Шадовар прошептал какое-то едва слышное заклинание тени, и Малик выплыл через дыру в домик, служивший мастерской Ариса. Место было переполнено воинами шадовар, но все равно выглядело так, словно через него прорвался отряд багбиров. Статуи лежали опрокинутые на бок, некоторые, в основном наполовину законченные, которые все равно не имели никакой ценности, разбитые или безвозвратно испорченные. Стены были испещрены полосами сажи и изрыты впадинами размером с голову великана, а широкая полоса крови Ариса бежала вдоль стены, указывая на огромную дыру, через которую только что вытащили Малика. Принимая окружающую обстановку во внимание, Хадрун обратился к Рухе.

— Разве я не предупреждал тебя, что случится, если ты нарушишь нашу гостевую охрану?

Широко раскрыв глаза, Руха оглядела мастерскую и покачала головой.

— Это не моих рук дело.

— Не лги мне, Арфистка. Своими ушами я слышал, как ты предлагала

Малику выбор между смертью и твоей опекой. Этого уже достаточно. Хадрун посмотрел на Малика.

— Где великан? Прикусив язык, чтобы не заговорить и не выдать себя, Малик просто повернулся и посмотрел в большую дыру, в которой болтался.

— Ясно — Хадрун махнул рукой в сторону Рухи, и внезапно она оказалась опутана черной теневой паутиной.

— Ты будешь казнена, как только Высочайший вынесет тебе приговор. Что ты хочешь сделать со своей собственностью?

— Ничего. Я никого не убивала, и он это знает.

Руха свирепо посмотрела на Малика, и в ее взгляде он почувствовал невысказанную угрозу раскрыть планы побега Галаэрона.

— Спроси его. У него нет другого выбора, кроме как сказать правду. Хадрун на мгновение задумался, потом кивнул.

— Разумная просьба. — Он повернулся к Малику. — Она убила Ариса?

— Я не хочу, чтобы ее казнили, — сказал Малик.

— Ты не хочешь? — Одновременно сказали Руха и Хадрун.

— Вовсе нет. Будет достаточно, изгнать ее из города.

Хадрун нахмурился.

— Я не знал, что поклоняющиеся Цирику так милосердны.

— О, это не так, — сказал Малик, позволив полуулыбке исказить его губы, — но я не могу придумать большей пытки для Рухи, чем знать, что я живу как король в Анклаве Шейдов, в то время как она высасывает росу из песка в Анавроке.

— В Анклаве Шейдов правосудие действует не так — сказал Хадрун.

— Скажи мне, убила она Ариса или нет?

Малик покачал головой

— Отвечай честно. Если я изгоню ее, жизнь Ариса станет твоей ответственностью, — предупредил Хадрун. — Скажи мне сейчас, или тяжесть ее преступления ляжет на твою голову.

— На мою голову? — Это было то, чего Малик не планировал. Он взглянул на Руху и увидел, что она ухмыляется над его затруднительным положением. Он должен либо оправдать ее, либо быть казненным за преступление, в котором обвинил ее. Он в отчаянии покачал головой.

— Позволь мне убедиться, что я тебя понял — сказал он. — Если она убила великана, то вы казните ее, а я останусь в Анклаве Шейдов, живя как король?

Хадрун кивнул.

— Это она его убила?

Малик поднял руку.

— Но если она этого не сделала, вы прогоните ее и казните меня?

Хадрун кивнул.

— Да. Когда кого-то убивают, кто-то должен заплатить. Таков закон.

— Моя жалкая жизнь-всего лишь одно несправедливое обстоятельство за другим, — пожаловался Малик. — Я не хочу умирать, но правда в том, что никто не убивал Ариса. Мы с ним устроили все это так, чтобы он и Галаэрон могли сбежать в пустыню.

— Малик! — ахнула Руха. — Я должна была догадаться, что ты это сделаешь!

— Молчать! — Хадрун поднял к ней руку. Теневая паутина разрослась, закрывая ей рот. Сенешаль пристально посмотрел на Малика, потом сказал:

— Как пожелаешь, маленький человек. Все еще указывая на Арфистку, Хадрун махнул рукой в сторону зазубренной дыры, и Руха вылетела из комнаты и по дуге устремилась вниз, к пустыне. Когда ее черный кокон наконец исчез из виду, он указал на Малика и прошептал что-то таинственное. Малик обнаружил, что окутан липкой черной тенью.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

16 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

Армия Эсканора хлынула из Пещерных Ворот длинной рекой хлопающих крыльев и темных вымпелов, изогнувшихся к востоку и исчезнувших в тумане тени под городом. Галаэрон подождал, пока последняя шеренга всадников не миновала Ливрею Высочайшего, затем вывел своего везераба, чтобы присоединиться к тылу огромного строя. Когда никто не возразил, или даже, казалось, не заметил, он помахал Арису, который вплыл в Зал Маршалинг, стоя на коленях на летающем диске, настолько перегруженном бурдюками с водой, что качался под малейшим жестом гиганта. Арис наклонился к Галаэрому, наклонив диск так опасно, что он мог бы выплеснуть свой груз, если бы он не опустил массивную руку, чтобы удержать бурдюки на месте.

— Ты уверен, что стражники не заметят? — спросил великан.

— Они заметят, — ответил Галаэрон, поморщившись от порывистого шепота великана, — но мы уже путешествовали с Эсканором. Пара стражников у ворот теперь не будет сомневаться в нашем присутствии.

— Это я знаю, но в этом они будут сомневаться — сказал Арис. Он указал на свои колени, которые покоились на куске теневого покрывала, украденного Галаэроном, когда он покидал помещение ткацкой. — Ты уверен, что мы должны взять его?

— Я уверен, очень уверен — сказал Галаэрон. — Вот как я им отплачиваю.

— Отплачиваешь кому? — спросил Арис.

— Всем им, — прошипел Галаэрон. — Теламонту, Эсканору, Вале ... Всем, кто предал меня.

— Это говорит твоя тень, Галаэрон — сказал Арис. — Никто тебя не предавал, особенно Вала.

— Тогда где же она? — прошипел Галаэрон. — Почему она не пришла сдержать свое обещание?

— Потому что не приходит — это единственная надежда, не исполнять его, — спокойно ответил Арис. — Ты должен покинуть это место, прежде чем потеряешься, а это было бы невозможно, если бы она покинула Эсканора и пошла с нами. Я уверен, что она выследит нас позже, особенно если ей придется все таки сдержать свое слово.

Галаэрон покачал головой.

— Ты слишком доверчив, мой большой друг. Как только мы уйдем, она не сможет узнать, когда это станет необходимо.

— Но она будет знать — сказал Арис. — Я скажу ей.

Они подошли к сторожевым балконам, и Арис, зажав рот, уставился вперед так пристально, что даже Галаэрому показалось, будто он что-то заподозрил.

Глаза стражников цвета драгоценных камней уставились на гиганта и следили за его продвижением, пока они не прошли под огромной решеткой и не взмыли в небо,

а затем они свернули вниз под анклав вместе с остальной армией Эсканора. Как только Пещерные Ворота остались позади, они начали отставать от остальных, и Галаэрон использовал свою теневую магию, чтобы сделать их обоих невидимыми. Он не очень удивился, обнаружив, что знакомый холод Теневого Плетения утоляет жажду, которая лежала глубоко под поверхностью его подсознания. Они вынырнули из теневой дымки и оказались над лабиринтом глубоких оврагов и отвесных вершин, которые отмечали переход между волнистым морем песчаных дюн, по которым город дрейфовал большую часть прошлых десяти дней, и зубчатым хребтом пустынных гор, к которым он плыл.

Армия Эсканора летела примерно в том же направлении, что и анклав, но чуть южнее, прямо на восходящее солнце. Насвистывая эльфийскую мелодию, чтобы помочь Арису следить за ним, Галаэрон повернул в противоположном направлении – на запад, к Эвереске.

— Галаэрон? — позвал Арис.

— Я здесь. Разве ты не слышишь мою музыку?

— Если это шлепанье губами можно назвать музыкой, то да, слышу, — ответил Арис, — но разве мы не должны посмотреть вниз? Похоже, кто-то попал в беду.

Галаэрон осмотрел песок впереди и ничего не увидел.

— Где?

— К югу от нас, сказал Арис. Лежит в ложине, на гребне той дюны, примерно в миле отсюда. Галаэрон посмотрел и не увидел ничего, кроме золотого солнечного света, сияющего на восточных сторонах бесконечной цепи песчаных дюн.

— Куда?

— Следуй за мной — сказал Арис.

Рядом с Галаэроном возникло звучное мурлыканье каменного великана. Он натянул поводья своего везераба и пристроился позади своего невидимого спутника, затем последовал за звуком к пустыне, плавно снижаясь. Через несколько мгновений он увидел крошечную ямочку, к которой они спускались, круг размером с кончик его пальца с крошечным пятнышком тьмы в центре. Пятнышко постепенно становилось достаточно большим, чтобы Галаэрон мог видеть, что оно действительно извивается, как куколка, пытающаяся вырваться из кокона.

— Он солгал! — прогремел Арис.

— Кто солгал? — крикнул Галаэрон.

— Малик! — Воскликнул великан. — Он сказал мне, что с Рухой ничего не случится!

Галаэрон посмотрел на темный кокон. На таком расстоянии он был длиной с его руку, и он мог видеть смутную человеческую форму, с шишкой в форме головы на одном конце и хвостом в форме ног на другом.

— Откуда ты знаешь, что это Руха? — спросил эльф.

— А кто кроме нее это может быть? — ответил Арис. — Сколько темноволосых женщин в вуалях ты ожидаешь найти в этой пустыне?

— Больше, чем ты думаешь, — ответил Галаэрон. Описание великана могло подойти под любую бединскую женщину, которую Галаэрон когда-либо видел, хотя было бы немыслимым совпадением найти такую, лежащую связанной под путём

Анклава Шейдов. — Но, если ты скажешь, что это Руха, я доверюсь твоему зрению. Оно явно лучше, чем у эльфа.

— О да, это определенно ведьма, сказал Арис. — Теперь я ее узнаю. Для Галаэрона она все еще оставалась неразличимым сгустком тьмы.

Они молча спустились к кратеру, и через минуту Галаэрон узнал темные глаза Рухи, выглядывающие из-под привычной пурпурной вуали. Судя по размеру кратера, в котором она лежала, она ударилась о дюну с изрядной скоростью, но она либо обладала магической защитой, либо была исключительно выносливой даже для бедина. Закутанная в кокон теневой паутины, которая в любом случае растворилась бы через час, она извивалась, катаясь взад и вперед в попытке освободить руки, чтобы рассеять магию, которая держала ее связанной.

— Не поранься, — крикнул Галаэрон. — Мы здесь.

— Самое время! — Руха перекатилась на спину и посмотрела в сторону голоса Галаэрона. — Я уже начала думать, что ты хочешь оставить меня здесь умирать.

— Нарочно? — спросил Арис со стороны, противоположной Галаэрону. — Мы ничего не хотели делать. Нам повезло, что мы вообще тебя увидели. Как ты здесь оказалась?

— Не притворяйся невинным со мной, Серолицый. Ты ненамного лучше умеешь лгать, чем Малик.

— Лгать? — ахнул Арис. — Он сказал, что тебе не причинят вреда.

— И мне не причинили — сказала Руха, — но твой план провалился.

— И что же это за план? — Галаэрон спешился и попытался развеять теневую паутину. К его удивлению, заклинание не сработало, и это было даже приятно.

— Кто на тебя это наложил? Один из принцев?

— Как будто ты не знаешь! — Руха усмехнулась.

У Галаэрона появилось дурное предчувствие.

— Не знаю, сказал он. — Как ты думаешь, в чем состоял наш план?

— Чтобы все выглядело так, будто я нарушила гостевую охрану шадовар, конечно — сказала Руха.

— Зачем нам это делать? — спросил Галаэрон.

— Чтобы меня изгнали, и я стала тебе проводником в пустыне. — Руха стала выглядеть менее сердитой и более озадаченной. — Но Малик не мог сохранить твою тайну, как не мог пренебречь бесхозным кошельком.

Галаэрон посмотрел на восток и, обнаружив, что Анклав Шейдов – не более чем темный алмаз, едва различимый на фоне затененных склонов далеких гор – рассеял свои заклинания невидимости. Он обнаружил, что Арис выглядит более чем немного огорченным.

— Арис, что случилось? — спросил Галаэрон. — Вы должны были только отвлечь внимание.

— Мы действительно отвлекли — сказал великан. — Мы сделали вид, что Руха напала на Малика и выбила меня из анклава вниз.

— Это сработало, — сказала Руха, — но Хадрун не наивен. Он знал, что Малик что-то скрывает, и в конце концов Малику пришлось признать, что вы с Арисом покинули город. Галаэрон и Арис тут же посмотрели в сторону города.

— У тебя есть немного времени — сказала Руха. — Хадрун ему не поверил. Но рано или поздно они обнаружат, что тебя нет, а когда это случится, у Малика будут неприятности.

— Как и у Валы, — сказал Арис. Им не потребуется много времени, чтобы понять, что мы все были частью плана.

— Если только мы не вернемся в город немедленно — сказала Руха. — Хадрун все еще верит, что я убила Ариса, пытаюсь захватить Малика. Если мы вернемся в анклав с живым Арисом, все будет запутано, но преступления не будет. Все будет как прежде. Ты сможешь выждать время и сбежать, когда это будет безопасно для Валы.

Галаэрон покачал головой.

— Никакого преступления, за исключением кражи теневого покрывала. — Он указал на бронзовый летающий диск Ариса. — Как только они поймут, что его больше нет, они не поверят ни единому нашему слову.

— Теневой покров? — спросила Руха.

Арис вытащил уголок ткани из-за своих бурдюков.

— Месть Галаэрона — сказал он. — Это погубит всех нас.

Руха нахмурилась. — Что это такое?

Галаэрон рассказал о том, как шадовары использовали покрывала, чтобы растопить Высокий Лед и испортить погоду на всем протяжении Дикой Границы и Побережья Мечей. Как только они поймут, что я взял это, я сомневаюсь, что они будут доверять нам намного больше.

— Я верю, что это время пришло — сказал Арис. Он указал на плавучий город, где под анклавом виднелась одинокая темная линия. — Кажется, они поворачивают в нашу сторону.

— Во имя Кóза! — Выругалась Руха. Все еще закутанная в свою теневую паутину, она начала катиться к темной стороне дюны. Быстро отправьте вашего везераба и летающий диск на запад. Мы спрячемся под песком, а потом ускользнем, когда они пройдут мимо.

Галаэрон кивнул и послал своего везераба в небо, затем повернулся и бросился через кратер туда, где Арис выгружал свои бурдюки.

— Оставь воду. Времени нет! — сказал он, запрыгивая на диск. — Тащи покров!

Покров? — ахнул Арис.

— Покров! — сказал Галаэрон, швыряя тяжелое покрывало в кратер. — Воду мы найдем позже.

На взгляд Кейи Нихмеду, серебряная магическая звезда, проплывавшая мимо окна Сторожевой башни Ливрейных Ворот, выглядела даже ярче, чем солнце, которое когда-то опаляло Эвереску с высоты скалистых вершин Шараэдима. Ее глазам было больно даже смотреть под ним на желтеющий луг, окружавший городские скалы, и его свет заливал тесную комнату белым сиянием, не оставлявшим теней. Магическая звезда не была солнцем. Она шипела и трещала, как оплывающий факел, и оставляла

за собой непрерывный след пепла, наполняя воздух едким запахом серы и лампового масла. Когда Кейя закрыла глаза, она вообще не могла чувствовать его, не могла видеть его свечение, сияющее сквозь веки, или чувствовать его тепло, проникающее в кожу. Казалось, что магическая звезда отбрасывает только иллюзию света или что ее сиянию просто не хватает истинной субстанции солнечного света. Ей чего-то не хватало. Хотя в Эвереске и вокруг нее плавало больше сотни шаров, трава продолжала желтеть, огромные блутопсы и платаны все еще сбрасывали листья, а цветы лилиапа увяли и посерели. Даже Джерили и другие солнечные эльфы начали терять свой цвет и приобретать болезненные оттенки шафрана и охры.

Нужно было что-то предпринять, чтобы принести в Долину настоящее солнце, и Кейя была не единственной, кто так думал. Хелбен Арунсун стоял у следующего окна вместе с Кииньоном Колбатином и лордом Дуирсаром, глядя на умирающие земли внутри мифала и тихо споря о нападении на вражескую теневую мантию.

— Нам нужна только рота магических клинков, дюжина караульных Высокой Стражи и магический Круг на Вершине Облака — говорил Хелбен позади нее. Он указал на Дексона и других ваасанцев, которые стали более или менее постоянным эскортом, когда они не были на Вершине Древа, ели и пили, превращая кладовую Нихмеду в ничто.

— Нам просто нужно продержаться достаточно долго, чтобы закрепить магическую звезду

Лорд Дуирсар поднял палец, чтобы прервать его:

— Разве ты не говорил, что теневой покров находится за мертвой стеной, мой друг?

— Говорил.

Кейя повернулась ровно настолько, чтобы увидеть, как Хелбен кивает. Хотя она была польщена тем, что лорд Дуирсар и другие чувствовали себя комфортно, говоря о таких вещах в ее присутствии, она остро чувствовала разницу в их рядах и старалась быть как можно незаметнее, подслушивая.

— Появление теневого покрова предполагало интересную возможность, — продолжил Хелбен. — Я начинаю думать, что мертвая стена — это на самом деле три стены: сфера заключающей магии, зажатая между двумя слоями мертвой магии.

Дуирсар нетерпеливо кивнул.

— Это объясняет, почему никакие заклинания не могут пройти через неё.

— Вот именно, — сказал Хелбен. — Так что я, возможно, смогу прожечь его своим серебряным огнем.

— Наверняка ты уже пробовал это раньше, — сказал Кииньон Колбатин, его слишком худое лицо выражало неодобрение.

— Я пробовал, — подтвердил Хелбен. — Я заметил волнение, но заключающий слой всегда оставался нетронутым. Серебряный огонь не влияет на обычную магию, и фаэриммы всегда приходили, чтобы прогнать меня, прежде чем я успевал рассеять её.

— Вот почему тебе нужна помощь, — предположил лорд Дуирсар, — чтобы удержать врага на расстоянии достаточно долго, чтобы ты мог наложить второе заклинание.

— Немного дольше, — признался Хелбен. — Кругу на Вершине Облака понадобится достаточно времени, чтобы сотворить магическую звезду и прикрепить ее к теневого покрову.

— Мне это не нравится — сказал Кииньон, качая головой с острыми чертами.

— Это займет не больше четверти часа.

— К тому времени мои магические клинки будут пытаться удержать сотню фазриммов.

— Кругу будет полезно закончить свое заклинание до того, как они все умрут. Долина умирает, Кииньон — сказал лорд Дуирсар. — Мы должны что-то сделать, иначе мифал умрет вместе с ним. Кейя, что ты думаешь?

Кейя почувствовала, как ее сердце подпрыгнуло к горлу.

— Милорд?

— О миссии Хелбена! — рявкнул Кииньон. — Сейчас не время притворяться скромницей, Наблюдатель. Если бы мы не хотели, чтобы ты услышала, мы бы отправили тебя на крышу.

Кейя почувствовала, как к ее щекам приливает жар.

— Конечно, Повелитель Мечей.

Она повернулась к Хелбену и увидела, что он смотрит в потолок, склонив голову набок, с отсутствующим выражением в глазах. Желая избежать очередного упрека, она все же заговорила.

— Если лорд Чёрный Посох считает, что наши жизни будут потрачены с пользой, я уверена, что говорю за Джарили и других в Высокой Страже... — Хелбен поднял ладонь, призывая к молчанию, затем обратился к потолку:

— Лаэраль? Это была ты?

Лорд Дуирсар и Кииньон обменялись удивленными взглядами. Они знали так же хорошо, как и Кейя, что в то время как все Избранные слышали следующие несколько слов, когда их имя произносили где-либо на Фаэруне, мертвая стена ограничила диапазон возможностей Хелбена Шараэдимом. Если он был в контакте с Лаэраль, то либо она вошла в Шараэдима, либо что-то ослабило барьер фазриммов.

— Лаэраль, конечно, я жив — сказал Хелбен. — Я в Эвереске.

Волнение было слишком сильным для остальных в комнате. Лорд Дуирсар и Кииньон начали выкрикивать имя Лаэраль и выкрикивать просьбы об оружии и магии, в то время как ваасанцы расспрашивали о Вале и о том, не напали ли фазриммы на их дома. Даже Кейя не могла удержаться, чтобы не спросить о брате. Хелбен окинул их всех темным взглядом.

— Вы в уме?

В комнате стало тихо, как в могиле, затем Кейя и остальные провели следующие несколько минут, слушая странный, односторонний разговор, прерываемый использованием имени Лаэраль через каждые несколько слов. Убедившись, что она все еще далеко от Шараэдима, пробираясь сквозь Лес Змиев, двое Избранных потратили несколько минут, рассказывая друг другу о событиях внутри и снаружи Шараэдима. Как только каждый из них получил базовое представление о том, что делал другой в течение четырех месяцев или около того, они начали проверять степень ослабления мертвой стены, пробуя различные формы коммуникационной магии. Когда все их заклинания оказались неспособными пробить барьер, Хелбен

решил попробовать другой путь и использовал заклинание, чтобы отправить свой кинжал в руку Лаэраль. Оружие исчезло, когда он произнес заклинание.

— Лаэраль, он уже в пути. — Хелбен на мгновение замолчал, потом нахмурился.
— Это не ... э-э, Лаэраль, что не так?

Громкий удар отразился от потолка, затем изумленный Страж закричал:

— Эй, кто бросает кинжалы?

Хелбен на мгновение закрыл глаза, потом сказал:

— Лаэраль, ничего хорошего. Поговорим позже.

Хелбен продолжал смотреть в потолок, затем повернулся к лорду Дуирсару.

— Что вам удалось узнать из моего разговора?

— Будет лучше, если ты перескажешь все — сказал лорд Дуирсар. — Я так понимаю, леди Лаэраль нашла способ ослабить мертвую стену?

— Не Лаэраль, — сказал Хелбен. Незересы.

— Незересы? — ахнул лорд Дуирсар.

— Анклав Шейдов, если быть более точным — сказал Хелбен. — Это они создали теневой барьер, чтобы отрезать фаэриммов от Плетения и ослабить их для последней атаки.

— Тогда нет необходимости жертвовать отрядом магических клинков, чтобы прикрепить к ней магическую звезду — сказал Кииньон. — Если Анклав Шейдов на нашей стороне, нам нужно только попросить их опустить её, пока мифал не ослабел.

Лицо Хелбена помрачнело.

— Боюсь, все не так ясно.

Он взглянул на Кейю и ваасанцев, затем взял лорда Дуирсара под руку и направился к лестнице.

— Возможно, нам следует обсудить это в Вершине Облаков. Есть трудные решения, которые нужно принять, и вам может понадобиться совет Старейшин Холма.

Кейя прикусила губу и умудрилась промолчать, даже когда Хелбен начал спускаться по лестнице вместе с Кииньоном и лордом Дуирсаром. Как только они скрылись из виду, Дексон подошел к ней и обнял крепкой рукой за плечи.

— Я уверен, что с Галаэроном все в порядке, — сказал он. — Мы спросим позже, когда они определятся со своей стратегией.

Кейя кивнула и сжала руку Дексона. — Спасибо.

Она закрыла глаза и подняла лицо к небу.

— Я молюсь Ханнали, чтобы хотя бы на этот раз Старейшины Холмов двигались со скоростью больше человеческой, чем эльфийской.

Всего через три дня под палящим солнцем Анаврока язык Галаэрона распух до размеров языка рофа. Его голова пульсировала болью, а зрение непредсказуемо расплывалось. Сердце билось медленными, вялыми толчками, которые, казалось, едва качали вязкую кровь по венам, и он был достаточно близко к воде, чтобы

почувствовать запах влажного песчаника. Иногда сквозь завесу изумрудной листвы, растущей у подножия скалы впереди, он даже видел мелькнувшую серебристую рябь. Если бы Руха не настояла на том, чтобы они остановились, чтобы изучить оазис, прежде чем войти, они с Арисом уже были бы у бассейна, делая все возможное, чтобы напиться вдоволь. Две минуты спустя, однако, Арис и Руха были бы мертвы, а Галаэрон возвращался бы в Анклав Шейдов в паре чешуйчатых когтей.

Рухе потребовалось всего несколько минут, чтобы понять, что в оазисе было слишком тихо: не было ни птиц, порхающих по верхушкам деревьев, ни зайцев, снующих в подлеске. Несколько минут спустя Арис заметил дракона, молодого голубого, спрятавшегося на скрытом выступе, прямо над верхушками деревьев, на одном конце которого виднелись только глаза и рога, а на другом-кончик свисающего хвоста. Галаэрон сделал знак своим спутникам, и они скользнули вниз за гребень дюны и отступили в ложбину почти в четырехстах футах внизу. Тени не было, поэтому Арис опустился на свое место на украденном теневом покрове, которое лежало сложенным на склоне противоположной дюны. Его глаза остекленели и запали от обезвоживания, губы потрескались, а ноздри воспалились. Великан взглянул на полуденное солнце и сказал:

— Мне нужна эта вода. Его голос был похож на хриплое карканье. — Даже если мне придется сражаться за него с драконом.

— Дракон будет только началом — сказал Галаэрон. — Он выглядит слишком маленьким, чтобы иметь много заклинаний, но я держу пари, что шадовары устроили для него способ общения с Малигрисом.

— Может быть, это не имеет к ним никакого отношения, — сказал Арис. — Похоже, оазисы – хорошее место для охоты молодых драконов.

— Но не для охраны — сказала Руха. Хотя она выпила не больше нескольких глотков с тех пор, как они покинули Анклав, ее голос не выдавал никаких признаков жажды. — Ничего не случится, пока здесь дракон. Когда они охотятся, они должны налететь и взять все, что могут. Иначе молчание птиц выдаст их. Арис опустил голову.

— Я больше не могу — сказал он. — Если я войду один, может быть, нам удастся его обмануть.

— Как ты думаешь, сколько каменных гигантов бродит по пустыне? — спросила Руха. — Если дракон увидит кого-нибудь из нас, шадовары поймут, что мы повернули к Кормиру, а не к Эвереске.

Арис посмотрел на гребень дюны, его глаза стали большими и дикими. — Тогда мы должны убить его, — сказал он. — Мы должны подкрасться и убить его.

— Ты болен от солнца, Арис, — сказал Галаэрон. — Ты не можешь подкрасться к дракону.

— В Сайяддаре будет вода — Руха встала и пошла на юг, ступая по отвесной стене желоба, чтобы склон обрушился и соскользнул вниз, замата следы. — Мы скоро будем там. Это недалеко.

Арис застонал и закрыл лицо руками.

— Пошли, — сказал Галаэрон. — Я возьму теневой покров. — Арис поднял голову достаточно высоко, чтобы одним глазом взглянуть на Галаэрона.

— Оно в два раза больше тебя. Как ты сможешь нести его?

— Галаэрон вытащил из-под плаща прядь теневого шелка и начал складывать ее в круг.

— Как ты думаешь?

— Нет! — Арис прогремел это слово достаточно резко, чтобы вызвать небольшую лавину на склоне позади Галаэрона. — Никакой теневой магии.

Руха резко обернулась.

— Ты пытаешься вызвать дракона на нас? — Мгновение она смотрела на великана, потом перевела взгляд на Галаэрона. — Оставь покров. Он слишком тяжелый и горячий, чтобы нести его.

— Это доказательство, — сказал Галаэрон, начиная скручивать концы своего теневого шелка, — и я не оставлю его.

— Тогда я понесу его. — Арис встал и перекинул огромное одеяло через плечо. — Потому что ты не произнесёшь еще одно заклинание тени.

Не имея места, чтобы спрятаться от солнца, и беспокоясь о том, чтобы привлечь стервятников и выдать их позицию, даже если они остановятся, троица провела остаток дня, маршируя на юг. Время от времени Руха взбиралась на гребень дюны, чтобы изучить местность и поискать в небе признаки преследования драконов, затем махала своим спутникам за спиной и вела их на восток в безумном беге через дюну за дюной. Эти усилия, казалось, никогда не утомляли ведьму, но Галаэрон и Арис так уставали после дюжины или около того переходов, что их ноги подкашивались и оставляли их ползать на четвереньках. Галаэрон провел большую часть этого времени, кипя от злости из-за дезертирства Валы, наслаждаясь перспективой мести, которую он обрушит на Теламонта за отказ вмешаться в дела Эсканора, и обдумывая, как он подчеркнет роль принца в таянии Высокого Льда. Шадовары предали его, похитили Валу и заставили ее закрыть глаза на обещание, которое она дала ему, и за это они заплатят. За это он раскроет миру их истинную природу, расскажет, как они растопили Высокий Лед и испортили погоду по всему Побережью Меча. Что это решение может означать для Эверески, Галаэрон даже не задумывался. У Анклава Шейдов были свои причины уничтожить фаэриммов, и его уход вряд ли повлияет на их планы. Наконец, когда послеполуденные тени начали вытягиваться к вечеру, они поднялись на вершину дюны и увидели перед собой обширную прерию бледно-зеленых лугов. Вдалеке коричневое пятно стада газелей медленно проплывало над пурпурным горизонтом, в то время как остальная часть равнины была испещрена крошечными пятнышками кормящихся птиц. Там и сям по руслу высохшей реки были разбросаны пышные кроны нескольких десятков больших тополей.

— Скорей, ударь меня сейчас же! — Выругался Арис. — Река сухая, как кости.

— Только на поверхности. — Руха соскользнула с гребня дюны и начала спускаться, с другой стороны. — Внизу есть вода.

— Внизу? — Арис бросил тоскующий взгляд на север, к скалам, где они оставили молодого дракона. — Как далеко внизу?

— Недалеко, — сказала Руха, махнув гиганту вслед.

— Ты уже говорила это раньше, — заметил Арис.

Несмотря на ее протесты, великан помчался вниз по дюне мимо ведьмы и двинулся через равнину.

— Арис! Подожди до темноты! — позвала Руха. — Птицы!

Она опоздала, и даже если бы не опоздала, вряд ли великан остановился бы. С тяжелым тeneвым покрывалом, все еще накинутым на плечи, он двинулся к руслу реки длинными, гулкими шагами, которые подняли в небо тучу испуганных птиц, визжащих и клекочущих. Руха посмотрела на север.

— Как ты думаешь, насколько близко...

— Слишком близко, — сказал Галаэрон. Я слышал, как синие драконы хвастались, что они собирают еду в Шараэдиме из гнезда в Серых Мантиях.

— Ты говоришь с драконами? — спросила Руха.

— При случае, — сказал Галаэрон. — У Стражи Гробниц была договоренность с несколькими молодыми синими.

Вместо того, чтобы спросить о договоренности, Руха кивнула и пошла через равнину вслед за Арисом.

— Тогда нам надо спешить.

Галаэрон схватил ее за плечо и указал на веер намытого гравия, рассыпавшегося по предгорьям, отделявшим Сайяддар от иссохших склонов Шпилей Ятаганов.

— У нас больше шансов спрятаться — сказал он. — Молодой дракон будет высокомерен в своем приближении, и мы можем застать его врасплох.

— Ты хочешь использовать своего друга в качестве приманки?

— Это он распугал птиц. — Тон Галаэрона был оборонительным. — Я просто пытаюсь сохранить нам всем жизнь.

Руха поразмыслила над этим и двинулась вдоль края равнины. — Твой план вполне логичен, хотя было бы лучше, если бы ему дали шанс стать добровольцем.

— Он вызвался добровольно, когда позволил своей жажде подвергнуть нас опасности — сказал Галаэрон, присоединяясь к ней.

— Может быть, и так, — сказала Руха — но, если бы ты взял его бурдюки с летающего диска вместо своего теневого покрывала, его жажда не была бы так велика.

Единственным ответом Галаэрона была сердитая гримаса. Они были только на полпути к покрытому гравием руслу, когда птицы внезапно начали бежать на юг. Руха затащила Галаэрона в заросли ежевики и, присев на корточки, натянула над их головами пучок колючих стеблей, чтобы их не было видно с воздуха. Арис, казалось, не понимал, что что-то не так, еще с десятков шагов, когда заметил убегающих птиц и остановился, чтобы обернуться. Он провел несколько мгновений, осматривая равнину позади себя, взывая к Галаэру, прежде чем, наконец, поднял взгляд к небу и посмотрел на север, в сторону оазиса, где они видели дракона. Хотя Галаэрон прятался в пятистах шагах от него, он был достаточно близко, чтобы увидеть, как у великана отвисла челюсть и поникли плечи. Арис еще мгновение осматривал равнину позади себя, затем, все еще неся тяжелое тeneвое покрывало, повернулся и побежал к предгорьям, направляясь к узкому оврагу недалеко от того места, где прятались Галаэрон и Руха.

— Хорошо, — прошептал Галаэрон.

Он начал крутить крошечную фигурку из теневого шелка. Руха посмотрела на небо. Прошло всего мгновение, прежде чем она толкнула Галаэрона, и крестообразная тень маленького дракона начала скользить по Сайяддару. Галаэрон закончил свою фигурку, затем направил ее на Ариса и произнес заклинание. Вокруг великана

появился круг теней. Один за другим они оторвались от земли и приняли форму Ариса, а затем рассыпались веером в дюжине разных направлений. С неба донеслось сердитое кудахтанье, а затем в поле зрения появился дракон, его голубая чешуя сверкала, как сапфиры в сумеречном свете. Он выровнялся в дюжине футов от земли и, начав с одного конца убегающих копий, открыл пасть и выпустил огромную молнию, которая протянулась перед тремя убегающими тeneвыми гигантами. Лишенные собственного разума, образы продолжали двигаться прямо в молнию и исчезали из поля зрения.

— Умная тварь, — прошептала Руха, вытаскивая из своей абы маленький кремь и огниво, — и хочет взять нас живыми.

— Я нужен ему живым, — поправил Галаэрон.

— Не переоценивай свою или Ариса ценность для шадовар.

Дракон снова вздохнул, выпустив еще одну молнию перед четырьмя бегущими гигантами. На этот раз они остановились и побежали в противоположном направлении. Дракон развернулся на кончике крыла и вытянул когти, рассекая двух иллюзорных гигантов при первом же заходе. Дракон остановился менее чем в пятидесяти шагах от них, обнажив тонкую чешую на брюхе, и развернулся, чтобы схватить убегающего гиганта. Руха начала подниматься из своего укрытия, направляя кремь и сталь в брюхо дракона, чтобы вызвать то, что, как знал Галаэрон, будет огненной бурей.

— Еще нет! — прошипел Галаэрон. Он схватил ее за руку и потянул вниз, затем направил свое изображение на фигуру, которая, как он знал, была фальшивым Арисом. Он прошептал то же заклинание, и вокруг каждого из оставшихся на равнине гигантов появился круг теней. Они начали подниматься дюжинами и разбежаться во все стороны. Дракон взревел в отчаянии и взорвал ближайший круг своей третьей и последней молнией. По несчастливой случайности его цель оказалась правильной. Арис взревел от боли и рухнул ничком, а затем дракон навалился на него, пригвоздив к земле огромным когтем и злобно шипя что-то, чего Галаэрон не мог расслышать с такого расстояния.

— Трус! — прошипела Руха, сбрасывая ежевику. — Ты должен был позволить мне напасть, когда я целилась ему в живот!

Она побежала через равнину, указывая пальцами на огромного дракона. Кровь закипела от ее оскорбления, Галаэрон бросился за ней, и остановился, когда она выпустила залп золотых стрел в бок змия. В результате взрыва фонтан голубых чешуек брызнул в воздух вместе с изрядным количеством драконьей крови и плоти. Дракон взревел и повернул свою огромную голову только для того, чтобы получить еще один залп золотых стрел ведьмы в морду. На этот раз выстрел отправил ноздрю, два рога и один глаз с узким зрачком вывалиться за драконье плечо. Столь же удивленное силой Рухи, как и Галаэрон, существо расправило свои огромные крылья и взмыло в воздух. Он сжимал Ариса и тeneвой покров в своих массивных когтях.

Руха переключилась на кремь и сталь, выкрикивая бединское огненное заклинание и высекая искры в воздух. Длинная вереница крошечных метеоритов взмыла в воздух, попав дракону в правое крыло и прожигая несколько дюжин дырок размером с дыню в твердой коже. Существо качнулось вправо и пролетело сотню футов к подножию холмов, затем выровнялось и полетело на свободу, все еще сжимая

Ариса и теневой покров. Галаэрон не собирался отпускать дракона вместе со своим трофеем. Он соорудил из нитки теневого шелка петлю, затем произнес длинную цепочку магических слогов и щелкнул петлей вслед убегающему дракону. Нить протянулась почти на полмили в длину, давая Галаэрону достаточно времени, чтобы просунуть конец веревки себе под ногу, прежде чем петля на другом конце расширилась до размеров колеса фургона и повернулась, чтобы скользнуть через голову дракона на шею. Версия заклинания Стражи Гробниц, используемого для захвата убегающих разрушителей склепов, заклинание работало с теневым шелком даже лучше, чем с эльфийской нитью. Как только дракон натянул веревку во всю длину, петля сомкнулась, и нить сократилась до небольшой доли своей прежней длины, одновременно перекрывая подачу воздуха змею и дергая его так, чтобы он рухнул в нескольких десятках шагов от Галаэрона. Оглушенный змей сначала ударился лицом, а затем упал скрюченной, судорожной кучей, тщетно царапая когтями магическую удавку. Держа ногу на своем конце веревки, чтобы петля не затянулась, Галаэрон направил ладонь на его уже искалеченную голову и просверлил дыру в черепе единственной теневой стрелой. Его тело было наполнено таким количеством теневой магии, что оно почти онемело, но он совсем не возражал. Холод был приятен. Руха подошла к нему и остановилась, словно собираясь что-то сказать, потом передумала и подошла к драконьей голове.

— Мертв — подтвердила она.

— Хорошо. — Галаэрон сошел с магической линии, которая исчезла, как только его нога потеряла контакт с ней, и двинулся вперед, когда Руха переползла через шею змия к его нижней стороне. — А мой покров? — спросил он. — Все еще в целости?

Руха резко повернула голову и сердито посмотрела на него. — Да, покров все еще в целости. Она скрылась из виду за драконом, затем добавила: — Чего я не могу сказать о твоём друге.

— Арис? — Галаэрон бросился бежать. — Он ранен?

— Да, и очень скверно. Руха выглянула из-за спины змея и сказала:

— Вот что происходит, когда ты используешь кого-то в качестве приманки для дракона.

Галаэрон добрался до спины твари и вскарабкался на него, чтобы найти Ариса, пойманного в ловушку под телом змея. В его груди было четыре дыры от когтей, а одна рука была вывернута за спину под невероятным углом. Серые глаза великана были едва приоткрыты. Он взглянул Галаэрону в лицо и отвел взгляд.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

19 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

К сумеркам дня своего прибытия армия шадовар натягивала последний уголок своего теневого покрыва на легендарный Миф Драннор. Потрескавшиеся шпиль и увитые виноградом колонны города, уже наполовину скрытые стеной весеннего тумана, исчезли под волнистой мантией темноты, и тишина, которая была жуткой и зловещей большую часть дня, стала совершенной и неподвижной. Когда шелковые края были прикреплены к земле, несколько птиц и других лесных животных бросились бежать по одному и по двое. Этим существам было позволено бежать, но отряды воинов ждали, чтобы убить любого монстра, который мог вернуться позже, чтобы преследовать везерабов. Со своего наблюдательного пункта в западной части города Вала видела, как они сбивали бехолдера, двух горгулий и даже малаугрима в его истинной форме с тремя щупальцами. Покров помешает их добыче телепортироваться или воспользоваться воротами перемещения, которые, по слухам, все еще функционируют внутри города, но это означало только то, что фазриммы будут еще более опасны и свирепы, чем обычно. По словам шадоварских разведчиков и прорицателей, на подземных уровнях руин все еще обитало около тридцати шипастых, и, если атака увенчается успехом, большинство из них будут убиты в своих собственных логовищах.

Впервые в жизни Вала пожалела, что не умеет писать. Она хотела бы изложить свои мысли сыну до того, как начнется работа клинком. Вала опустила волшебное крыло в сторону холмистого луга на западной окраине города и приземлилась на примятую траву перед шатром Эсканора. Принц ждал у входа, его медные глаза следили за каждым ее движением, пока она расстегивала нагрудник, чтобы снять ремни на крыльях. Его свита помощников и командиров тоже была там, хотя большинство, казалось, больше интересовалось тем, как он наблюдает за ней. Хотя Вала никогда не была особенно застенчивой, и тем более после того времени, что она провела среди эльфов, взгляд Эсканора заставил ее почувствовать себя неловко, чего никогда не вызывали даже голодные ухмылки ее собственных ваасанцев. Однако вместо того, чтобы отвернуться, она улыбнулась и игриво приподняла бровь, поднимая тунику, чтобы расстегнуть пряжки на груди.

— Никогда не видел, чтобы девушка снимала крылья?

Что-то похожее на ухмылку промелькнуло на лице принца.

— Не твои крылья привлекли мое внимание. — Эсканор вышел из шатра павильона, не столько подойдя к ней, сколько выйдя из тени рядом с ней. — Ты чувствуешь себя с ними все более комфортно?

— Мне не настолько удобно, чтобы спать в них. — Вала повернулась к принцу спиной, более или менее вложив крылья ему в руки. Она позволила ремням из

теневого шелка скользнуть в прорези на спине туники, затем начала вращать усталыми плечами. Мы ведь будем спать перед штурмом, не так ли?

— Это будет зависеть от тебя. — Эсканор подождал, пока Вала снова приведет себя в порядок. — У меня есть кое-какие новости.

У Валу упало сердце. Ее мысли сразу же обратились к Галаэруну и Арису, но когда она обернулась, то спросила:

— Что-то случилось в Гранитной Башне?

Невозможно было сказать, хотел ли Эсканор, чтобы его клыкастая улыбка была ободряющей или насмешливой.

— Вовсе нет. Я говорю о Галаэроме.

— Галаэрон? — спросила Вала, изображая разочарование. Она обдумывала этот момент с тех пор, как они покинули анклав, и пришла к выводу, что есть только один способ сыграть его. — Он действительно ушел?

Глаза принца вспыхнули красным.

— Ты знала о его планах?

— Знала? — Вала покачала головой. — Я думала, это просто слухи из теней. Он начал планировать побег после того, как вы попросили меня участвовать в этом нападении.

— Думаю, ты заставила его ревновать. И ты не сказала Высочайшему?

— Зачем мне рассказывать о своих личных делах Высочайшему?

— Это не только твое дело, — сказал Эсканор. — Знание, которое он несет, принадлежит Анклаву Шейдов.

Вала улыбнулась и погладила его по щеке. — Думаю, тебе следовало подумать об этом, прежде чем приглашать меня в эту поездку. — Она подняла крылья и направилась к своей палатке. — Мне нужно умыться. Когда ужин?

Эсканор шел рядом.

— Ты не беспокоись о нем?

— Я должна? — Вала не останавливалась. В этом, прежде всего, она должна была казаться равнодушной. Если бы Эсканор знал, что она на самом деле чувствует, он бы скрыл свои знания и сыграл на ее эмоциях, чтобы заставить ее раскрыть то, что она знает. — Высочайший настроил его против меня. Ты видел.

— Значит, ты не можешь сказать мне, где он?

Вала почти улыбнулась. Если Шадовары не знают, где находится Галаэрон, то он все еще свободен.

— На твоём месте я бы понаблюдала за ним в Эвереске.

— Это, конечно, очевидный выбор — сказал Эсканор, — но он знает, что у нас там армия. Мы подумали, что он, возможно, намеревался вместо этого отправиться в Глубоководье.

— Возможно, — сказала Вала. Судя по тому немногому, что она подслушала после ужина, таков был план Галаэрона. — Найти его будет сущим адом. Анаврок – большая пустыня. Особенно пешком.

— Мы нашли их везераба и летающий диск со всей их водой, но никаких следов. — Эсканор взял Валу за руку и остановил ее. Если ты знаешь, куда они направляются, ты должна сказать мне, ради их же блага. Без своих бурдюков они не протянут и десяти дней, даже если сумеют найти оазисы.

— Тогда они не протянут и десяти дней — сказала Вала.

Хотя Эсканор был прав насчет их шансов выжить в Анавроке, по крайней мере, в случае с Арисом, шадовары уже догадались о том немногом, что она знала, так что не было никакой пользы от признания ее собственного небольшого участия.

— По крайней мере, это избавит меня от необходимости охотиться на Галаэрона после того, как он полностью потеряется в своей тени.

Эсканор отпустил ее руку.

— Ты действительно не знаешь, где они?

— Разве я не это сказала?

— И ты не влюблена в Галаэрона?

— У меня больше самоуважения, чем у тебя, — произнося эту ложь, Вала старалась смотреть прямо в глаза принцу. — Все, что у меня для него есть – обещание.

Эсканор удивил ее явно искренней улыбкой.

— Как я и сказал Высочайшему. — Он махнул ей в сторону своей палатки. — Пожалуйста, останься здесь на ночь. Так будет удобнее.

— Удобнее? — Хотя Вала внутренне съежилась, она заставила себя игриво ухмыльнуться. Тебе не кажется, что сегодня нам нужно поспать?

— Когда мы закончим, ты будешь спать, как львица после охоты, — ответил Эсканор, показывая клыки. — По правде говоря, я думал, что твой флирт – не более чем низменная попытка замаскировать предательство под маской желания, но теперь я вижу, что рассказы Мелегонта о женщинах Ваасы не были преувеличением.

— Рассказы? — спросила Вала.

— Что вы всегда в сезоне — сказал Эсканор.

Он нежно взял ее руку в свою. — Дочь Бодвара была его любимицей. — Дочь Бодвара? Вала на мгновение задумалась, потом ахнула: — Гранна!

— Не бойся. Даже если Мелегонт – твой дед, нас разделяют многие поколения. Наша кровь едва ли одинакова. Он потянул ее к своему павильону.

— Уберите мою палатку! — Вала замерла. — Подожди!

Глаза Эсканора вспыхнули красным. — Ты не искренна?

— Я всегда искренна, — сказала Вала, внутренне поморщившись от неприязненных взглядов, которые бросали на нее шадовары, когда они выходили из шатра павильона, — но мы были на крыле четыре дня и тащили тень весь пятый день. Мне нужно помыться.

— У меня в палатке есть вода — сказал Эсканор. — Ты можешь помыться здесь.

— Помыться – это фигура речи — сказала Вала.

Хотя она едва ли была выше того, чтобы делить постель с мужчиной по своим собственным причинам, она не имела привычки позволять, чтобы ей приказывали лечь в одну из них. принц давил слишком сильно, слишком быстро. Он что-то задумал, и ей нужно было выиграть время, чтобы понять, что именно.

— Что я действительно должна сделать, так это...

— Ты можешь сделать это в гардеробной за моей палаткой, — перебил её Эсканор. — Она открывается в Серые Пустоши.

— Ладно, — сказала Вала, притворяясь, что сдается, — но сначала нам надо поесть. Я умираю с голоду, а день который у нас завтра...

— Это тебя не касается, — сказал Эсканор, ведя ее в пустой павильон.

— Супруга принца не должна сражаться.

— Что? — Наконец всё поняв, Вала остановилась. — Супруга?

— Конечно, — сказал Эсканор. — Мы, шадовары, не варвары. Мы не бросаем женщину после того, как использовали ее.

— И я должна прекратить сражаться? — Эсканор покачал головой. — Вовсе нет. Супруга может сражаться в свое удовольствие, но этого не ожидается. — Он махнул ей в сторону глубины в глубине палатки. — Пожалуйста. Еду мне принесут позже.

Вала отказалась переступить порог. — А как же Шелдон?

— Твой сын? — спросил Эсканор. — Он будет доставлен в анклав и воспитан в моем доме как Верховный Лорд. Разве это не доставит тебе удовольствия?

Вале нужно было обдумать это лишь мгновение, прежде чем она покачала головой.

— Нет, он ваасанец.

— Хорошо, он останется в Ваасе, — ответил Эсканор. — Как пожелаешь, Вала.

Вала повернулась и посмотрела на него.

— Как я пожелаю?

— Для супруги Первого Принца – что угодно, — сказал Эсканор. — Ты могла бы даже сама вернуться в Ваасу, с полным погашением долга Бодвара.

Этого было почти достаточно, чтобы Вала шагнула в палатку. Она покинула Гранитную Башню больше года назад и мечтала только о том, чтобы вернуться, вырастить сына и увидеть своих стареющих родителей, и именно это делало предложение принца слишком хорошим, чтобы быть правдой. Он хотел от нее большего, чем просто разделить меха. Во Дворце Высочайшего была тысяча куртизанок, которых он мог заполучить для удовольствий, и большинство из них были, хотя ее гордость была уязвлена признанием этого, гораздо более желанными, чем она. Она отошла от палатки и, прищурившись, посмотрела на Эсканора.

— Чего мне будет стоит вся эта щедрость? Моей жизни? Моей воли?

Эсканор развел руками.

— Ничего, если твое желание истинно.

— Допустим, это не так.

— Тогда есть гораздо более простой способ получить те же привилегии — сказал Эсканор, уклоняясь от ответа. — Просто скажи мне, что ты знаешь об исчезновении Галаэрона.

— Я уже это сделала — ответила Вала. — Кроме этого, я не знаю ничего, что могло бы тебе помочь.

— Позволь мне самому судить об этом, — сказал Эсканор. — Ты не можешь знать, что может нам помочь.

Вала поддалась искушению. В любом случае, она почти говорила правду. Если Галаэрон не собирался в Глубоководье, а он, очевидно, не собирался, поскольку шадовары не могли его найти, то она была в растерянности. Эсканор был прав, хотя она не могла знать, что может помочь им найти убегающего эльфа, или привлечь тех, кто остался. Как бы она ни смотрела на это, она предаст своих товарищей, по крайней мере, в душе, если не на самом деле.

— Давай попробуем, — сказала Вала. — Расскажи мне, что ты знаешь, и я расскажу тебе, если что-нибудь из того, что я знаю, сможет помочь.

Эсканор удивил ее смехом, не холодным, угрожающим, а теплым, почти почтительным.

— Ты храбрая женщина, Вала Торсдоттер, — сказал он, положив свою большую руку ей на затылок. Я не хочу видеть, что будет с тобой, если Высочайший узнает, что ты отказалась отречься от своего предательства.

Ноги Вала заледенели, и она посмотрела вниз, чтобы увидеть, как тень поглощает их.

— Что...

Это было все, что она успела сделать, прежде чем ее сознание исчезло в холодной темноте. Спустя какое-то время, может быть, секунду или час, Вала не могла сказать точно, она почувствовала, как влажный воздух Миф Драннора согревает сначала ее лицо, потом тело и, наконец, ноги. Она увидела себя поднимающейся из лужи тьмы, ее тело вернулось к своим обычным пропорциям. Когда она снова осмелилась поднять взгляд, то обнаружила, что стоит на вершине теневого покрова, окруженная темными башнями и деревьями Миф Драннора. На разных расстояниях вдоль узкой улицы стояли дюжины отрядов воинов-шадовар. Все еще держа Валу за шею, Эсканор потащил ее за угол огромной, похожей на замок развалины в заросший деревьями двор, который когда-то служил главным входом в здание. Слева виднелась одинокая пристроенная башня, а справа – Г-образное крыло, окутанное тем же покровом тьмы, что и деревья, и сама земля. Дюжина воинов стояла у входа во двор с оружием и палочками в руках, а нервный офицер наблюдал за приближением Эсканора. Чувствуя, что ей не понравится то, что задумал принц, Вала позволила руке скользнуть к рукояти меча, и почувствовала, как железная хватка Эсканора сжала ее шею.

— Однажды ты спасла мне жизнь, — прошипел он. — Не заставляй меня в ответ свернуть тебе шею.

— Уже темно, — сказала Вала. — Просто хотела посмотреть, что происходит.

— Правда? — усмехнулся Эсканор. Он остановился перед нервным офицером.

— Это и есть Иритлиум?

Воин склонил голову. — Так и есть, принц.

— Хорошо. — Эсканор толкнул Валу вперед. — Расскажи ей, что нам удалось узнать об этом месте.

Офицер кивнул и повернулся к Вале.

— Ничего особенного, леди Торсдоттер. Когда-то это была школа магии, которая, естественно, привлекала фаэриммов. Верхние слои, кажется, были открыты, но есть по крайней мере шесть фаэриммов, обитающих где-то под фундаментом.

— Шесть фаэриммов? — ахнула Вала, понимая, почему патруль так нервничает. — В одном здании?

Офицер кивнул.

— Наше задание – составить карту их логовищ.

— Нет, — сказал Эсканор, — теперь твоя миссия – убить их.

Топазовые глаза офицера побледнели до цитринового.

— Убить их, принц? — Тебе нечего бояться, мой слуга. — Эсканор подтолкнул Валу к нему. — Я привел тебе нового разведчика. Вы можете связаться со мной, чтобы попросить другого, если она умрет.

Офицер поднял бровь, затем кивнул и сказал:

— Как прикажете, мой принц.

Эсканор повернулся к Вале. — Ты сказала, что хочешь драться — сказал он. — Если ты передумаешь, ты знаешь, что должна сделать.

— Я не передумаю — сказала Вала, свирепо глядя на него.

— Конечно, нет.

Он отпустил молодого шадовара из патруля, затем взял рогатый шлем воина и передал его Вале. Это помешает фаэриммам контролировать тебя, и, если ты вдруг передумаешь, все, что тебе нужно сделать, это прикоснуться плоской стороной клинка к рогу. Вала взяла шлем и заменила им свой.

— А если я этого не сделаю?

— Тогда я доложу о твоей смерти в бою Высочайшему — сказал Эсканор. — Гранитная башня будет проинформирована о твоей храбрости и преданности долгу.

— Я не это имела в виду — сказала Вала. — Что я получу, если мы убьем всех фаэриммов? То же самое, что я сделала бы, войдя в твою палатку?

— Если ты убьешь шестерых фаэриммов?

Оскал Эсканора обнажил кончики его клыков.

— Если ты убьешь шестерых фаэриммов, я стану *твоим* консортом.

Лаэраль вышла из лесной грязи на влажный песок на краю Анврока, почти в трехстах милях от своего дома. Хотя в принципе она знала, чего ожидать, размер темного шара перед ней настолько ошеломил ее, что после телепортации она растерялась и подумала, что каким-то образом оказалась за пределами Плана Тени. Полупрозрачная настолько, что можно было различить силуэты предгорий, поднимающихся хребет за хребтом, темная сфера была такой же широкой, как сам горизонт, и такой высокой, что над ней висел только тонкий серп облачного серого неба. Лаэраль была выбита из своего благоговейного замешательства, когда вождь Клав наткнулся на нее сзади, почти перекинув свое тело через ее плечо и прорывав утгардтское проклятие. Вспомнив, что скоро из круга телепортации хлынет целый поток солдат, она быстро отступила в сторону и схватила варвара за огромное запястье.

— Это теневой барьер — сказала она, тщетно пытаясь оттащить его в сторону. — Ты за пределами Шараэдима, помнишь?

— Харидим, — рассеянно повторил Клав, откидывая голову назад и пытаясь разглядеть огромный купол тьмы, возвышающийся над ним.

— Великая Темная Гора! — Лорд Йораэдия, моргнув, возник за спиной вождя Клава и врезался в спину варвара, когда тот двинулся вперед.

— Стрелы Кореллона! — Йораэдия отступил назад, потянувшись за мечом, и тут же снова был отброшен вперед, когда Скарн Брассакс врезался в него сзади.

— Что? Кто? — воскликнул гном. — Где в Подземье...

— Теневой барьер, помнишь?

Лаэраль поставила ноги и дернула вождя Клава в сторону, затем отпустила его и схватила Брассакса и Йораедию.

— Выходите из него, добрые сэры, или наша армия начнет телепортироваться сама, и если вы думаете, что Торговый Путь был беспорядком, подождите, пока не увидите, что произойдет, когда эльф и гном попытаются занять одно и то же пространство!

— Не хочу этого! — сказал Клав, приходя в себя. Вождь повернулся и буквально начал вышвыривать других командиров из круга телепорта, когда они прибыли. Лаэраль провела еще мгновение с Йораедией и Брассаксом, помогая им преодолеть их ошеломленное состояние после телепортации, напоминая им, где они находятся. Когда они, наконец, вспомнили, что должны делать, она выделила каждому из них сектор, чтобы они держались подальше, а затем помогла следующей группе прибывших пройти через переход. Она отрепетировала весь план со своими командирами, прежде чем создать круг телепортации в Лесу Змиев, но, имея всего три часа на то, чтобы провести всю спасательную армию через территорию чуть больше пяти футов в диаметре, не было никакого права на ошибку. Окончательно уверившись, что ее командиры держат ситуацию под контролем, Лаэраль повернулась, чтобы осмотреть местность. Хотя дождь почти не лил, погода все еще была пасмурной и морозящей, и она едва могла разглядеть главный лагерь шадовар, расположенный для легкой обороны на вершине невысокого холма на краю Анаврока. Темные силуэты нескольких десятков часовых стояли на краю обрыва, направляя свои темные копья вниз на приближающуюся армию, в то время как их изумленные товарищи бросились за ними. Лаэраль подняла руку и помахала изумленным часовым, а затем использовала посылающее заклинание, чтобы обратиться к ближайшему: *«передай своему принцу привет от Лаэраль Серебряной Руки и скажи ему, что армия Севера прибыла»*.

Воин удивленно вскинул голову, затем поднял копье в знак согласия и повернулся, чтобы уйти. *«Будет сделано»*.

Лаэраль кивнула и пошла по влажному песку к теневому барьеру. Хотя до него было еще больше четверти мили, внушительные размеры заставляли ее чувствовать себя чем-то естественным, больше похожим на Высокий Лед или Хребет Мира, чем на что-то созданное магией людей. У его подножия через каждые полмили стояли небольшие патрули воинов-шадовар на своих странных летающих червях, обращая больше внимания на Лаэраль и ее спасательную армию, чем на скалистые склоны внутри темной сферы. Было слишком темно, чтобы сказать, падал ли дождь и внутри сферы, но несколько высохших деревьев, видимых сквозь барьер, наводили на мысль, что *что-то* превращало Шараэдим в такой же безжизненный край как Анаврок. Когда Лаэраль приблизилась к теневому барьеру, ее слабая тень потемнела и разделилась на три одинаковых силуэта. Пара блестящих металлических глаз появилась в головах двух внешних фигур, затем они медленно приняли форму двух шадоварских воинов. Она остановилась и обратилась к широкоплечей фигуре слева.

— Рада снова видеть вас, принц Кларибернус.

Свинцовые глаза принца загорелись от удовольствия, затем его силуэт оторвался от земли и, все еще расширяясь в свою нормальную форму, поклонился.

— Кларибернус к вашим услугам, — Он указал на другого принца, худощавого, с когтистыми пальцами и глазами цвета ржавого железа. — Мой брат, Ламорак.

Также вернувшись в нормальную форму, Ламорак поклонился и сказал: — ваше прибытие – приятный сюрприз.

Он бросил многозначительный взгляд на растущую орду воинов, выходящих из телепортационного круга Лаэраль.

— Нам дали понять, что пройдет еще некоторое время, прежде чем вы прибудете со своей армией.

Лаэраль ответила на его поклон своим.

— Да... Я уже начала думать, что вы, шадовары, никогда не перестанете приходить нам на помощь.

Ламорак смущенно нахмурился, но улыбка Кларибернуса была широкой и благодарной.

— Ваш долгий поход был уловкой?

Лаэраль оглянулась через плечо на усталых воинов, выходящих из круга телепортации.

— Не говори им, — тихо сказала она, — но после разгрома в Рокнесте мы решили, что лучше всего будет убрать оставшихся фаэриммов с дороги, прежде чем пытаться ввести еще одну армию. По словам моих разведчиков, последние три свободных фаэримма спешат вниз с Холмов Триэлты со своими хобгоблинами и иллитидами, пока мы говорим.

— К тому времени, как они поймут, что вы больше не в Лесу Змиев, ваши воины будут отдыхать в сухих палатках за шадоварскими постами, — предложил Кларибернус.

— Мои поздравления. Хитрый план, хорошо выполненный.

— Благодарю вас за комплимент, — сказала Лаэраль, — но, боюсь, я должна отклонить ваше предложение о защите.

Глаза Ламорака вспыхнули алым. — Вы, конечно, не верите клевете, извергнутой против нас в Глубоководье?

— Только половине, — сказала Лаэраль, зажигая свет. — Темпус знает, нам нужен отдых, но мифал Эверески терпит неудачу.

Два шадовара переглянулись, их глаза были полны недоверия и подозрительности.

— Я слышала от Хелбена — объяснила Лаэраль. — Он в городе.

— Конечно, — сказал Кларибернус, понимающе кивая. — Фаэриммская мертвая стена начала выходить из строя, теневой барьер работает.

Ужасная мысль пришла в голову Лаэраль.

— Вы уверены? Если теневой барьер блокирует их доступ к Плетению, то он блокирует и Хелбена. Я бы его не услышала.

— Мы уверены — сказал Ламорак, обращаясь к Лаэраль, как к ребенку, которому несколько сотен лет. — Внутри оболочки все еще существует магия Плетения, и для переноса слов требуется гораздо меньше энергии, чем для поддержания стены тьмы.

Взгляд Кларибернуса стал отстраненным. Он замолчал и повернулся к теневому барьеру. Не будучи достаточно хорошо знакома с Шадоваром, чтобы понять, что происходит, Лаэраль молчала и смотрела на Ламорака.

— Брат мой? — Спросил Ламорак. — В чем дело?

Кларибернус снова повернулся к Ламораку, затем скользнул взглядом в сторону Лаэраль и слегка покачал головой.

— Если тебя что-то беспокоит, принц, скажи мне. Последнее, что нам сейчас нужно, — это начать не доверять друг другу.

Кларибернус на мгновение задумался, потом сказал:

— Твоя история не может быть правдой. Теневой барьер обратил бы на него заклинание связи Хелбена.

Лаэраль кивнула, вспоминая, как все заклинания, которые они испробовали после установления контакта, потерпели неудачу.

— На самом деле так оно и было, — сказала она — и не только заклинания связи. Мы пробовали переносить предметы, открывать пространственные двери и еще около дюжины других вещей. Ничего не помогало.

— Тогда как же вы могли его слышать? — спросил Ламорак.

— Это было не заклинание. Это подарок Избранным Мистры.

Она подождала, пока на лицах принцев не появилось выражение согласия, а затем сказала:

— Теперь я должна попросить вас впустить мою армию в Шараэдим. Мы не позволим этому мифалу пасть.

Кларибернус посмотрел на брата, который поднял руку и отвернулся, чтобы подумать.

— Принц Ламорак, ваш брат Агларел заверил лорда Пьергейрона, что нам будет предоставлен доступ, — сказала Лаэраль. — Если вы откажетесь выполнить это обещание...

— Не бойтесь, мы сдержим слово. — Ламорак оглянулся на растущую армию помощи, затем перевел взгляд на Лаэраль и одарил ее ледяной, полной клыков улыбкой. — С вашего позволения, мы сделаем еще больше. Мы поможем вам уничтожить фаэриммов.

— Конечно, я приветствую помощь шадовар, — Лаэраль ответила на его улыбку такой же холодной. — Можно даже сказать, что я на это рассчитывала.

Что касается потайных ходов, то тот, что вел в подвал Иритлиума, был шедевром. Скрытый под единственной фальшивой колонной среди тысяч настоящих, поддерживающих верхний этаж, вход был почти незаметен, с дверными швами, скрытыми камнем основания колонны, и петлями, спрятанными в капители в двадцати футах над головой. Если бы Вала не заметила двухфутовую сороконожку, выползающую из-под основания, когда она приблизилась, вряд ли она вообще заметила бы что-нибудь необычное в колонне. Она выглядела точно так же, как и все остальные опорные колонны, мимо которых она проходила, в комплекте с плесенью и мхом, заполнявшими трещины. Эльфийские строители даже приняли меры

предосторожности, спрятав щеколду в трещине на противоположной стороне соседней колонны.

— Разведчик, почему ты остановилась? — Спросили в десяти шагах позади, где Парт Гал – Вала отказывалась называть шадовара лордом даже мысленно, – стоял, выглядывая из-за колонны. — Ты что-нибудь нашла?

— Потайная дверь, — сказала Вала, указывая ему вперед.

Парт поднял руку, останавливая остальных патрульных, и остался на месте.

— Открой.

— Это место было построено эльфами — сказала она. — Там будет ловушка, а у меня нет слова прохода.

Парт пожал плечами и не вышел из-за своей колонны.

— Для этого и существуют разведчики. — Он помолчал, потом сказал:

— Если только ты не хочешь связаться с принцем Эсканором и сказать ему, где твои друзья?

Вала бросила на него яростный взгляд.

— У одного из вас должно быть заклинание для обезвреживания ловушек.

— Конечно, мы разведывательный патруль — сказал Парт. — А это значит, что мы должны найти фаэриммов, а не нападать на них. Если ты просто свяжешься с принцем, я уверен, что мы *все* проживем дольше. А до тех пор, боюсь, мне придется настаивать, чтобы ты выполняла свои обязанности.

Где-то за спиной Парта в темноте раздался глухой стук, затем раздался сдавленный тревожный крик. Раздался резкий треск темного клинка, рассекающего толстый панцирь, за которым последовало какое-то жужжащее рычание и влажный хруст. Вала заметила горстку шадовар, пробирающихся сквозь колонны к месту схватки, но звуки стихли почти так же быстро, как и начались, и воины прибыли слишком поздно, чтобы помочь товарищу.

— Балпор — объявил кто-то. — Пропал, если не считать головы и одной руки.

Это была пятая жертва патруля, и они даже не видели фаэримма. Валу вдруг пробрал озноб. Хотя ощущение, скорее всего, было ее собственной реакцией на очередную жертву, она предусмотрительно огляделась вокруг, чтобы убедиться, что к ней никто не подкрадывается. Ей показалось, что она заметила серую фигуру, скользнувшую за колонну, где была спрятана задвижка, но когда она обошла ее с другой стороны, то обнаружила только пустую темноту.

— Что там? — позвал Парт.

— Мое воображение — ответила Вала. — Все еще хочешь, чтобы я открыла эту дверь?

— Если только ты не передумала говорить принцу то, что он хочет знать, — ответил он.

— Извините. — Вала присела на корточки и просунула кончик кинжала в щель, где была спрятана задвижка. — Послушай, если мне станет плохо, скажи Шелдону, что я умерла за свое слово.

— Шелдону?

— Моему сыну, — сказала Вала.

— Ах ... в этом не было бы необходимости, если бы только ты...

— Не могу — перебила Вала. Ей пришлось подавить дрожь. Озноб, который она испытала раньше, просто не уходил. — И еще одно: если это приведет к сокровищнице, а не к логову фаэриммов, ничего не трогай. Нет ничего, что эльфы ненавидят больше, чем похитителей артефактов.

— Спасибо за предупреждение, — ответил Парт.

— Я думала не о тебе, — сказала Вала, — но ты знаешь, как я люблю эльфов.

Она глубоко вздохнула, затем, вытянув руку так далеко, как только могла, присела на корточки вокруг колонны и щелкнула задвижкой.

Элтаргрим.

Это слово прозвучало так тихо, что Вала даже не была уверена, слышала ли она его. Она развернулась на каблуках и ничего не увидела позади себя, но холод остался. Если уж на то пошло, холод ощущался сильнее, чем раньше, хотя, возможно, только из-за ледяного пота, стекающего по ее груди и бокам.

— Вала? — Парт казался таким же испуганным, как и она.

— Все еще здесь — сказала она. — Следите за собой.

Вала медленно поднялась и подошла к колонне. Наполовину ожидая, что шадовар скажет ей подождать, пока он пошлет кого-нибудь вперед, чтобы проверить ловушки, она глубоко вздохнула, а затем легонько толкнула её. Вся стенка развернулась в сторону, открывая узкую лестницу, спиралью уходящую вниз в темноту под ее ложным основанием. Когда облака ядовитого газа не вырвались наружу, она помахала кончиком своего темного меча вокруг входа, проверяя, нет ли ловушек, активированных движением, а затем спустилась на первую ступеньку. Ничего не произошло.

— Ну? — позвал Парт.

— Пока никаких ловушек, — доложила она, — и никакой паутины. Что-то спускается сюда и не оставляет следов.

Шадовар вышел из-за своего укрытия и жестом пригласил ее спуститься по лестнице.

— Мы прямо за тобой.

— Конечно, — пробормотала Вала.

Решив, что Парт и его товарищи не заслуживают предупреждения о серой фигуре, которую она могла увидеть или не увидеть, и о слове, которое она могла услышать или не услышать, Вала присела на корточки и опустилась на пятую ступеньку. Ступени продолжали спускаться по спирали еще через десять футов твердого камня, а затем открывались в большой коридор, идущий параллельно основанию лестницы. Присев на корточки и вытянув шею, Вала смогла заглянуть достаточно далеко в проход, чтобы увидеть ряд арочных дверных проемов, открывающихся по обе стороны через неравные промежутки, но магия ее темного меча не позволяла ей видеть весь путь до конца коридора. Когда никто не бросился ей навстречу, она в два прыжка преодолела первые десять футов, ухватилась за перила и выскочила в коридор в противоположном направлении.

Вала оказалась лицом к лицу с большим круглым силуэтом с извивающейся короной луковичных щупалец. У нее было достаточно времени, чтобы распознать силуэт большого бехолдера, прежде чем несколько глазных стеблей начали поворачиваться в ее сторону. Прыгнув на фут вперед, она метнула свой темный меч к

его огромному центральному глазу и схватилась за кинжал. Вала упала на пол примерно в то же время, когда ее темный меч нашел свою цель, хотя без оружия в руке она больше не могла видеть в темноте и знала, что попала в бехолдера только по ледящему крову визгу, который эхом разнесся по коридору. Ее обдало теплой кровью, когда она скользнула под все еще плавающую в воздухе тушу злобоглаза. Прекрасно зная, что даже идеальный удар в центральный глаз может не убить монстра такого размера, она протянула руку и поймала нижнюю часть разреза свободной рукой, затем дернула его раненый бок на пол и разбила его о камень. В то же самое время она подняла свой кинжал позади него, вонзая стальное лезвие в его толстый череп раз, два, полдюжины раз, пока пойманный в ловушку бехолдер, наконец, не рухнул безвольной кучей на руку, которая держала его прижатым к полу. Вала оттолкнула тушу в сторону.

— Вала? — крикнул Парт с лестницы, потом громче: — Вала?

— Не повезло тебе, Парт, — крикнула она в ответ. — Все еще здесь.

Глубокий грохот отразился от потолка, когда секретная колонна была отброшена назад от лестничного колодца.

— Трус — пробормотала Вала. Она протянула руку, чтобы вернуть меч, но уже почувствовала его рукоять под костяшками пальцев. Считая, что ей повезло, что нашла клинок, она перекатилась на колени и взяла оружие в руки, и, как только она снова смогла видеть в темноте, обнаружила, что смотрит в огромную зубастую пасть, окруженную четырьмя руками. Даже под таким неудачным углом она сразу узнала в нем большого фаэримма.

— Темпус, дай мне силы! — выдохнула она.

— *Зачем молиться Темпусу, моя дорогая? Теперь я твой бог.*

Хриплый голос раздался в голове Вала, не похожий на шепот «*Элтаргрим*», который, как ей показалось, она слышала раньше, но определенно внутри своих мыслей.

— *Отложи свой меч, и мы поговорим.*

Вала подобрала под себя ноги, встала и вдруг обнаружила, что катится вниз головой по темному коридору.

— *Чего ты не понимаешь, человек?* — Требовательно спросил голос. — *Опусти оружие.*

Не выказывая ни малейшего страха перед темным мечом, фаэримм продолжал идти по коридору, две из четырех его рук указывали на замшелый пол. Озадаченная странным поведением существа, Вала колебалась между тем, чтобы сделать, как оно приказало, и метнуть в него свой меч, хотя она была уверена, что оно готово с помощью магии выбить оружие из воздуха, как только оно покинет ее руку. Она не сделала ни одного движения, и фаэримм остановился прямо за пределами досягаемости ее меча.

— Повинуйся! — Приглушенный голос Парта начал раскатываться по лестничной клетке, требуя объяснений и выкрикивая угрозы о том, что произойдет, если она не откроет дверь, и вдруг Вала поняла. Фаэримм не хотел ее убивать. Он поймал ее в ловушку, полагая, что может превратить в одну из своих мысленных рабынь, но шлем Вала защищал ее от этого.

— Д-да... — сказала она. Двигаясь очень медленно, она опустилась на корточки и положила меч на пол. — Я хочу поговорить.

Как только ее рука оторвалась от рукояти, она снова погрузилась в слепоту. Не подозревая о присутствии фаэримма, Парт и остальные продолжали кричать, чтобы она открыла дверь. Молча проклиная их за глупость и трусость, Вала отшвырнула темный меч и попятилась по коридору. Она была так напугана, что дрожала всем телом. Без меча она больше не могла видеть, что делает фаэримм. Костлявая рука сжала ее плечо.

— *Этого достаточно, дитя.*

Вала остановилась и взмолилась, чтобы он не снял шлем, который дал ей Эсканор. Без него она стала бы рабыней, которой он ее считал. Даже если она убаюкивает его ложным чувством безопасности, у нее все равно нет шансов убить его. Эти твари могли творить заклинания так же быстро, как она могла думать, а может, и быстрее.

— *Ты не одна из шадовар.*

Это был не вопрос. Ожидал ли фаэримм ответа?

— *И кто же ты?*

— В-Ваасанка — ответила Вала. — Мой народ обязан им служить.

— *Вала?* — спросил фаэримм. — *Та, которую Эсканор предпочёл для ношения его яйца?*

Вале пришлось сосредоточиться, чтобы не ахнуть и не спросить, откуда фаэримм знает такое; вместо этого она просто кивнула.

— *Что ты здесь делаешь?*

— Я отказала ему — сказала Вала, — и он послал меня убить фаэриммов.

Наверху лестницы Парт наконец понял, что что-то не так, и перестал колотить по колонне.

— *А ты могла бы?* Вала покачала головой.

— Нет! На данный момент это был честный ответ. — Больше никогда.

— *Больше?* Фаэримм, казалось, удивился, потом сказал: — *Ах, но я забыл, кто ты. Как ты теперь к нему относишься?*

— Я его ненавижу, — это было недалеко от истины.

— *Ты можешь предать его?*

— Возможно, — сказала Вала.

Низкий гул сотряс потолок, когда фальшивая колонна начала скользить в сторону.

— Он очень могуществен.

— *Я помогу тебе с этим,* — сказал фаэримм. — *Протяни руку.*

Вала вытянула обе руки ладонями вверх. Она почувствовала, как что-то маленькое и круглое прижалось к ее ладони.

— *Ты позволишь ему оседлать себя, а потом прижмешь это к его спине,* — сказал фаэримм. — *Это лишит его силы. Ты понимаешь?*

— Вала? — крикнул Парт с лестницы. — Ты здесь?

Вала не осмелилась выкрикнуть предупреждение.

— Я понимаю — сказала она.

— Что? — позвал Парт.

Она проигнорировала его. — Что тогда, мой господин? Задавая этот вопрос, она мысленно воззвала к своему темному мечу. — Я должна убить его?

— *Нет! Ты утащишь его в лес*, — сказал фаэримм. — *Это облегчит задачу.*

— Вала, ответь мне, или мы спустимся!

Появился темный меч.

— Скорее!

Когда Вала прокричала это, она уже провела темным мечом по животу фаэримма. Ее темное зрение вернулось, и она увидела перед собой зияющую пасть с клыками размером с пещеру. Вместо того чтобы попытаться отступить или ударить снова, она повернулась вдоль шипастого тела фаэримма и увидела, как огненный столб опалил камень там, где она стояла. Изменив хватку на ходу, она вонзила черный клинок в живот шипастого и откатилась в противоположном направлении, используя край раны как точку опоры, чтобы пробить темный меч через три фута жесткой плоти и чешуйчатого шипа. Она опустила темный меч на край его пасти, и фаэримм упал на пол, его хвост безрезультатно хлестал по камню, где он ожидал, что она будет стоять. Она развернулась и рискнула нанести еще один удар с того же места, на этот раз разрубив существо надвое позади себя.

Хвост еще дважды ударил по камню, потом обмяк и остался лежать неподвижно. Вала предусмотрительно разрежала тварь еще на несколько кусочков, затем, наконец, услышала стук сапог по лестнице и, обернувшись, увидела первую пару шадоварских ног, спускающихся в поле зрения.

— Парт, не торопись. Тяжелая работа.

С лестницы донесся громкий гул, и хор шадоварских голосов изумленно вскрикнул. Первая пара ног подогнулась, затем в поле зрения появилось обмякшее тело Парта. За ним последовали Карлиг, Элар и еще четверо – все, что осталось от разведывательного патруля. Вала скользнула к стене под лестницей и прижалась спиной к камню, держа темный меч наготове, чтобы отрубить следующую ногу, которая окажется в пределах досягаемости. Когда ничего не произошло, она рискнула взглянуть на тела у подножия лестницы. Все семеро шадовар были мертвы, их лица, шеи и другие участки незащищенной плоти были испещрены крошечными конусообразными дротиками. Она подождала еще мгновение, затем посмотрела вверх, на спиральную лестницу. Ступени были усеяны выпущенными дротиками, а стены испещрены крошечными дырочками, из которых они вылетели.

— Элтаргрим! — раздался голос на верхней ступеньке лестницы, голос такой слабый, что казался едва слышным шипением. Вала отпрянула назад, ее сердце колотилось так сильно, что она едва слышала, как дротики с грохотом полетели вниз по лестнице, когда новоприбывший отшвырнул их с дороги. Больше всего ей хотелось бежать по коридору так быстро, как только позволяли ноги, но это было бы худшим, что она могла сделать. Незнакомец, зная, что она здесь, в самом деле прошептал пароль, который удерживал ее от той же участи, что и шадовар, и кто бы это ни был, он, очевидно, знал Иритлиум гораздо лучше, чем Вала. Валу снова охватил озноб. Она подняла меч к шлему, гадая, успеет ли Эсканор подойти достаточно быстро, чтобы спасти ее, если она коснется клинком одного из рогов. Вероятно, нет, но, возможно, он отомстит за ее смерть или умрет сам от рук того, что надвигается. В любом случае, с точки зрения Валу, это было прекрасно.

На лестнице над головой Вала появилась босая нога. Маленькая и тонкокостная, она напомнила ей эльфийскую ступню, за исключением того, что плоть была такой тонкой и белой, что она могла видеть кость под ней, а также сухожилия и связки, которые заставляли ее двигаться. Появился спутник ноги, тоже маленький и бледный, с длинными обломанными ногтями, свисающими с кончиков пальцев. Над лодыжками висели рваные манжеты давно сгнивших брюк. Вале стало так холодно, что ее тело покрылось мурашками. Что бы это ни было, оно не могло быть хорошим.

Она глубоко вздохнула и отвернулась от стены, затем развернула свой темный меч, чтобы ударить по ногам в лодыжках, и едва успела остановить свой клинок, чтобы он не зарылся в каменные ступени. Ноги исчезли.

Но холод нет. Вала отошла от стены и увидела маленькую фигурку с алебастровой кожей и гибким телосложением, наблюдавшую за ней с подножия лестницы. Одетый в изодранные остатки того, что когда-то было прекрасным плащом с капюшоном, незнакомец был осунувшимся и сморщенным, его глаза светились белыми шарами. Он указал на меч Вала, затем погрозил костлявым пальцем и сказал:

— Ты, кажется, не очень любишь эльфов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

19 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

Белый эльф повернулся спиной к Вале и мертвым шадоварам и пошел по темному коридору.

— Пойдем. — Вала стояла на месте и не двигалась. Она даже не опустила меч.

— *Пойдем?* — выдохнула она. — После того, как ты убил Парта и всех остальных?

— Я не убивал их, женщина. Я спас тебя, — Эльф продолжал уходить, но его голова повернулась к ней лицом, а шея слабо потрескивала, преодолевая последние несколько дюймов, чтобы сесть назад на плечи. Судя по тому, что я видел, от меня будет больше пользы, чем от них.

— Что мне теперь делать? — спросила Вала, бросаясь за ним.

— Выжить. — Эльф снова повернул голову вперед.

Решив, что в его словах есть доля правды, Вала ослабила бдительность и подошла к нему на четыре шага, где его холодная аура стала настолько неприятной, что она начала дрожать. Она видела достаточно нежити за последние шесть месяцев, чтобы признать в нем своего рода лича, но его присутствие не вызывало того же чувства страха и испорченности, которое она испытала в Карсусе, когда она, Галаэрон и их спутники сражались с личом Вульгретом. Чего бы она только не отдала за то, чтобы рядом с ней был Галаэрон со знанием Стражей Гробниц обо всем неживом, но старый Галаэрон, который был прежде чем пал жертвой тлетворного влияния Теневого

Плетения. Боги, как ей не хватало этого Галаэрона, который был таким спокойным, серьезным и благородным.

Эльф-лич свернул в меньший боковой коридор, все еще такой широкий, что три ваасанца могли бы стоять в ряд, и послал паука размером с пони, несущегося вдоль стены. В паутине над головой висело несколько завернутых в шелк свертков, из некоторых торчали когтистые лапы или звериные морды. С одного свисал сапог размером с халфлинга, носок которого все еще подергивался. Проходя под этим коконом, Вала замедлила шаг и подняла меч, чтобы освободить халфлинга.

— Оставь его.

Вала подняла глаза и увидела, что голова эльфа-лича снова повернута назад и смотрит на нее.

— Он вор реликвий и встретил конец вора реликвий — сказал эльф-лич.

Вала опустила меч. Она не понаслышке знала, как эльфы относятся к похитителям сокровищ, и последнее, что ей было нужно, это злой лич ... любого рода.

Она беззвучно извинилась перед халфлингом и последовала за своим проводником через сотню шагов по коридору к железной двери, которую он открыл древним бронзовым ключом и словом прохода. Они спустились по длинной железной лестнице, заполненной крысами размером с собаку и сороконожками высотой по колено, которые бежали от холодной ауры белого эльфа.

— Вот что я скажу, ты делаешь это место намного безопаснее, — заметила Вала. Эльф не ответил.

Лестница спускалась в естественную пещеру, заполненную известняковыми образованиями. Здесь так отвратительно воняло отбросами и плесенью, что Вале пришлось прикрыть рот и нос, чтобы не вырвало. Когда они ступили на пол зала, она узнала странную закономерность во многих из самых больших образований, где сталактиты и сталагмиты встречались, образуя стену из похожих на клетки колонн. Из-за множества решеток выглядели светящиеся красные глаза разных форм и размеров, некоторые размером с кулак Вала, некоторые не больше булавоочных головок. У одной из ближайших клеток не было глаз, только покрытый плесенью череп с шестью черными клыками, прислоненными к прутьям, и кончик одного темного рога, торчащий, чтобы коснуться земли.

Из ближайших клеток донесся хор низких стонов и хрипов, постепенно переходящих в звериное рычание и грохот. Хотя Вала держала рукоять своего темного меча, она не видела за каменными прутьями ничего, кроме красных глаз.

— Следи за пленниками — предупредил эльф-лич. — Они голодны.

Вала отодвинулась от клетки, в которую заглядывала, только чтобы услышать влажный шлепок, когда что-то ударило ее по бронированному бедру. Эльф-лич выругался на каком-то древнем языке, которого она не понимала, затем развернулся к источнику слюны и выпустил струю золотых энергетических стрел. Когда стрелы прошли сквозь прутья и взорвались в нападавшем, Вала увидела щетинистую морду с длинными изогнутыми клыками, пару веерообразных ушей и пару сложенных крыльев, поднимающихся за плечами. Существо взревело и вцепилось в клетку четырьмя огромными когтями. Когда энергетические стрелы исчезли, он снова исчез в темноте внутри своей тюрьмы. Эльф-лич указал на пузырящуюся на поверхности брони Вала зеленую слизь.

— Сотри это, пока оно не пустило корни, — сказал он. — Меньше всего я хочу, чтобы ты распространяла дьявольское отродье по моему Иритлиуму.

— *Твоему Иритлиуму?* — Вала оторвала полоску от подола своей нижней туники и обернула ее вокруг лезвия своего темного меча, затем соскребла ткань и бросила ее в клетку существа.

— Кем ты был?

Глаза эльфа-лича заблестели.

— Был?

— Я не хотела тебя обидеть — сказала Вала. — Просто я не дружу со многими немертвыми.

И с этим она тоже не дружила, как ясно дал понять лич-эльф, когда повернулся и молча прошел через комнату. Стараясь избегать случайных капель слизи, которые летели в ее сторону, Вала следовала так близко, насколько позволяла ее терпимость к холоду.

Они прошли через странную тюрьму и бродили по темным пещерам под Иритлиумом, пока ее ноги не устали до изнеможения. Время от времени она пыталась узнать больше о своем проводнике, вовлекая эльфа-лича в разговор, но он говорил только для того, чтобы произнести слово мимоходом или предупредить ее о какой-то смертельной опасности, в которую она чуть не попала. Дважды они попадали в засаду темных нагов, бросавших заклинания, и одному из них действительно удалось окутать эльфа-лича паутиной заклинаний, прежде чем Вала разрежала его на шесть кусков по три ярда. Прежде чем продолжить путь, ее проводник стал достаточно благодарен, чтобы сообщить ей, что его зовут Коринеус Драннекен. Наконец, они поднялись по вертикальной шахте на нижние уровни подвала, выйдя в то, что когда-то было центральным фонтаном в сложном двухэтажном комплексе рабочих камер. Пробравшись мимо гигантского удава, который был обездвижен аурой холода Коринеуса, они выскользнули из бассейна и прокрались по узкому служебному коридору. У задней стены белый эльф остановился и вытащил из-под стены расшатанный камень. Часть каменной стены со скрипом отворилась и с грохотом отошла в сторону. Он пробормотал что-то вроде приветствия и жестом пригласил Валу войти.

Всегда осторожная, она опустилась на колени, заглянула за угол, и обнаружила, что смотрит под парящим бехолдером в большую комнату, заполненную палочками, коронами, наручами и другими предметами, которые даже она признала магическими. Там был также пожиратель разума, кружащий около двери, и полдюжины растерянных багбиров, карабкающихся за своим оружием.

Проклиная себя за глупость, а Коринеуса за вероломное двурушничество, Вала взмахнула темным мечом в сторону пожирателя разума. Подождав достаточно долго, чтобы увидеть, что вращающееся лезвие летит к своей цели, она бросилась вперед и поднялась под бехолдером, прижав его к потолку, в то время как она вытащила свой кинжал.

— Рессамон, идиот! — закричал бехолдер. — Оглуши её, оглуши раньше...—

Вала вонзила кинжал в брюхо чудовища. Получившийся вопль был скорее сердитым, чем болезненным, и едкий запах толченого камня наполнил воздух, когда созерцатель начал распылять камень сверху своим лучом распада.

— Рессамон!

Но Рессамон, если так звали пожирателя разума, уже лежал на полу рядом с отрубленной головой. Наконец, собравшись с мыслями, багбиры перепрыгнули через тело иллитада и бросились на Валу. Снова вонзив кинжал в живот бехолдера, она протянула свободную руку, чтобы призвать меч. Он промелькнул между двумя атакующими багбирами, рассек мохнатое колено и подогнул ногу. Изумленный зверь рухнул перед двумя товарищами и заставил их растянуться, заставив остальных остановиться и обернуться, чтобы посмотреть, кто нападает сзади. Темный меч появился в руке Вала, и луч распада бехолдера, наконец, прорезал краеугольный камень скрытой арки. С тысячей тонн рушащегося камня над головой, у нее не было другого выбора, кроме как прыгнуть в комнату впереди и позволить раненому глазутирану убежать. Она сделала ныряющее сальто, отрубив ноги багбиру в коленях, когда катилась мимо, затем поднялась на ноги и занесла кинжал над головой, вонзив его по самую рукоять в ближайшую мохнатую спину. Рев раненых багбиров потонул в грохоте рушащейся двери. Вала увернулась от массивного топора, когда самый быстрый из багбиров развернулся, чтобы атаковать, затем убрала руку, державшую его, и открыла грудь на развороте. Она заметила, что приближается еще один топор, и едва успела отвернуться, хотя лезвие рассекло ее грудь, пробив стальную чешую и швырнув ее в пару волосатых рук, таких же больших, как ее талия. Прижав руки к бокам, Вала подняла ноги над головой и ударила обутыми в сапоги ногами в лицо своего похитителя.

Этого удара было недостаточно, чтобы опрокинуть багбира, но он испугал его. Хватка твари ослабла настолько, что Вала смогла подхватить меч. Атака была настолько слабой, что даже самая острая сталь не пробила бы толстую шкуру багбира, не говоря уже о кожаном доспехе, который он носил на чреслах. Но стеклянный клинок темного меча рассек кожу, словно паутинку. Багбир взревел от шока и начал сжиматься, а Вала вскинула запястье, вонзая острие своего оружия глубоко в его живот. Волосатые руки обмякли и отпустили ее плечи, огромное тело ее похитителя согнулось над ее лицом. Потянувшись за ним, она схватила пригоршню меха и, протиснувшись между его ног, поднялась на ноги. Огромный ручной топор пролетел по воздуху и врезался в ее шлем, отломив один из рогов и сбив его с головы. Уверенная только в том, с какой стороны на нее напали, Вала повернулась к багбиру, которого только что ранила, и обнаружила еще один большой топор, нацеленный ей в горло. Едва успев вовремя перевернуть свой темный меч, она поймала оружие почти наверху, используя собственный импульс атаки, чтобы рассечь древко и отправить голову, вращающуюся, чтобы застрять в одном из раненых товарищей нападающего. Быстрее, чем другие, этот жук последовал за своей первой атакой, ударив огромным кулаком по бронированным ребрам Вала, отправив ее через всю комнату на полку, полную артефактов. Она упала на землю безвольной кучей, все еще держа меч и изо всех сил пытаясь вернуть воздух в легкие. Торжествуя фыркнув, багбир выхватил оружие у раненого товарища и направился к Вале. За ней она увидела сферическую фигуру, выплывающую из облака пыли, поднимающегося из разрушенного дверного проема. Коринеуса нигде не было видно.

Вала вскочила на ноги и подняла темный меч для броска. Багбир развернулся и занес свой большой топор, чтобы блокировать удар. Вала все равно метнула клинок.

Когда оружие пролетело мимо изумленного зверя, чтобы расколоть бехолдера по центру, она бросилась за ним. Увидев свою ошибку слишком поздно, багбир снова бросился в атаку, но Вала уже была внутри дуги его оружия, каблуки её сапог ударили монстра в лицо летящим боковым ударом. Багбир отклонился в сторону, пытаясь уклониться от удара. Вала раздвинула ноги и поймала его голову между своих лодыжек. Вцепившись в его туловище, она поджала ноги и повернулась в сторону. Хотя багбир был в три раза больше ее, вес ее тела действовал как маятник, притягивая его лицом вниз. Она с глухим стуком упала на каменный пол и тут же снова начала подниматься. Меч Валу уже возвращался в ее руку. Она опустила его на затылок нападавшего, затем вскочила и отправила раненых багбиров в серию осторожных, стремительных атак с тыла. К тому времени, как она закончила, пыль в рухнувшем дверном проеме достаточно рассеялась, чтобы она увидела Коринеуса, стоящего в служебном коридоре по другую сторону завалов.

— Хорошая работа, женщина — сказал он, указывая мимо нее на железную дверь в соседней стене. — Над дверью ты найдешь священный символ, написанный черной кровью. Сломай его.

Вала повернулась в указанном направлении. Когда у нее появилась возможность осмотреть комнату, она увидела, что она разделена на две части. Она вошла в переднюю комнату, которую багбиры, бехолдер и иллитид делили с набором магических предметов, которые она заметила раньше. В глубине, напротив двери, на которую указывал Кориней, в поле зеленого магического света плавали усыпанные драгоценными камнями скипетры, жезлы, кольца, тома и другие могущественные магические артефакты, даже алмазный шар размером с голову халфлинга.

У Валу пересохло в горле, потому что она знала фаэриммов достаточно хорошо, чтобы понять, что она стоит в одном из их логовищ, и знать, что если бы монстр был сейчас здесь, она была бы слишком занята борьбой с ним, чтобы осознавать все, что она видит перед собой.

— Чего ты ждешь? — спросил Коринеус. — Сломай печать.

— Не так быстро, — сказала Вала, возвращая шлем. Она понятия не имела, будет ли он по-прежнему защищать ее от контроля сознания фаэриммов только с одним рогом, но попробовать стоило. — Не раньше, чем ты ответишь на несколько вопросов.

— Фаэримм, который претендует на это лабораторное логово скоро поймет, что оно было взломано, и вернется, — ответил Кориней. — Это единственный вопрос, на который тебе нужен ответ.

— Боюсь, что нет, — ответила Вала. — Ты потерял своё право требовать моего доверия, когда без предупреждения отправил меня в ту дверь.

— Тебя нужно было проверить.

Вала подавила ярость, которая поднималась внутри, и сказала:

— Я пошла.

Она повернулась к ближайшей полке и взяла пару сказочно украшенных серебряных браслетов.

— Положи обратно! — Коринеус рванулся вперед, но тут же наткнулся на сверкающее голубое энергетическое поле, отбросившее его к стене. — Ты не имеешь права!

— Нет? — Вала подняла бровь и задумалась, не пригрозить ли эльфу-личу, но потом вспомнила, как обидчивы могут быть эльфы по поводу сокровищ своих предков, и решила попробовать другую тактику.

— Считай это знаком доброй воли.

Она швырнула браслеты в дверь. Глаза Коринеуса расширились, и он чуть не выронил наручи.

— Символ, женщина! Ты понятия не имеешь, что ты только что сделала.

У Валу пересохло во рту, но она сумела встретиться взглядом с белым эльфом, не дрогнув.

— Не будь слишком уверен.

Белые глаза Коринеуса на мгновение впились в Валу, а затем переместились на символ над дверью.

— Ты когда-нибудь слышала о баэлнорне? — спросил белый эльф.

Вала покачала головой.

— Я так понимаю, что смотрю на одного.

— Я поклялся исполнить долг более священный, чем ты можешь себе представить.

С другой стороны двери послышался глухой лязг.

— Пришло время тебе выбирать — сказал он. — Без моей помощи...

— Одну минуту — прервала его Вала, рывком распахивая железную дверь. Ошеломленный внезапным появлением, фаэримм ввалился в комнату, его четыре веретенообразные руки бешено размахивали, вызывая потоки ветра.

Вала опустила свой темный меч на толстую часть его тела и аккуратно разрубила его надвое, затем отступила назад и разделила обе половины друг от друга по всей длине. Когда она убедилась, что тварь мертва, она отрезала мерзкий шип с хвоста, затем, наконец, протянула руку с мечом и сломала священный символ, нарисованный над дверью.

Коринеус ворвался в комнату, его белые глаза горели яростью. — Как ты смеешь ослушаться...

— Как я посмела? — Вала швырнула хвостовой шип в лицо баэлнорну, затем коснулась кончиком своего темного меча его горла. — Давай кое-что проясним, белоглазый. Я нуждаюсь в тебе так же сильно, как и ты во мне, но если ты когда-нибудь снова отправишь меня в логово, не предупредив, я разрежу тебя на мелкие кусочки. Ясно?

Баэлнорн придвинулся ближе, окутывая ее своей холодной аурой.

— Мне кажется, ты не понимаешь, с кем говоришь.

Вала шагнула еще ближе, так близко, что ее лицо и руки начали болеть от холода. Она положила окровавленную ладонь на его холодное лицо.

— О, я понимаю — сказала она, — но тебе нужно знать, что я хочу снова увидеть своего сына, и я выпотрошу все, что сделает это менее вероятным.

Низкий стон вырвался из-под корней дымного дерева, где лежал Арис, спрятанный в вырубке, вырезанной в сухом берегу реки каким-то давним наводнением. Галаэрон, стоявший на страже снаружи, опустил на корточки и заглянул внутрь, где Руха стояла на коленях возле головы лежащего без сознания гиганта, используя мокрую тряпку, чтобы капнуть воду на его потрескавшиеся губы. Его сломанная рука была вытянута рядом с ним, прикрепленная к самой прямой паре ветвей, которые Галаэрон смог найти в миле сухого русла реки. Круг обугленной плоти размером со щит на его груди отмечал место, где молния дракона вошла в его тело, и почерневшая нога отмечала место, где она вышла. Однако больше всего Галаэрона беспокоили черные запавшие глаза великана, которые, по словам Рухи, были признаками полученной им травмы головы. Арис снова застонал, и между его губ появился серый язык. Руха сильно сжала ткань, капая водой прямо на кончик языка, затем наклонила голову к паре пустых бурдюков, лежащих на теневом покрове рядом с гигантом.

— Еще воды, — сказала она.

— Еще?

В каждой шкуре было по два галлона, и Галаэрон уже дважды наполнял их после нападения дракона.

— Это хороший знак, не так ли?

Руха пожала плечами.

— Сколько здоровый великан выпьет за день? Я не знаю.

Она положила тряпку в небольшое углубление, выстланное драконьей кожей и наполненное водой.

— Для исцеления нужна вода, и я бы сказала, что вопрос остается неопределенным.

Ведьма не смотрела на Галаэрона, и голос ее оставался холодным. Он сунул руку в подрез и вытащил бурдюки с теневого покрова, затем покинул скудную тень дымного дерева и пополз вдоль края высохшего русла. Руха вела себя почти так же с тех пор, как использовала свою воздушную магию, чтобы перенести Ариса в укрытие. Она явно считала Галаэрона ответственным за раны великана, и он не был так уж уверен, что не согласен. Шок от того, что он увидел Ариса, придавленного драконом, заставил его совесть снова заявить о себе, загнав его «тенивое я» обратно в темное царство под его сознанием, и он мгновенно понял, какими его действия, должно быть, казались кому-то другому. Даже учитывая заклинание, которое он наложил, чтобы сбить дракона с толку, когда тот повернулся к Арису, предотвращение нападения ведьмы на живот дракона, должно быть, пахло трусостью. Если в первом случае Галаэрон сомневался в собственных мотивах, то во втором – нет, когда он использовал теневую ловушку, чтобы утащить дракона обратно на землю. В тот момент его единственной заботой был теневой покров, и ему даже не пришло в голову, что Арис будет еще больше ранен, когда змий рухнет на землю. Труп дракона все еще лежал на Сайяддаре, окруженный кольцом пресыщенных хищников и укрытый горой трепещущих перьев.

Галаэрон страстно желал скрыться из виду, и не только потому, что этот взгляд напоминал ему о его ужасном эгоизме. Если патруль шадовар или еще один из драконов Малигриса наткнется на труп, его и его спутников наверняка найдут. Рухе

не хватало магии, чтобы переместить Ариса на большое расстояние, и Галаэрон был полон решимости никогда больше не использовать свою. Он больше не мог прикасаться к Плетению вообще, и он понял, что он был далеко позади точки, где он мог владеть магией тени, не уступая контроль над собой своей тени. Он боялся, что в следующий раз, когда он произнесет заклинание, даже причинения вреда другу будет недостаточно, чтобы вернуть его. Галаэрон добрался до зарослей гигантских перистых деревьев, растущих вдоль внешнего изгиба русла реки, и опустился на колени возле глубокой ямы, уютно устроившейся среди корней дерева. Хотя дно было скрыто тенью, света должно было хватить, чтобы эльф разглядел, есть ли в нем вода. Галаэрон видел только мрак. Он даже не очень удивился. С тех пор как он прикоснулся к Теневому Плетению, он постепенно стал все меньше и меньше походить на эльфа. Он потерял способность погружаться в Дремление и начал спать, как человек, и даже видеть сны. Он просыпался от кошмаров почти каждую ночь и иногда разговаривал во сне, и он больше не чувствовал никакой мистической связи в присутствии других эльфов. Он больше не мог видеть в полумраке. Он решил, что это симптом растущей власти его тени над ним. Эльфы рождались с особой связью с Плетением, и его связь ослаблялась властью Теневого Плетения над ним. Оставалось только, чтобы его чувства притупились, как у человека. Он подумал о себе, бегающем в трехдневном поту, думающим, что от него пахнет так же хорошо, как от весеннего дождя, и содрогнулся.

Галаэрон бросил в яму камешек и услышал только влажный стук. дыра еще не наполнилась. Он собрался с силами и прошел полмили по руслу реки до следующего колодца, тоже в корнях перистого дерева, и нашел воду. Руха объяснила, что копать стоит только под полесьем, да и то только тогда, когда оно вырастет на внешнем изгибе речной излучины. Хотя даже этого короткого путешествия под палящим солнцем было достаточно, чтобы Галаэрону захотелось пить, он сначала наполнил оба бурдюка, и к тому времени у него осталась лишь пригоршня мутной жидкости. Он с благодарностью осушил ее, затем взвалил на плечи бурдюки с водой и вылез из колодца, чтобы найти высокую, седовласую женщину в эльфийской кольчуге, эльфийских сапогах и эльфийском плаще, стоящую перед ним, ее рука покоилась на рукояти прекрасного эльфийского длинного меча. Женщина, однако, определенно была человеком, и он узнал ее по древнему портрету, висевшему в залах Академии Магии Эверески.

— Рад встрече, леди Серебряная Рука, — сказал Галаэрон, протягивая ей один из бурдюков. — Если ты не моя предсмертная галлюцинация...

— Тебе должно так повезти, эльф, — сказала Шторм, не беря бурдюк. — После того зла, которое ты принес в Королевства, я отправлю тебя в Девять Адов искать Эльминстера, прежде чем позволю тебе умереть мирной смертью в Анавроке.

— Магистры Магии в Академии всегда говорили, что ты самая веселая из Семи Сестер, — парировал Галаэрон, скрывая обиду, которую причинили ему эти слова, за маской цинизма. Он взвалил бурдюки на плечи и направился к вырубке.

— Если ты собираешься открыть адскую пасть у меня под ногами, по крайней мере, подожди, пока я принесу эту воду. Моему другу Арису грозит смерть.

— Я пришла сюда не для того, чтобы наказать тебя, эльф, — сказала Шторм, игнорируя попытку Галаэрона вызвать ее беспокойство о каменном гиганте. — Это не мое дело, даже если бы ты стоил таких хлопот.

Галаэрон взглянул на пылающее солнце, облизнул потрескавшиеся губы и спросил:

— Ну, если ты пришла и не помочь и не наказать, то что ты здесь делаешь?

— Передаю послание от имени Хелбена Арунсуна — сказала она. — Он просит меня сообщить тебе, что твоя сестра Кейя здорова.

Галаэрон чуть не выронил драгоценные бурдюки.

— Кейя в безопасности? — выдохнул он. — Осада снята?

— Не совсем, — ответила Шторм, — но теневой барьер ослабил фаэриммскую мертвую стену. Хелбен в городе.

Галаэрон был так поражен, что не знал, что сказать. Избранные Мистры редко интересовались делами отдельных личностей, как они могли, когда их было так мало, а тех, кто в них нуждался, так много? И все же здесь была Шторм Серебряная Рука, доставившая сообщение от Хелбена Арунсуна о его младшей сестре Кейе. Это было настолько невероятно, что Галаэрон начал убеждаться, что он страдает тепловыми галлюцинациями.

Решив больше не тратить энергию на иллюзии, он стиснул зубы и сосредоточил внимание на вырезке, где лежал Арис. галлюцинация шла рядом с ним.

— И это все? — спросила она. — Даже не «спасибо за беспокойство»?

Галаэрон, не обращая на нее внимания, продолжал идти к вырезке.

— Что ж, по крайней мере, тебе следует поблагодарить Хелбена — сказала иллюзия. — Он приложит немало усилий, чтобы избавиться от неприятностей, которые вы с тем теневым волшебником развязали.

— Это может быть правдой — сказал Галаэрон, говоря вслух в надежде, что звук его собственного голоса повлияет на его логику, — но зачем Хелбену Арунсуну утруждать себя сообщением о моей сестре?

Галлюцинация подняла руки, и оба бурдюка поднялись с плеч Галаэрона. Думая, что он уронил их, и просто воображает это, чтобы скрыть факт, он вскрикнул, упал на колени и начал пробегать пальцами по песку. *Сухому песку.*

Галлюцинация подошла и встала перед Галаэроном, держа в руках оба бурдюка.

— Он чувствует себя обязанным — сказала она. — Твой отец спас ему жизнь в Битве при Рокнесте.

— Мой отец? — спросил Галаэрон. Неужели он ...

Галлюцинация покачала головой.

— Он погиб в бою. — Впервые в ее глазах появилось мягкое выражение. — Мне очень жаль.

Галаэрон опустил плечи и с облегчением почувствовал, что плачет. По крайней мере, он все еще был эльфом.

— Судя по всему, у тебя нет лишней воды — сказала Шторм, начиная спускаться по руслу реки с бурдюками в руках. — Почему ты не левитировал их? Для этого и существует магия.

— Не для меня, больше нет — сказал Галаэрон, вставая. — У меня там лежит друг, раненый из-за того, что я не смог контролировать свою тeneвую магию, и я не буду оскорблять его, используя ее сейчас.

Шторм оглянулась.

— Неужели? Даже чтобы спасти его жизнь?

Галаэрон покачал головой. — Он бы этого не хотел.

— Ты, кажется, ужасно уверен в этом. — Она изучающе посмотрела на него, потом добавила: — Или, может быть, ужасно напуган.

Оставив Галаэрона размышлять над правдой ее слов, Шторм поднялась в воздух и пролетела остаток пути до вырубki. Она просунула голову сквозь корень дымного дерева и заговорила с Рухой. К тому времени, как Галаэрон прибыл, Шторм уже была внутри, капая свое третье целебное зелье в полуоткрытые губы Ариса. Хотя глаза великана были открыты, он оставался бледным, как жемчужина, и выглядел слишком слабым, чтобы поднять голову, даже если бы было достаточно места. Шторм отшвырнула пустой пузырек в сторону, открыла четвертый и начала капать в полуоткрытый рот великана.

— Это последний на сегодня, мой большой друг. Они сказали, что пять – это слишком много, даже для великана.

— Даже для великана? — эхом отозвался Галаэрон, начиная понимать, что в появлении Шторм было нечто большее, чем она сказала ему. — Миледи Серебряная Рука, как именно вы узнали, где нас найти?

Вместо ответа Шторм обменялась взглядами с Рухой, и Галаэрон внезапно понял ответ на свой вопрос. Он посмотрел на ведьму и спросил:

— Ты следила за Маликом или за мной?

— Ты очень высокого мнения о своей ценности, не так ли, эльф? — спросила Шторм, ее глаза весело сверкали. — Мы послали ее наблюдать за шадоварами. Тебя мы уже знаем.

Галаэрон поймал себя на том, что улыбается, а затем, к собственному удивлению, сделал то, чего не делал уже очень давно. Он засмеялся.

Кейя лежала на Верхушке Дерева на своем диванчике для Дремления, вновь переживая в уме последние домашние объятия, которые она разделила со своим братом, когда белый снежный зяблик появился за стеклом окна ее комнаты и вежливо взмахнул крыльями. Очнувшись от оцепенения, она произнесла командное слово, чтобы сделать стекло проходимым, затем спустила ноги на пол и вытянула палец, образуя насест. Однако в пути через комнату птица заметила дремлющего на полу Дексона и обошла волосатую гору тела ваасанца, едва не закончив плохо, когда кончиком крыла задела нос спящего воина, а массивная рука поднялась, чтобы прихлопнуть птицу. Зяблик нырнул в безопасное место, затем взлетел и, возмущенно чирикавая, приземлился на палец Кейи.

— *Это* не твоя забота, Манинест — строго сказала Кейя. — Кроме того, он должен где-то спать.

Манинест вопросительно пропел.

— Не твое дело, — возразила Кейя, — и я не хочу, чтобы ты распространялся о нас по Эвереске.

Он чирикнул что-то уверенное.

— Я серьезно, — предупредила Кейя. — Я уверена, что ты не захочешь, чтобы твоя пара узнала настоящую причину, по которой лорд Дуирсар называет тебя Манинестом.

Зяблик взъерошил перья, затем повторил свое обещание более низким тоном, который, как поняла Кейя, означал торжественную клятву. Учитывая, каким навязчивым сплетником был Манинест, она подозревала, что ее тайна имела примерно равные шансы тайной не остаться.

— Ты здесь только для того, чтобы шпионить за мной, или лорду Дуирсару что-то нужно?

Манинест взъерошил крылья и спросил о местонахождении Хелбена.

— Ты пробовал созерцательную? — спросила она.

Птица чирикнула в знак благодарности и вылетела за дверь, затем вернулась в комнату и прошептала предложение привести других ваасанцев и присоединиться к ним там. Речь Манинеста была торопливой и стремительной, как будто он только что вспомнил о важности своего поручения.

— Очень хорошо, — сказала она. — Мы будем там через минуту.

Она разбудила Дексона и велела ему привести остальных, затем накинула халат и спустилась в старую отцовскую созерцательную, служившую Хелбену кабинетом и магической лабораторией. К тому времени, как она прибыла, архимаг допрашивал Манинеста на писклявом языке, слишком быстром для Кейи. Его боевой плащ был распахнут на столе, и Хелбен яростно запихивал драгоценные порошки, шарики серы, стеклянные цилиндры и другие компоненты заклинаний в его составные карманы.

Архимаг даже не поднял глаз, когда Кейя вошла в комнату.

— Лорд Дуирсар призывает город к оружию — сказал Хелбен. — Фаэриммы собираются за пределами мифала.

Манинест наклонил голову в сторону Кейи и что-то чирикнул слишком быстро, чтобы она могла уследить.

— Помедленнее, птичка! — предупредила она. — Мастер Колбатин что?

— Говорит, что ты вольна сражаться в моей роте, если у меня найдется для тебя место, — перевел Хелбен. — Добро пожаловать.

Манинест добавил еще одну серию писков, на этот раз достаточно медленных, чтобы Кейя поняла, что Долгая Стража собирается для битвы на лугу за Ливрейными Воротами.

— Значит, я свободна в выборе? — спросила Кейя.

Манинест чирикнул подтверждение и взлетел, кружа к окну и щебеча обо всех других сообщениях, которые он должен был доставить. Кейя произнесла командное слово, чтобы открыть стекло, затем сказала:

— Я принесу свои доспехи и оружие.

— Хорошо, — сказал Хелбен. — Мы соберемся в фойе. Я хочу сохранить свою магию телепортации для битвы.

— Битвы? — эхом отозвался Дексон, ведя Кула и Берлена в комнату. — Какой битвы?

— Фаэриммы собираются...— Это было все, что сказала Кейя, прежде чем ваасанцы повернулись и побежали к своим доспехам.

Она вернулась и надела свои собственные доспехи, из прекрасной эвересканской кольчуги и волшебного шлема своего отца, затем собрала оружие и бросилась вниз в фойе. Хелбен и трое людей уже ждали, глядя через дверь на огромные полосы магического света, уже вспыхивающие на поверхности мифала. Пока они смотрели, золотые метеоры дождем посыпались в Винную Долину, когда мифал активировал свою самую свирепую, и самую известную защиту.

— Атака фаэриммов только усилилась. О чем думают Старейшины Холмов? — прорычал Дексон. — Держу пари на свою щитовую руку, что дождь магических стрел — это то, что *нужно* шипастым.

— Мифал — это живое существо, — объяснила Кейя. — Старейшины Холмов лучше любого из нас знают, что фаэриммы пытаются осушить его, но никто не может помешать ему защитить себя или Эвереску.

— И это еще одна причина, по которой нам следует поторопиться. — Хелбен шагнул в дверь и, продолжая говорить через плечо, повел их вниз головой по внешней стороне башни. — Их успех не бесспорен, но очень возможен. Чем больше мы убьем, и чем быстрее, тем больше шансов у мифала удержаться.

— Мы *атакуем*? — ахнул Дексон в нескольких футах над Кейей и позади нее.

— Да, именно это я и намерен рекомендовать лорду Дуирсару — сказал Хелбен. Он добрался до подножия башни и прыгнул со стены на Звездный Луг, затем повернулся лицом к Дексону.

— Если только ты не знаешь лучшего способа убить фаэримма.

Дексон нахмурился, затем развернулся и прыгнул на землю рядом с Хелбеном. Вооруженные и закованные в доспехи эльфы проносились мимо со всех сторон, спускаясь к перекрестку троп у пруда Славы Рассвета и продолжая оттуда к назначенным им местам сбора.

— Я думал о Кейе, — сказал Дексон. Он говорил тихо, хотя и недостаточно тихо, чтобы острый эльфийский слух Кейи не услышал. — У нее ведь нет причин уйти, правда?

— Только то, что мы защищаем мой дом — сказала Кейя, прыгивая на землю рядом с ним. — Ты же не пытаешься избавиться от меня, Декс?

Большой ваасанец покраснел.

— Нет, конечно, нет

— Тогда ты, должно быть, думаешь, что я не способна нести свой вес в такой элитной банде убийц фаэриммов.

Она схватила один из трофейных шипастых хвостов, заткнутых за пояс, и щелкнула им.

— Возможно, ты думаешь, что я недостаточно храбрая.

— Я знаю, что ты достаточно храбрая — сказал Дексон, глядя на своих товарищей в поисках помощи, и не находя ничего, кроме веселых ухмылок, — но у тебя нет темного меча.

— И у Хелбена тоже, заметила Кейя.

Дексон закатил глаза.

— Хелбен – один из Избранных.

— Дексон просто не сможет видеть, как тебе больно.

Кул схватил их за руки и повел за Хелбеном, который уже был на полпути к Пруду Славы Рассвета. Он наклонился ближе к Кейе и тихо добавил:

— Если хочешь знать мое мнение, я думаю, что все эти лунные купания сделали его влюбленным в тебя.

Кейя покраснела и, не уверенная, шутит ли Кул или действительно не заметила, как они с Дексоном сблизилась, высвободилась и посмотрела на своего ваасанского любовника. Такой же большой и волосатый, как медведь, его эмоции были во многих отношениях столь же чужды ей. Она не сомневалась в глубине его чувств, она знала это по тому, как хмурился Хелбен, когда видел их вместе, но ей никогда не приходило в голову, что его страсть проявится в такой защитной жилке. Для эльфа такой патернализм означал, что он считал ее неспособной принимать собственные решения, а эльфы не имели привычки влюбляться в тех, кого они так низко ценили.

Но люди были другими. Она видела, как хмурился Дексон, когда другие ваасанцы смотрели на нее во время купания, и заметила, как он часто старался держать их подальше от нее, когда начинались водные игры. Его привязанность к ней, казалось, проявлялась так, словно она была сокровищем, которое он боялся, что кто-то может украсть, и с внезапным приливом понимания она поняла, что это было почти правдой. Их любовь *была* сокровищем, а люди смотрели на сокровища не как на прекрасные произведения искусства, которыми можно поделиться с другими, а как на монеты и драгоценные камни, которые нужно надежно спрятать. В этом они были похожи на драконов, и они будут сражаться так же яростно, чтобы защитить свои сокровища. Если на поле боя Кейе будет угрожать опасность, Дексон забудет обо всем остальном, о собственной безопасности, о своем долге помочь Хелбену, даже о многих тысячах эвересканцев, чьи жизни в опасности, и бросится на ее защиту. Они добрались до Пруда Славы Рассвета, где Хелбен повернул вверх по склону к Облачному Дому, цитадели лорда Дуирсара. Берлен и Куль бросились за ним, но Кейя остановилась и повернула вниз по склону к Воротам.

Дексон поймал ее за руку и указал на холм.

— Лорд Чёрный Посох пошел сюда.

— Я знаю, — сказала Кейя, указывая вниз по склону, — но я должна идти туда.

— Значит, ты не пойдешь с нами? — Дексон выглядел почти столь же смущенным, как и испытывающим облегчение.

Кейя покачала головой.

— Мое место в Долгой Страже.

— Долгая Стража? — ахнул Дексон. — Но они же не обучены!

Кейя нахмурилась.

— Обучены. Больше, чем ты думаешь — сказала она, вздернув подбородок. — Наши сердца храбры. Мы дадим о себе знать.

— Столько, сколько потребуется фаэримму, чтобы сотворить одно заклинание!
— возразил Дексон, пытаясь поднять ее на холм. — Долгая Стража – это пушечное мясо. Ты пойдешь с нами.

Кейя высвободила руку.

— Нет, Декс, ты был прав. Я не принадлежу к компании Хелбена.

Она схватила его за плечи и приподнялась, чтобы поцеловать в губы, затем отпустила и снова опустилась на землю в шаге от него.

— Увидимся после битвы, — сказала она.

— Если мы победим, — сказал Дексон, качая головой и направляясь за ней. — Я не могу позволить тебе...

— Да, Дексон, ты не можешь, и ты этого не сделаешь.

Сильная рука Хелбена схватила его за плечо и потянула назад.

— Прощайтесь.

Глаза Дексона немного остекленели, затем он поцеловал свои мясистые пальцы и повернул их к Кейе.

— Пока мечи не расстанутся.

Кейя улыбнулась и ответила ему тем же.

— Скоро вернусь за нежными песнями и ярким вином.

Хелбен толкнул Дексона в объятия ожидавших его товарищей. Он сделал отгоняющее движение и пробормотал что-то, чего Кейя не расслышала.

— Мне очень жаль, — сказала она.

— Что это было?

— Как обычно, — сказал Хелбен, отворачиваясь. — Сладкая вода и легкий смех.

Для Кейи это было совсем не похоже на то, что он пробормотал. Даже близко.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

20 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

— Залп!

Кейя по команде отпустила тетиву. Ее стрела с шипением взмыла в небо вместе с тысячей других, прошла сквозь мифал и по дуге устремилась вниз к тонкой линии бехолдеров и фаэриммов, плывущих по Винной Долине. Мерцающие лучи магии распадались металась взад и вперед по залпу, растворяя сотни стрел, прежде чем они приблизились к почерневшим виноградникам. Один из золотых метеоров мифала пронесся с небес и прожег двадцатифутовую полосу сквозь шипящее облако стрел. Сотни снарядов промахнулись мимо цели и вонзились в землю, как только что проросшие перышки. Из нескольких десятков стрел, которые нашли свои цели, большинство были отклонены мощной защитной магией и с грохотом упали на

землю, но несколько зачарованных стрел пробили защиту фаэриммов и глубоко вонзились в тела врагов. Один фаэримм и двое бехолдеров обмякли и начали падать на землю, затем яростная контратака расцвела против мифала и помешала Кейе увидеть, оправились ли они. Она положила на тетиву еще одну стрелу, последнюю в своем колчане, и стала ждать следующей команды.

Как и остальная часть Долгой Стражи, она стояла внутри Луговой Стены, и между ней и врагом не было ничего, кроме потрепанного мифала и семидесяти шагов открытой земли, достаточно близко, чтобы, когда она не пыталась моргнуть своими ослеплёнными магией глазами, она могла видеть большие центральные глаза атакующих бехолдеров. Чего Кейя не могла видеть, так это багбиров, иллитидов, захваченных эльфов или других рабов разума фаэриммов. Там были только сами шипастые, по слухам, во всей долине их было меньше двухсот, и, возможно, тысяча бехолдеров. С целыми десятью тысячами эльфов, окружавших город, определенно казалось, что шансы были в пользу Эверески, но там, где дело касалось фаэриммов, внешность всегда была обманчива. Рабы разума могли быть где угодно, скрываясь невидимыми по другую сторону Луговой Стены или прячась в туннелях под Винной Долиной, готовые прорваться под эльфийскую оборону, как только их хозяева ослабят мифал.

— Залп! — пришла команда. Кейя прицелилась в глаз ближайшего бехолдера и отпустила тетиву. Она потеряла из виду свою стрелу, когда та присоединилась к темному облаку, летящему в Винную Долину, но предпочла поверить, что ее стрела выжила и вонзилась между двумя извивающимися глазными стеблями ее цели. Еще один фаэриммский шторм заклинаний обрушился на мифал. Подносчик стрел снял с пояса пустой колчан Кейи и заменил его полным. Она схватилась за следующее древко и с ужасом ощутила зеленое влажное дерево. Чтобы спасти Эвереску, даже деревьям пришлось принести жертву, не то чтобы они бы долго жили, если бы мифал пал. Она натянула тетиву и подняла наконечник в воздух. Фаэриммы начали отступать, убегая так быстро, что один из них влетел в метеор мифала и исчез в золотой вспышке. В следующее мгновение конус искрящегося серого пламени вырвался из-за Луговой Стены, поглотив пару фаэриммов, которые совершили ошибку, дрейфуя в одну линию. Они превратились в визжащие смерчи серебряного огня.

Хелбен Арунсун появился у Луговой Стены, где возник конус, его рука все еще указывала на двух горящих фаэриммов. В следующее мгновение ваасанцы и остальная часть эскорта архимага появились по обе стороны от него, все крича от усилия, когда они бросили полет золотых стрел вслед убегающим фаэриммам. Бехолдеры поймали первую волну копий в своих лучах распада, которые только превратили их в чистую магию и послали их в свои цели со скоростью молний. Вторая волна последовала чуть медленнее, но две дюжины орудий нашли свои цели. Три фаэримма упали на землю и рассыпались в груды пыли, а еще двое были ранены так сильно, что телепортировались прочь. Уцелевшие шипастые бросились назад, гоня своих рабов-бехолдеров вперед и швыряя в мифал такую бурю заклинаний, что Кейе пришлось отвернуться от жара рассеивающейся магии. Хелбен и его эскорт просто рассмеялись и спокойно отошли от Луговой Стены, повернувшись спиной к врагу. Они прошли через ряды Долгой Стражи не далее, чем в двадцати шагах от того места, где

стояла Кейя, ожидая команды выпустить следующую стрелу. Если Дексон, или кто-то из ваасанцев, и заметил ее, стоящую в рядах, они не выдали этого, даже не посмотрев в ее сторону.

— Отлично, Хелбен! — Хихикнул Кииньон Колбатин. — На этот раз пять!

— Да, — ответил Хелбен. — Если бы у нас было сорок часов и тысяча Стрел Кореллона, мы могли бы убить их всех, но мы этого не сделали. Мы не собираемся спасать мифал, телепортируясь в атаку раз в час.

— Что вы предлагаете, лорд Чёрный Посох? — спросил знакомый голос.

Кейя оглянулась через плечо и увидела лорда Дуирсара, стоящего в дюжине ярдов позади нее с Кииньоном Колбатином и тем, что осталось от Старейшин Эверески. Они были окружены Отрядом Холодной Руки, сотней отборных Магических Клинков, отобранных для владения шестнадцатью темными мечами, позаимствованными у ваасанцев, павших, когда фазриммы сбежали из своей древней тюрьмы. Поскольку оружие могло заморозить руку любого воина, не принадлежащего к семье владельца, идея состояла в том, что первый воин будет использовать оружие, пока его рука не станет слишком холодной, чтобы держать его, затем передаст его следующему и так далее.

Хелбен подошел к лорду Дуирсару. — Мы должны перенести атаку в Винную Долину, и как можно скорее.

— Оставить мифал? — ахнул Колбатин. — Ты знаешь, сколько воинов мы потеряем?

— Часть того, что мы потеряем, если позволим им измотать себя и войти в Эвереску, — возразил Хелбен. — Теневой барьер уже ослабил его, и эта битва истощает его с каждой минутой. — Он повернулся к лорду Дуирсару. — Милорд, даже если бы у Эверески было достаточно стрел и магии, чтобы растратить их таким образом, мифал не продержится долго. Мы должны уничтожить врага.

— Ты забываешь, что нас самих сократят в десять раз, — возразил Кииньон. Конечно, лучше взять то, что убивает нас, из безопасности мифала...

— Неужели эти заостренные уши не слышат, эльф? — взревел Хелбен. — Мифал долго не протянет!

Невольно Кейя поймала себя на том, что ее внимание блуждает от Хелбена и высших лордов к ее любимому Дексону. К ее ужасу, Ваасанец заметил ее, когда проходил через ряды Долгой Стражи. На самом деле он изучал ее мрачным взглядом разъяренного медведя, держа темный меч на плече и возвышаясь не только над эльфами, но и над Хелбеном и даже его товарищами-ваасанцами. Даже прошлой ночью, когда она провела столько часов, карабкаясь по этому массивному телу, она не осознавала, насколько большим, каким грубым, он был на самом деле. Заметив, что она наблюдает за ним, Дексон меланхолично улыбнулся и протянул ей указательный палец. Сначала Кейя подумала, что он пытается использовать эльфийский язык пальцев, но потом она почувствовала, что кто-то смотрит через ее плечо, и поняла, что он указывает. Она снова посмотрела вперед и увидела Джарили, солнечную эльфийку, которая командовала ее отрядом, стоящую перед ней и нетерпеливо постукивающую длинным пальцем по ее экстравагантным доспехам из золотой чешуи.

— Честно говоря, Кейя, мне все равно, если тебя привлекают эти волосатые твари, но я настаиваю, чтобы ты оставила флирт до окончания битвы.

— Джарили отвернулась, потом поднесла к губам магический рог и закричала:
— Залп!

Кейя натянула тетиву и послала стрелу, описавшую дугу над Луговой Стеной, в ослепительную бурю пламени и молний, которая была Винной Долиной. Она потянулась к другой зеленой стреле в своем колчане.

— Прекратить!

Приказ исходил не от Джарили, а от самого Кииньона Колбатина, и голос его звучал не слишком радостно.

— Разделитесь по рядам, мечи – первые, копыя – вторые, луки – третьи.

Сердце подскочило к горлу, Кейя перекинула лук через плечо и вытащила копье из земли рядом с собой. Доводы Хелбена возобладали, и лорд Дуирсар отдал приказ покинуть мифал, чтобы вступить в бой с фаэриммами. Даже если бы Кейя не училась тактике на коленях у отца, она бы знала, что происходит. Как самый неопытный элемент армии Эверески, Долгая Стража должна была возглавить атаку через стену и принять на себя основную тяжесть атаки фаэриммов. Если повезет, элитные роты, следующие за ними, доберутся до вражеских рядов целыми и невредимыми и заставят шипастых вступить в их наименее любимый вид боя – ближний. Хотя Кейе отчаянно хотелось бросить последний взгляд через плечо на Дексона, она сопротивлялась искушению. Если он поймает ее взгляд, то будет больше беспокоиться за нее, вместо того, чтобы думать об убийстве их врагов. Как законный владелец темного меча, он был одним из самых мощных орудий Эверески против фаэриммов. Его призрачный клинок мог пробить даже самую мощную защиту, и он уже засунул три их хвоста за пояс, чтобы доказать, что знает, как подобраться достаточно близко, чтобы использовать его.

— Долгая Стража, атакуйте в три шеренги! — Кейя отсчитала одну секунду задержки, затем установила наконечник копья под небольшим наклоном и двинулась вперед с двухступенчатой скоростью – достаточно быстрой, чтобы быстро покрыть землю, но не настолько быстрой, чтобы атака дезорганизовала их строй. Вместо того чтобы двинуться вперед навстречу атаке, фаэриммы и бехолдеры отступили назад, довольствуясь тем, что бросали заклинания в мифал и создавали перчатку магии для своих нападавших, чтобы пробиться. Это была тактика, которая хорошо послужит им против Долгой Стражи, но приведет элитные роты в середину их рядов. Кейя была уже в десяти шагах от Луговой Стены, когда в ее голове раздался голос Хелбена.

— Тебе нечего бояться, моя дорогая.

— Кто боится? — возразила она. — Просто убей шипастых и скажи Дексу, чтобы он не терял рассудка.

Это было все, что она успела сделать, прежде чем первая шеренга достигла Луговой Стены. С мечами в руках и легкими эвересканскими доспехами на телах они одним прыжком вскочили на стену, а вторым исчезли за ее гребнем. Кейя и остальные из второй шеренги двигались медленнее. Им пришлось опереться рукой о стену и закинуть ноги рядом с собой, и к тому времени первая шеренга уже замерла на месте, наполняя воздух жуткими воплями, когда их ноги рассыпались в пепел. Кейя удержалась от того, чтобы упасть на свое место и упереться копьем в другую сторону Луговой Стены. Перед ней Джарили и полдюжины других эльфов, казалось, таяли в

земле, когда сначала их ноги, а затем бедра и торсы превратились в груды серого пепла. Она чуть не упала, когда древко ее копья тоже рассыпалось.

Молодой золотой эльф из третьего ряда врезался в нее сзади, и она схватилась за его шлем, чтобы не упасть.

— Что за задержка? — спросил он. — Давай, шевелись!

— Неразумно. — Кейя притянула его голову к стене и заставила смотреть на рассеивающиеся кучи пепла. — Это наши друзья.

Молодой солнечный эльф стал цвета увядшего березового листа, но многим в Долгой Страже не так повезло. Большая часть третьей шеренги просто прыгнула на спины второй шеренги, заставив их перелезть через стену в Винную Долину и выйти за пределы защиты мифала. Как только их ноги коснулись почерневшей земли, их тела рассыпались в пепел и рухнули. Без постоянного дождя стрел от Долгого Дозора фаэриммы и бехолдеры, наконец, начали плыть вперед, приближаясь к мифалу. Кейя оглянулась и поверх тошнотворной фигуры эльфа, который чуть не толкнул ее на смерть, увидела Отряд Холодной Руки, бросившийся к стене позади них. Все еще сидя верхом на стене, Кейя подняла обе руки.

— Хелбен, останови их! Ты совершил ошибку!

— *Ошибку?* — Голос Хелбена прогремел над долиной, как раскат грома. — *Невозможно!*

— Хелбен, это *возможно!* Долина – смертельная ловушка!

Долгое и ужасное мгновение Холодная Рука продолжала рваться вперед. Золотой метеор, вызванный мифалом, с ревом упал позади нее, разбрызгивая воронки на почерневшей земле и забрызгивая ее таким количеством грязи и камней, что она была сбита со стены обратно на луг. Маги лорда Дуирсара выпустили залп молний и черных смертоносных лучей, которые пронеслись над головой и, насколько Кейя могла судить с того места, где она пряталась за стеной, не оказали абсолютно никакого воздействия на врага. Затем, к ее ужасу, лавина камней пронеслась по стене над ней и нашла молодое тело золотого эльфа, которое чуть не столкнуло ее в Винную долину. Груда попала ему прямо в грудь, превратив его туловище в брызги крови и костей, затем рухнула на землю позади него и покатилась, оставляя за собой кровавые брызги. Этого было достаточно, чтобы остановить атаку Холодной Руки, и отправить то, что осталось от Долгой Стражи, обратно к Эвереске. Враг напал на луг. Мифал слабел, и быстро.

Кейя подавила вздох и перекатилась на корточки, затем подняла голову и обнаружила бехолдера, парящего на расстоянии не более длины копья, его огромный центральный глаз проецировал мощный антимагический луч в слабеющий мифал. Позади него, фаэримм плыл вперед, чтобы использовать образовавшуюся брешь в магической защите Последнего Убежища.

У Кейи было достаточно времени, чтобы увидеть, что сцена была почти такой же в других местах вдоль стены, прежде чем фаэримм указал в ее направлении. Поток камней поднялся от стены виноградника и устремился в ее сторону. Она откатилась в сторону. Камни врезались в Луговую Стену позади нее, проломив ее, и дождем посыпались осколки разбитого гранита. Оказавшись в одиночестве рядом с проломом, она глубоко вздохнула и потянулась за мечом.

— *Кейя, нет!* — раздался голос Дексона.

Она хотела сказать ему, чтобы он не совал нос в чужие дела и позволил ей исполнять свой долг, но заколебалась, поняв, что это будет последнее, что от нее услышат. В этот момент Дексон добавил:

— Сюда!

Кейя посмотрела в сторону Отряда Холодной Руки и увидела темный меч Дексона, летящий к ней рукоятью вперед. Протянув руку, чтобы поймать его, она подумала: *«Спасибо, Декс. Люблю тебя»*.

Решив, что это были гораздо лучшие последние слова, чем то, о чем она думала мгновение назад, она подняла темный меч перед собой и резко развернулась в проеме. И оказалась нос к носу с ползущим фаэриммом. На мгновение она была слишком ошеломлена, чтобы понять, что видит.

Шипастые не ползли, они плыли... И почему она все еще жива? Стоило только подумать о заклинании, и она превратилась бы в пепел в форме эльфа. Он открыл свою зубастую пасть и протянул к ней четыре тонкие руки, и внезапно все это перестало иметь значение. Она опустила темный меч Дексона, разрубив его на два фута ниже пасти, затем развернула клинок и полоснула в противоположном направлении. Фаэримм свистнул и отпрянул, схватив Кейю за плечи и встав на дыбы. Она ударила его по туловищу обеими ногами, высвободилась из его рук и упала на плечо.

Все еще не прибегая к магии, тварь бросилась к ногам Кейи. Она высвободилась и перекатилась через плечо, затем мельком увидела, как один из бехолдеров направил свой антимагический луч на фаэримма, и поняла. Свободной рукой она выхватила кинжал и одним быстрым движением метнула его в глаза тирана. Кейя не была певицей клинков. Кинжал ударил первым эфесом, едва ли смертельно, но достаточно. Бехолдер моргнул, и в тот же миг магия мифала вернулась в щель. Фаэримм взвизгнул и начал отступать обратно в Винную Долину, но недостаточно быстро, чтобы избежать золотого метеора, который пронесся с небес и ударил его о землю, где он быстро растворился в куче пепла, лишь немного большей, чем те, что остались после первой волны Долгой Стражи. Прежде чем ошеломленный бехолдер успел прийти в себя, Кейя прыгнула на обломки Луговой Стены и провела темным мечом по середине его сферического тела. Каскад темной крови хлынул из раны, и туша монстра упала на землю без единого проклятия. Кейя развернула темный меч и начала спускаться по стене к следующему бехолдеру, затем вскрикнула от изумления, когда почувствовала, как волшебная рука сдернула ее с гребня и понесла обратно в Компанию Холодной Руки.

— Давайте не будем увлекаться, юная леди — сказал Кииньон Колбатин, подходя к ней. Он махнул рукой вниз, туда, где выжившие из Долгой Стражи возвращались к Луговой Стене за бурей копий и стрел. — Пусть кто-нибудь другой попробует на них напасть.

— Да, ты много раз делала свое дело, — согласился Хелбен, выхватывая темный меч из руки Кейи. Он зашипел от холода и быстро вернул клинок Дексону, затем поднял смуглую бровь. — Он не отморозил тебе руку?

— Собственно говоря, нет. — Она показала свои руки. Если не считать мозолей, которые она заработала на тренировках с оружием, они оставались такими же здоровыми, как ее восьмидесятилетние щеки. — Они даже не замерзли.

У Дексона отвисла челюсть, а Берлен и Кул захихикали. Хелбен нахмурился.

— Над чем вы оба смеетесь?

Боевой гул перерос в рев, когда Долгая Стража достигла Луговой Стены и начала атаковать врага с близкого расстояния. Неспособные использовать свою собственную магию в пределах антимагических зон, созданных их рабами-бехолдерами, фаэриммы держались позади. Хмурый взгляд Хелбена только усилился.

— Это очень важно. Если есть способ для Компании Холодной Руки владеть темными мечами ваших товарищей...

— Холодной Руке это не очень понравится, — сказал Кул.

— Холодная Рука сделает все, чтобы защитить Эвереску, — прорычал Кииньон.
— Это эльфийские воины.

— Это не сработает — сказал Кул. — Большинство воинов в Холодной Руке – мужчины, и я сомневаюсь, что даже эльфийская магия может заставить ваасанца родить ребенка.

— Р-ребёнка? — пробормотала Кейя. — О чем ты говоришь?

Берлен ухмыльнулся и подтолкнул ее локтем. — Ну же, Кейя, ты же знаешь, как все это работает — сказал он. — Вы с Дексоном теперь семья.

В развалинах Тайных Врат, высоко в Верхней Долине Эверески, Лаэраль с ужасом наблюдала, как первая шеренга эльфов перелезла через Луговую Стену и рассыпалась на груды кружащегося пепла. Когда фаэриммы начали контратаку, используя свою магию, чтобы швырнуть половину камней в Винной Долине через бреши, которые созерцатели открыли в мифале, она громко ахнула. Когда молодые воины Долгой Стражи каким-то образом собрались с силами и бросились назад, чтобы отогнать бехолдеров, она почувствовала, как по ее щекам катятся слезы.

— Легендарно, мой друг — сказала Лаэраль, глядя через окно на лорда Имесфора.
— Если это сырые новобранцы Эверески, я содрогаюсь при мысли о том, что станет с фаэриммами, когда придет время выпустить на волю ваших закаленных воинов.

— Я просто хотел бы быть там с ними — сказал Имесфор.

Хотя магия жрецов Глубоководья и отрастила его пальцы, они все еще были слишком неуклюжими и негнушались, чтобы произносить заклинания или даже держать меч в бою.

— Приятно наблюдать, напоминать себе, что Тел'Квесс никогда не теряют надежды.

Заставляя своих мысленных рабов держаться на краю мифала, фаэриммы продолжали швырять на луг целые участки Винной Стены. Долгая Стража падала десятками и продолжала атаковать, играя в смертельную игру уклонения, когда они пытались избежать пробоев в мифале, продолжая поливать стрелами созерцателей. Один глаз-тиран за другим обрастал шипами не хуже ежа, затем опускался на землю и распадался. Некоторые, обезумев от боли, наконец вырвались из рук своих хозяев и повернулись, чтобы уйти, но были сбиты самими фаэриммами. Хотя было бы просто

послать элитные роты вперед, чтобы поддержать Долгую Стражу и прикончить бехолдеров, Хелбен и эльфийские командиры мудро сопротивлялись искушению. Так или иначе, Эвереска будет нуждаться в своих самых опытных бойцах позже, когда победа или смерть будут висеть на волоске.

Лаэраль видела только Хелбена в самом сердце одной из элитных рот, смуглую фигуру в черных одеждах, его тезку – черный посох, зажатый в согнутой руке, когда он обсуждал стратегию с эльфийскими лордами, сгрудившимися вокруг него. Как хорошо было снова увидеть своего возлюбленного, даже если он был всего лишь черной точкой в квадрате сверкающего серого мифрила.

— Лорд Чёрный Посох, кажется, совсем отвлек их — сказал принц Кларибернус, выглядывая из сторожевой петли рядом с Лаэраль и лордом Имесфором. — Что скажете, леди Лаэраль?

— Я бы сказала, что мы не смеем ждать. Мифал слабеет. — Ответила Лаэраль, заметив, что дождь из золотых метеоров превратился в морось. — Вы видели их ловушку. Мы не можем спешиться.

— Эту ловушку мы повернем против них — сказал Ламорак, наблюдавший за происходящим напротив Кларибернуса, — но будем начеку, чтобы не допустить новых фокусов фаэриммов. Вы, Избранные, не единственные, кто знает цену хитрости на войне.

Лаэраль встретила взглядом с оранжевыми глазами принца.

— Всегда полезно хорошо помнить об этом — сказала она, начиная спускаться. — Я буду иметь в виду.

Когда фаэриммы не предприняли никаких попыток помешать им войти в Шараэдим, именно Лаэраль поняла, что шипастые попытаются прорвать мифал и укрыться внутри Эверески, и разработала стратегию, чтобы воспользоваться их планом. Выйдя из теневого барьера и используя свой серебряный огонь, чтобы открыть ворота в ослабленной мертвой стене, она послала спасательную армию атаковать вражеский арьергард, а затем вызвала лорда Имесфора из Глубоководья в качестве проводника. Он провел армию шадовар через границу теней к Тайным Воротам и благополучно миновал сотни эльфийских ловушек. Перчатка была настолько хитрой и мощной, что захватила нескольких фаэриммов, прежде чем они, наконец, отказались от расчистки прохода и просто запечатали входы, по крайней мере те, которые они смогли найти.

Лаэраль добралась до входного вестибюля у подножия лестницы, где рота шадоварских кавалеристов стояла рядом со своими скакунами в длинной шеренге, протянувшейся по мраморному мосту в темные закоулки Прохода. Всадники везерабов, вооруженные лишь копьями, темными мечами и черными шлемами, были легко вооружены и тонко бронированы. За кавалерией, как знала Лаэраль, тянулась еще более длинная линия пехоты, вооруженной столь же скудно. Против магии фаэриммов массивные клинки и тяжелая броня значили меньше, чем быстрота удара и ловкость, с которой необходимо было уклоняться.

Ламорак подошел и отдал приказ, затем повернулся к Лаэраль и сказал:

— Не хотите ли начать атаку?

— Конечно, спасибо. — Ожидая, пока всадники сядут на своих везерабов, Лаэраль повернулась к лорду Имесфору. — Я знаю, что ты ничего не хочешь так сильно, как

увидеть исход битвы, но пехоте шадовар понадобится кто-то, кто поведет их обратно к спасательной армии.

Имесфор поднял руку, показывая набор коротких белых фигур, которые еще не были похожи на пальцы.

— Больше ничего не говори. Я с удовольствием проведу их через Проход.

— Как только результат станет очевиден, конечно, — уточнил Ламорак.

Имесфор кивнул. — Ну конечно.

Поскольку пехота не смогла бы ступить в долину, не будучи уничтоженной магией фаэриммов, план принца требовал, чтобы они вернулись к удерживающим действиям в горах и поймали врага сзади. Учитывая огромные преимущества удержания высокой местности, эта тактика, несомненно, спасет много жизней в спасательной армии.

Командир кавалерии доложил о готовности, и оба шадоварских принца сели на своих везерабов. Лаэраль наложила на себя заклинание полета, затем подняла руку и повела их из Тайных Ворот вниз по висячему ущелью, которое открывалось в самую Высокую Долину. Высасывающая жизнь магия фаэриммов превратила склоны в бесплодные поляны из камней и грязи, где не было даже сгнившего пня, чтобы намекнуть на лес старых елей, который когда-то покрывал долину. Как только Лаэраль покинула укрытие висячего ущелья, она развернулась и помчалась к Винной Долине так быстро, как только могла. Кавалерия следовала за ней, рассыпаясь по склонам огромным одеялом хлопающих черных крыльев. Приняв шадовар и их скакунов за легион каких-то новых, порожденных адом ужасов, пришедших на помощь фаэриммам, элитные роты Эверески подняли свои голоса и оружие и начали продвигаться вперед. Хелбен поднял руки и посох и громовым голосом выкрикнул что-то, что заставило эвересканские роты остановиться, но ущерб был нанесен. Сначала один, потом дюжина, потом половина фаэриммов у Луговой Стены отошли от мифала и замахали зубастыми челюстями в сторону спускающихся шадовар. Лаэраль добралась до самой высокой террасы Винной Долины.

Перед ней выросла сверкающая стена цветов. Глупые фаэриммы все еще не знали, с кем они имеют дело. Лаэраль рассеяла её жестом, затем сделала то же самое с завесой пламени, появившейся рядом. К тому времени шадовары уже проносились мимо, разбрасывая темные стрелы по врагу. Долина впереди превратилась в бурю теневой магии и черных хлопающих крыльев. Лаэраль увидела, как дюжина шипастых выпала из-под бури и рассыпалась на длинные кучи пепла. Мгновение спустя она уже была среди них, мелькая мимо чешуйчатых червеобразных тел и отклоняя шипастые хвосты своим посохом.

— *Поднимайтесь в воздух!* — Голос Ламорака донесся до Лаэраль, как голый, слабый шепот в ее голове. — *Наложите теневую зону!*

Лаэраль и шадовары поднялись высоко в небо. Фаэриммы бросились за ними, но их магия левитации не могла сравниться с быстро поднимающимися крыльями везерабов. Даже Лаэраль пришлось протянуть руку и позволить пронесившемуся мимо повелителю теней увлечь себя за собой. Вспышки серебряных молний и золотой магии гнали всадников в небо, наполняя воздух черными цветами крови, крыльев и теневых доспехов.

Кларибернус, Ламорак и несколько могущественных шадовар рассредоточились по Винной Долине, затем отпустили поводья своих скакунов и начали сбрасывать комья теневого шелка. Они протянули руки ладонями вниз и что-то выкрикнули на древнем незерезском, которого она не смогла разобрать. Комочки расплющились в полупрозрачные диски тьмы и упали на дно долины, заставив фаэриммов и незересов опуститься под ними. Когда существа коснулись земли, они завывали от боли и рассыпались в прах. Возможно, две дюжины шипастых и вдвое больше бехолдеров погибли, прежде чем заклинание распада было отменено. Уцелевшие несколько мгновений корчились под дисками, а затем, наконец, вынырнули из тени, как рыбы из пруда. Шадовары тут же обрушивались на них, осыпая теневыми стрелами, когда они появлялись из темноты, их животные поливали врагов потоками ядовитого черного тумана.

Лаэраль отпустила свой эскорт, чтобы присоединиться к атаке, и повернула назад к Луговой Стене, сосредоточив свои атаки на созерцателях. В отличие от заклинаний Теневого Плетения ее союзников, фаэриммы были менее склонны к тому, чтобы быть ранеными чем-то, что она бросала в них, ведь они могли поглотить это и исцелить себя. Конечно, взрыв ее серебряного огня наверняка убил бы даже самого могущественного фаэримма, но она могла использовать его только один раз в час, и поэтому казалось мудрым держать эту конкретную атаку в резерве. Вспышка серебряного света осветила долину позади Лаэраль. Все ее тело вспыхнуло огненной крапивой, когда молния ударила ее в бок и отправила кувыркаться по воздуху. Она отскочила от мифала и быстро взяла себя в руки, затем повернулась и увидела пару облаков пепла, оседающих на землю там, где атака пронзила двух воинов шадовар, прежде чем попасть в ее. Примерно в двадцати ярдах от волшебницы парил фаэримм, метнувший молнию, его зубастая пасть повернулась в ее сторону и повисла, разинувшись. Молния была очень мощной. По всем правилам, она должна был прорваться сквозь нее и продолжить путь к другим пяти или шести целям, но Лаэраль была одной из Избранных. Она могла использовать Плетение, чтобы защитить себя от многих форм магической атаки, и эта была одной из самых очевидных.

Лаэраль подняла руки и уже собиралась выстрелить в нападавшего серебряным огнем, когда пара шадоварских воинов налетела на него сзади, их везерабы окутали его облаком ядовитого черного дыма, от которого глаза Лаэраль защипало даже на расстоянии. Направляя своих ездовых животных коленями, они одной рукой вливали в него теневые стрелы, а другой поднимали свои черные мечи, разрезая его на три части, когда они проносились мимо. Лаэраль помахала рукой в знак благодарности и, молясь, чтобы всадники гиппогрифов Глубоководья никогда не оказались в небе против такой смертоносной воздушной кавалерии, вернулась к заданию, которое сама себе поручила. Недалеко впереди пара бехолдеров прикрывала друг друга своими антимагическими лучами, отступая от Луговой Стены и пронизывая небо над головой лучами распада. Лаэраль быстро наложила на себя заклинание невидимости и опустилась на несколько дюймов над землей, затем поднялась под существами, вливая в них золотые потоки магии. Оба бехолдера взорвались алыми звездными вспышками, покрыв ее с головы до ног вонючей кровью. Лаэраль только надеялась, что Плуфан Верный Выстрел все еще допускает людей в Зал Высокой Охоты. Она не

видела Хелбена почти четыре месяца и понимала, что ей придется долго купаться в Поющем Источнике, прежде чем их воссоединение станет настоящим.

Хелбен впервые увидел Лаэраль в битве, когда она вышла из звездного вихря кишок и внутренних органов, которые еще несколько мгновений назад были двумя бехолдерами, удерживающими на расстоянии отряд Кейи Нихмеду из Долгой Стражи. Даже вымазанная алым, она была великолепным зрелищем для усталых глаз, и не только потому, что она прорвала осаду Эверески. Никогда еще он не проводил четыре месяца так долго, как последние четыре, когда он не знал, когда увидит свою любимую Лаэраль, или даже выживет ли он, чтобы сделать это. Избранные действительно умирали, и, как он почти убедился на Рокнесте, работа по их уничтожению требовала гораздо меньше двухсот фаэриммов. Хелбен смотрел, как Лаэраль исчезает в магической буре, потом еще несколько минут стоял, глядя на сверкающие молнии и сверкающие брызги. Хотя из-за огненных завес и клубящихся облаков дыхания везераба невозможно было уловить больше, чем мельком, рев битвы был таким же свирепым, как и всегда, и число шадовар, появляющихся в поле зрения, неуклонно уменьшалось. Фаэриммы стояли на своем, без сомнения, потому что понимали, что поставлено на карту в этой битве, так же, как и Хелбен.

— Лорд Дуирсар, пришло время ввести в бой армию Эверески — сказал он, обращаясь к Старейшинам Холмов так же, как и к самому Дуирсару. — Мы должны прорвать осаду сейчас, пока фаэриммы еще не пришли в себя.

— То, что у нас осталось, вряд ли можно назвать армией, — возразил Кииньон, — и тем более после того, как мы последовали твоему совету в прошлый раз.

— Атака обошлась мне дороже, чем я ожидал, но это была еще и важная диверсия. — Хелбен указал на шадовар, кружащийся над долиной, и направился к Луговой Стене. Теперь, когда шадовары и остальные силы Севера действуют внутри Шараэдима, это последний шанс фаэриммов прорвать мифал. Если мы заставим их отступить сейчас, то сможем прорвать осаду и выследить их по своей воле.

Не убежденный, Кииньон схватил Хелбена за руку и попытался удержать. — Если мы потерпим неудачу...

— Если мы потерпим неудачу, то потеряем все, — прервал его лорд Дуирсар. — Мы терпели неудачу в течение последних четырех месяцев, пришло время рискнуть.

Он кивнул Хелбену.

— Вызовите атаку.

Хелбен использовал заклинание, чтобы донести свой голос до каждого уголка долины.

— Приготовиться к атаке! Долгая Стража, отступайте!

У Луговой Стены юные эльфы Долгой Стражи начали отходить и отступать, сгрудившись вокруг деревьев, гранитных монолитов и глубоких оврагов, где они не могли помешать атаке. Процесс занял несколько долгих минут, так как они были столь же неопытны, сколь и измучены, с потерями, которые превратили бы даже

самую стойкую роту ветеранов в неорганизованную орду. Однако рядом с Хелбеном Кейя Нихмеду подтягивала подбородочный ремень и проверяла доспехи. Он бросил на нее неодобрительный взгляд и был вознагражден таким взглядом, который мог бы расколоть камень.

— Если вы скажете хоть слово о моем состоянии ...

Хелбен поднял руки.

— И не мечтал об этом, — солгал он.

В отличие от Дексона, который висел у нее на пятках с ошеломленным взглядом, она, казалось, восприняла новость о своем состоянии спокойно. Хелбен снял с запястий магические наручи и бросил их ей.

— Я хочу, чтобы вы надели это для меня и держались поближе, сказал Хелбен. — Они могут мне понадобиться.

— Конечно. Выражение лица Кейи изменилось на послушное, и она надела наручи на свои бицепсы. — Что это такое?

— Когда придет время, — сказал Хелбен.

Он поднял посох и махнул им в сторону Винной Долины.

— В бой!

В отличие от всех человеческих атак, которые он когда-либо возглавлял, эта началась почти в тишине и, казалось, становилась все тише. Не было слышно ни криков, ни стука оружия, ни лязга доспехов, только мягкий топот тысяч грациозных ног, и гораздо более громкий стук ваасанских сапог позади. Они подошли к Луговой Стене, и Хелбен произнес заклинание полета. Он на бегу подпрыгнул в воздух, размахивая своим черным посохом над линией бехолдеров, выплывающих из тумана, их извивающиеся глазные стебли распыляли всевозможные лучи на первую шеренгу атакующих эльфов. Хелбен провел посохом по телу и поймал полдюжины лучей, направленных на него, затем растопырил пальцы свободной руки и послал поток золотых стрел в нападавших. Трое глаз-тиранов рухнули на землю с гроздьями дымящихся дыр, прошивших их сферические тела, но одно из существ успело вовремя направить свой антимагический луч вверх, чтобы заблокировать контратаку Хелбена.

Падающий темный меч расколол его по центру, затем Отряд Холодной Руки устремился в Винную Долину, перепрыгивая через тела сдувшихся бехолдеров, раненых везерабов и стонущих шадовар ... Даже нескольких изрубленных и искалеченных фаэриммов. Хелбен почувствовал, что его наручи уплывают влево, и, обернувшись, увидел Кейю Нихмеду, которая вела Дексона и двух других ваасанцев через остатки Винных Ворот.

Проклиная ее импульсивность, он сделал круг, чтобы встретить ее с другой стороны, и обнаружил, что кувыркается назад в воздухе, когда шквал золотых магических стрел ударил его в грудь. Какие бы они ни были жальщие, эти атаки причинили ему не больше вреда, чем молния, от которой Лаэраль упала. Он выпрямился и вернулся более осторожно, раскачиваясь и подпрыгивая, приближаясь быстро и низко, с посохом наготове и серебряным огнем, потрескивающим на кончиках его пальцев. Он нашел Кейю и ваасанцев, сражающихся с парой фаэриммов, эльфийка уворачивалась и кувыркалась, когда черные лучи смерти и языки огня вспыхивали вокруг нее. Дексон едва стоял на иссохшей дымящейся ноге, одна рука

Берлена безвольно свисала вдоль тела, а Кул все еще пытался подкрасться к ближайшему существу сзади, чтобы нанести смертельный удар.

Хелбен выпустил луч серебряного огня в ближайшего фаэримма. Этого было достаточно. Когда первое рассыпалось в прах, второе существо попыталось телепортироваться. Попыталось, потому что Кул уже прыгнул на него сзади, вонзив меч ему в пасть. Ваасанец упал лицом на землю, его меч был покрыт вонючей кровью. Хелбен еще раз обошел виноградник, чтобы убедиться, что невидимых угроз больше нет, затем опустился на землю рядом с Кейей, которая осматривала искалеченную ногу Дексона и уверяла его, или, возможно, себя, что Плужан Верный Выстрел и жрицы Ханнали вполне способны восстановить конечность. Лицо Дексона было искажено болью, но он, казалось, больше беспокоился о возможности нового нападения, чем о своей ужасной ране.

— Я же велел вам держаться *поближе*, юная леди — сказал Хелбен.

Говоря это, он заметил, что рев битвы почти исчез. Шадоварские всадники везерабов летели к краю долины, роясь вокруг щупальцеобразных шаров бегущих бехолдеров: фаэриммы оставили своих мысленных рабов и телепортировались.

Оглянувшись на Кейю, Хелбен указал на наручи. — А если бы они мне понадобились?

— Если бы они были вам *нужны*, вы бы не отдали их мне. — Кейя сняла наручи и сунула их ему в руки, затем, обняв Дексона за талию, потянулась, чтобы поцеловать Хелбена в губы. — Но спасибо.

— Н-не за что — запинаясь, проговорил Хелбен. Он почувствовал, что краснеет, и улыбнулся, чтобы скрыть это. — Добро пожаловать, моя дорогая.

Глаза Кейи скользнули за его плечо и внезапно расширились от удивления, как и глаза Дексона, и Хелбен услышал знакомое «кхм» позади себя. Он обернулся и увидел, что Лаэраль стоит там, постукивая кончиком дымящейся палочки по своей испещренной алыми прожилками броне.

Она приподняла бровь, затем перевела взгляд на Кейю.

— Скажите, юная леди, кого нужно убить девушке, чтобы получить здесь поцелуй?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

21 Миртула, год Дикой Магии(1372 по Л.Д)

Вала неподвижно висела на потолочной паутине, молча наблюдая, как Коринеус кружится вокруг святилища внизу, срезая глазные стебли с голов бехолдеров и разбивая иллитидские сундуки вспышками золотой магии, кувыркаясь под багбирами и ныряя над кобольдами. Все это время он каким-то образом держался

между своими врагами и четырьмя книгами заклинаний, лежащими на пыльном дубовом столе в углу, среди груды корон, скипетров, колец, наручей и других магических реликвий, извлеченных из логовищ фаэриммов, которых они убили к этому моменту. Тела чудовищ начали накапливаться, замедляя движение клинка баэлнора до такой степени, что он начал принимать удары. Вряд ли это имело значение. Стальное оружие лишь отскакивало от его белой плоти, и он поглощал лучи распада и мысленные взрывы, как листья поглощают солнечный свет. Даже антимагические лучи не действовали. Бехолдеры, бросающие их, никогда не жили достаточно долго, чтобы их товарищи, владеющие клинками, могли воспользоваться ими. Наконец, стало слишком много тел, чтобы Коринеус мог продолжать свой танец клинка. Он споткнулся, развернувшись, чтобы убить, и два кобольда отскочили через бойню в угол, каждый схватился за одну из книг заклинаний на столе. Хотя они были не более чем в двенадцати футах под Валой, достаточно близко, чтобы она могла чувствовать их мускусный запах даже сквозь зловоние склепа, наполнявшее комнату, она продолжала висеть под потолком, ее руки и ноги болели от напряжения, удерживая себя в таком непривычном положении.

На этот раз Коринеус велел ей быть пауком, позволить добыче запутаться в паутине, прежде чем нанести удар. Пока Коринеус пытался восстановить равновесие, пара багбиров прыгнула ему на спину и сбила с ног. Он начал сбрасывать их, и другие начали протискиваться в двери один за другим, добавляя свой вес к куче. Куча продолжала подниматься, но уже медленнее, и наконец снова опустилась на пол. Приглушенный голос баэлнора произнес заклинание, и где-то под переплетением волосатых конечностей вспыхнула яркая искра. Серебряная молния пронеслась по комнате, на мгновение ослепив Валу. Раздался единый общий предсмертный рык, затем в комнате воцарилась тишина. Запах горелой плоти проник в ее ноздри, и ее онемевшую от холода плоть начало покалывать, когда холодная аура баэлнора внезапно исчезла. Она сморгнула ослепление с глаз и обнаружила святилище, выложенное в три слоя опаленными половинками тел, многие из которых дымились, а некоторые все еще дергались. Коринеус был заключен в мерцающую сферу силы, его иссохшее лицо исказилось в маске агонии, когда он с трудом поднялся на ноги. Он двигался медленно и с большим усилием, глаза его вылезали из орбит, а из ушей и ноздрей текли струйки черной крови. Сфера заметно сжималась, сокрушая баэлнора в своей неумолимой хватке. Вала осталась на месте, слишком хорошо сознавая, что блестящие красные бриллианты начинают смотреть на нее из углов усыпанного паутиной потолка.

Гигантские пауки исчезли в своих потайных убежищах, как только Коринеус вошел в святилище, но теперь, когда его холодная аура исчезла, они жаждали вернуться и вернуть свои паутины. Мурашки снова побежали по ее коже, хотя на этот раз они не имели ничего общего с холодом. Наконец, появился объект ее засады, самый большой фаэримм, с янтарной чешуей и хвостовым шипом длиной с клинок ее темного меча. Существо на мгновение задержалось в дверях, затем подплыло к сфере, в которой был заключен Коринеус, и остановилось. Баэлнорн повернул голову в его сторону. Его глаза так сильно выпучились, что готовы были выскочить из орбит, а черная жидкость, стекавшая из носа и ушей, веером покрывала всю нижнюю часть лица. Немертвый эльф начал нащупывать жесты заклинания. Его усилия были

настолько неуклюжи, что даже Вала знала, что заклинание никогда не сработает. Фазримм просто плыл перед ним, и в конце концов Коринеус перестал пытаться. Пара просто стояла рядом и ничего не делала. Первые несколько мгновений Вала пребывала в замешательстве, пока взгляд баэлнорна не переместился на захваченные книги заклинаний, и она вспомнила, что фазримм общался со своими пленниками телепатически.

Существо допрашивало его, без сомнения, пытаясь выяснить, как он проскользнул мимо защитных барьеров, предназначенных для того, чтобы держать его на расстоянии. Вала молилась Темпусу, чтобы он дал Коринеусу силы, но потом вспомнила о себе и попросила о том же Кореллона Ларетиана, эльфийского бога войны.

Коринеус и Вала позаботились о том, чтобы не оставить никаких следов ее присутствия в логовищах, которые они разрушили до сих пор. Если баэлнорн выдаст тайну, она не проживет достаточно долго, чтобы понять, что их план провалился.

Дрожь в паутине привлекла внимание Валу к противоположному углу потолка, где паук размером с волка выползал из своей охотничьей норы. Она пристально посмотрела на него, но не осмелилась сделать больше. Коринеус предупредил ее не двигаться, пока она не нападет. Ее единственным камуфляжем были паучий шелк и тьма; любая магия, которую баэлнорн мог использовать, чтобы скрыть ее, привлекла бы внимание фазримма так же верно, как пламя. Ободренный первым, второй паук выполз на паутину, на этот раз всего в полудюжине ярдов от ног Валу. Она взглянула на фазримма, пытаясь оценить свои шансы на прыжок. Нехорошо. Шипастый стоял у главной двери вместе с баэлнорном; она была в противоположном углу, над книгами заклинаний. Коринеус сказал, что существо не сможет устоять перед таким сокровищем. До сих пор он, казалось, слишком хорошо выдерживал искушение. Третий паук заполз в паутину, на этот раз в углу над Коринеусом, который уже давно миновал ту точку, когда живой эльф был бы раздавлен. Его глаза свисали из орбит, прижатые к щекам, а руки и ноги были согнуты под невероятными углами и прижаты к телу. Вале хотелось крикнуть баэлнорну, чтобы он сдался и позволил уничтожить себя, но она даже не знала, возможно ли это. Кроме того, он должен был сделать так, чтобы все выглядело по-настоящему. Если он сдастся слишком легко, его мучитель заподозрит неладное, а мало что может быть опаснее подозрительного фазримма.

Паутина начала яростно дрожать, когда первый паук бросился на Валу, клыки сочились ядом, а педипальпы тянулись вперед. Второй бросился к ее ногам, но остановился лицом к лицу с другим, когда тот изменил направление. Вала в отчаянии начала метать меч, но тут ей пришла в голову идея получше, и она снова посмотрела на пауков. Она провела лезвием по паутине, вырезав огромный полумесяц у основания своих ног. Паутина освободила ее с серией хрупких хлопков, и она свалилась с потолка, спускаясь к своей цели по быстро движущейся дуге. фазримм развернул к ней свою огромную пасть.

Вала прыгнула прямо на него, размахивая темным мечом для яростного удара двумя руками. Она услышала треск чешуи и почувствовала, как лезвие рассекает плоть. Пара рук фазримма схватила ее за горло и начала сжимать. Она повернула лезвие и начала протаскивать его сквозь тело твари. Колючий хвост изогнулся дугой, лязгнул о ее заднюю пластину и отступил, чтобы попытаться снова.

Вала оттолкнула руку фазримма от своего горла только для того, чтобы ее заменили еще две. Ее зрение начало тускнеть, и ее правая нога взорвалась огненной болью, когда хвостовой шип пронзил ее броню и начал закачивать свой яд в ее тело. Она высвободила свой темный меч, взмахнув лезвием вверх через два фута сухожилий и плоти. Ее зрение потемнело до чего-то более темного, чем черное, и живот Валу внезапно поднялся к груди. Горький холод обжег ее плоть, и наступила бесконечная вечность падения. Она почувствовала тошноту и слабость и не слышала ничего, кроме стука собственного сердца, замедлявшегося с каждым ударом, а потом и этого не стало.

Первым намеком Валу на то, что она не ... *ушла*, был запах крови. Вторым была боль. Что-то застряло в ее ноге, удерживая все ее тело за большую мышцу бедра и щелкая по кости. На мгновение ей показалось, что она мертва и находится в Девяти Адах, не помня, как оказалась там. Затем она увидела огромного, янтарного цвета фазримма, лежащего на полу над ней-нет, *внизу*, и вспомнила драку в святилище.

Валы в святилище не было. Среди четырех захваченных книг заклинаний и огромной кучи восстановленной магии, которую они с Коринеусом свалили в углу, была одна открытая книга, плавающая в зеленом поле заклинаний, и несколько полок с аккуратно разложенными реликвиями. Вдоль стены были выстроены спальные места рабов разума, а над дверью висел символ защиты, который удерживал ее союзника-баэлнорна на расстоянии. Но больше всего ее поразила сам шипастый, лежащий неподвижно и выпотрошенный на полу под ней, его длинный хвост не давал ей взлететь к потолку из-за болезненного шипа, застрявшего в бедре. После нападения Валу существо попыталось телепортироваться в безопасное логово и прибыло мертвым. По крайней мере, она думала, что он мертв. Она опустила руку, чтобы освободиться, или, скорее, попыталась опустить ее. Тело не двигалось в ответ на ее волю, как и ее ноги или шея, когда она проверяла их, или даже ее язык, когда она пыталась проклясть. В конце концов, Вала знала, что сокрушительная сфера уничтожит тело Коринеуса и освободит его дух, чтобы найти одно из запасных тел, которые он спрятал в Иритлиуме, но это ей не поможет. Пока она не сломает охраняющий символ над дверью, баэлнорн не сможет войти в логово. Ничего не оставалось делать, как висеть там и терпеть боль, пока яд не прекратит свое действие.

Шадовар не замечали в Арабеле, или, скорее, в том, что было Арабелем до того, как орды газнетов превратили его в руины, но они были там. На темной стороне разрушенной башни двое смуглых каменщиков использовали теньевую пилу для измерения размеров блоков. В окне пекарни гончар со сверкающими аметистовыми глазами лепил печь из темной глины. В переулке высокий и тощий плотник устанавливал дверь из черного дерева.

Никто из них даже не взглянул в сторону Галаэрона, когда тот проходил мимо с Арисом и Рухой, но это ничего не значило. Поскольку эльф, бединская ведьма и каменный великан путешествовали вместе, шадовары должны были знать, на кого они

смотрят. Арис наклонился в трех футах от Галаэрона и Рухи. Хотя великан провел большую часть последних двух дней, потягивая целебные снадобья Шторм Серебряной Руки, он оставался еще слишком слабым, так что Галаэрон предпочел бы, чтобы он не наклонялся над ними.

— Это будет сложнее, чем мы думали, — тихо сказал Арис. — Я все время вижу шадовар.

Галаэрон кивнул. — Посланы следить за нами.

— Так много? — Руха покачала головой. — У шадовар есть более простые способы наблюдения, чем восстановление целого города.

— Что ты знаешь? — рявкнул Галаэрон. — С той информацией, что у меня есть о фаэриммах, Шадовары сделают все, чтобы вернуть меня.

— Я в этом не сомневаюсь, — терпеливо сказала Руха. Она указала на основание почти отстроенной башни, где фундамент был залатан той же темной амальгамой, которая служила раствором в Анклаве Тени. — Они здесь уже давно, — продолжала ведьма. Их цель здесь – сделать Кормир своим союзником, а не найти нас.

Галаэрон оглядел сначала фундамент, потом остальную часть широкой улицы и вынужден был кивнуть. Хотя на первый взгляд город все еще казался грудой обломков, очертания его прежней формы начали вновь появляться. Многие из больших зданий уже поднимались на второй или третий этаж, и в большинстве виднелись следы работы шадовар, если не в известке, то в аккуратной подгонке камней и темного дерева балконов или даже в глубине затененных оконных ниш.

— Ты, конечно, права — сказал Галаэрон, переводя свой гнев с Рухи на Шторм Серебрянную Руку. — Даже Шадовары не смогли бы сделать все это за одну ночь, и Шторм должна была это знать, когда телепортировала нас сюда.

— Скорее всего, — призналась Руха.

— Так зачем же посылать нас? — спросил Галаэрон. — Было бы более разумно телепортировать нас в Глубоководье, а самой явиться в Кормир.

— Возможно, ты сам ответил на свой вопрос, — сказала Руха. — Именно этого и ожидали бы шадовары. Или дела в Глубоководье могут быть сложнее, чем мы думаем. Мне дали понять, что сестра Шторм, Лаэраль, дружит с шадоварами.

— Больше ничего не говори, — проворчал Галаэрон.

Реакция Шторм на него в Анаурохе убедила его, насколько маловероятно, что он сможет убедить кого-либо из Избранных в чем-либо. За то, что он выпустил фаэриммов в мир, они, возможно, простили бы его в конце концов, но за то, что он привел шадовар в мир после них и отправил Эльминстера в Девять Преисподних – никогда.

— Нам лучше рискнуть с кормирцами, — признал Галаэрон.

— Значит, ты признаешь, что Шторм поступила мудро? — спросила Руха.

Галаэрон пожал плечами.

— Откуда мне знать? Но у нее должна быть лучшая надежда в Глубоководье, чем у меня. Лорд Пьергейрон, конечно, не поверит мне на слово больше, чем Лаэраль.

В глазах Рухи появился одобрительный огонек.

— Ты еще можешь это пережить. Я думаю, что ты наконец-то научился контролировать свое «тенивое я».

Она взглянула на пару шадоварских каменотесов, которые остановились, чтобы посмотреть, как они проходят, и добавила:

— Но, возможно, мы привлекли бы меньше внимания, если бы замаскировались и нашли безопасное место, чтобы оставить Ариса.

— На данный момент скорость лучше, чем скрытность — сказал Галаэрон. — Чем скорее мы окажемся во дворце, тем труднее будет Теламонту Тантулу отправить отряд своих лордов-призраков обратно в анклав.

— Хорошо сказано, — согласился Арис, окидывая взглядом недостроенный город. — Кроме того, в радиусе двадцати миль отсюда нет места, где можно спрятать каменного великана.

Это не было преувеличением. Хотя Шторм телепортировала их в поле всего в четверти мили от Арабеля, путь к воротам был достаточно долгим, чтобы засвидетельствовать опустошение, произведенное драконом Налавараутаторил и ее газнетами и орками. Даже через год после ужасной войны на некогда пышных полях не росло ничего, кроме нескольких черных чертополохов и ковров вонючего мха, в то время как огромный лес, который когда-то процветал к югу и западу от города, все еще боролся с первыми тонкими листьями в своем пологе. Несмотря на свое присутствие в Арабеле, шадовары не помогали делу. С таянием Высокого Льда, несущего так много дождя и прохладного воздуха на запад к Глубоководью, устойчивый ветер дул на север через Кормир, неся с собой жару южных земель и духоту Драконьего моря. Если бы зефир, пролетая над королевством, сбросил хотя бы часть своей влаги, перемена погоды могла бы действительно помочь делу. Вместо этого воздух оставался скупым на воду, пока не врезался в северные Штормовые Рога и резко не остывал. В результате королевство переживало самую страшную, самую жаркую, самую ужасную засуху за тысячу лет, в то время как две его самые большие реки, Звездная Вода и Поток Виверны, затопляли свои берега и смывали целые деревни.

Галаэрон был далеко не уверен, что ему удастся добиться аудиенции у правителей королевства, не говоря уже о том, чтобы убедить кормирцев в том, что Анклав Шейдов является причиной их проблем. Но, как и сказала Шторм, они будут жаждать объяснений и готовы выслушать. Все, что ему нужно было сделать, — это передать теневой покров в руки Вангердагаста. После этого королевский волшебник убедится сам.

Они добрались до городского дворца, который, к великому разочарованию Галаэрона, был перестроен со второго этажа из того же жемчужного камня, что и вила Дузари. На вершинах самых высоких шпилей десятки шадоварских полировщиков ползали по башенкам, как пауки, нанося последние штрихи на великолепное здание. К счастью, стражники у дверей все еще носили пурпурного дракона Кормира, иначе Галаэрон решил бы, что шадовары забрали Арабель себе и немедленно бы ушёл. Когда троица поднялась по ступенькам, двое стражников скрестили алебарды перед входом. Сержант, не старше своих товарищей, но с изуродованным шрамами лицом и повязкой на глазу, выступил вперед, чтобы обратиться к ним.

— У вас есть дело к правительнице Мирмин? — требовательно спросил он.

Галаэрон покачал головой.

— У нас дело к принцессе Алусейр и ее волшебнику — сказал он. — Это касается аномальной погоды, от которой Кормир страдает в последнее время.

Сержант, казалось, не слышал последней части его объяснений.

— Это дворец Мирмин Ллал — сказал он. — Стальной Регент держит свой дом и своего волшебника, в Сюзейле.

В голове Галаэрона зазвенели тревожные колокольчики.

— Ты хочешь сказать, что Арабель больше не является частью Кормира?

Сержант прищурил один глаз.

— Я хочу сказать, что если только у тебя нет дела к Мирмин Ллал.

— У нас есть достоверные сведения, что принцесса Алусейр и Вангердагаст находятся внутри, — прервала его Руха. Она вынула из-под халата булавку арфиста и вложила ему в руку. Пожалуйста, передайте это ей вместе с сообщением, что наши жизни может зависеть от быстрой аудиенции, и, возможно, судьба посевного сезона Кормира тоже.

— Арфисты? — Сержант едва взглянул на булавку. — Почему ты сразу не сказала?

Он повернулся и исчез во дворце, но через мгновение вернулся с долговязым человеком с лошадиным лицом, в алом плаще и пурпурном кушаке. Новоприбывший вернул Рухе булавку и махнул рукой, приглашая их войти в грандиозный приемный зал дворца, такой большой, что, наклонившись при входе, даже Арис мог стоять прямо.

— Добро пожаловать. Я Донеф Марлиир, Верховный Страж Ее Величества — сказал мужчина. — Прошу прощения за задержку, но мы научились быть осторожными с информацией о Ее Величестве.

— Мы понимаем, — сказала Руха, возвращая булавку на место. — Я – Руха.

— Да, я знаю, — Донеф широко улыбнулся. Галаэрон проигнорировал его и посмотрел вниз на длинную галерею колонн, где он был разочарован, увидев больше шадовар, чем людей, полирующих и шлифующих.

Даунет продолжал говорить с Рухой.

— Среди Арфистов не так уж много бединских ведьм.

— Только одна, я уверена, — рассмеялась Руха. Она махнула рукой в сторону Галаэрона.

— Это Галаэрон Нихмеду.

Брови Донефа удивленно приподнялись, но он сумел взять себя в руки.

— Рад встрече, Галаэрон. Я слышал о вашей храбрости. — Он протянул руку и по-человечески сжал запястье Галаэрона. — Принц Ривален сказал мне, что его отец очень обеспокоен вашим исчезновением.

— Да, я в этом уверен, — ответил Галаэрон, удивленный холодностью собственного голоса. — У него есть на то веские причины.

Брови Донефа приподнялись, и Руха сказала:

— Это связано с нашим визитом.

Она полуобернулась, чтобы помахать Арису.

— А это...

— Арис из Тысячи Лиц, — закончил Донеф. Он сделал паузу и низко поклонился. — Когда дворец будет закончен, Мирмин собирается выставить одну из твоих работ, «Спуск Армии Теней», здесь, в вестибюле.

— Она знает? — У великана отвисла челюсть. — Как она ее получила?

Донеф восторженно улыбнулся.

— Подарок от принца Ривалена, конечно.

Верховный Страж повел их по величественному боковому коридору к двум хорошо охраняемым двойным дверям, и сердце Галаэрона упало. Он уже видел, что Ривален и его дары завоевали сердца кормирцев, что у него нет никаких шансов завоевать доверие Алусейр. Скоро он либо умрет, либо вернется в анклав, и, увидев, как близко его «теневое я» подошло к тому, чтобы убить Ариса, он понял, что выберет. Он не хотел ничего больше, чем использовать свою теневую магию, чтобы отправить послание Вале и извиниться за то, как он расстался, дать ей понять, что, по крайней мере, в конце концов, он пришел в себя и умер, думая о ней. И еще ему хотелось извиниться перед Такари Лунноснежной за то, что отказался от ее предложения. Он всегда знал на каком-то глубинном уровне, что они были духовной парой, и поэтому предполагал, что она всегда будет с ним, но, когда он решил помочь Вале вместо нее в последней битве против Вулгрета, он ранил ее глубже, чем мог бы любой лич. Он знал, что между ними не может быть ничего, кроме боли. Всю оставшуюся жизнь, когда бы она ни думала о нем, это будет наполнять ее чувством предательства и потери. Как он мог быть таким трусом? Возможно, на его сердце всегда лежала тень из-за страха последовать за ней, потому что, пытаясь избежать собственной боли, он причинял ее другим. Конечно, отец никогда не отворачивался от своих чувств. Он полюбил Моргвейс полностью с того момента, как встретил ее, все годы, что они прожили вместе в Эвереске, и все годы, что она жила отдельно в Высоком Лесу, и, если ее отсутствие причиняло ему боль, их любовь давала ему силы переносить это без горечи или сожаления.

Они подошли к двойным дверям, и их сразу впустили. Арису пришлось сгорбить плечи, чтобы протиснуться через этот вход, но внутри находился официальный зал для аудиенций дворца, с арочным потолком, достаточно высоким, чтобы гигант мог выпрямиться во весь рост, пока шел по центру прохода. На приподнятом троне в дальнем конце сидела поразительная женщина с дубово-кариими глазами и янтарными волосами, положив одну руку на колено и беседуя с огромным шадоваром рядом. Даже если бы Галаэрон не видел золотых глаз и церемониальных клыков этого человека, он узнал бы принца Ривалена по его огромным плечам и узкой талии. Рядом с тронном и немного позади него стоял пожилой, усталого вида человек в просторном одеянии и с длинной белой бородой, который мог быть только королевским волшебником Кормира, Вангердагастом. Рядом с ним стоял последний член маленькой группы, статная женщина с темными волосами и глазами голубыми, как горное озеро. Донеф остановился напротив трона и представил Галаэрона и его спутников, представив женщину на троне как Стального регента Кормира, принцессу Алусейр Обарскир, а ту, что стояла рядом, как Мирмин Ллал, королевскую владычицу Арабеля. Когда ей представили Ариса, глаза Мирмин сверкнули, показав золотые искорки, почти как у эльфа.

— Я большая поклонница вашей работы, мастер Арис.

Она указала на Ривалена, который изучал группу с вымученной улыбкой, и сказала:

— Принц подарил мне «Спуск Армии Теней». Я намерена выставить его на видном месте в вестибюле.

— Это будет честью для меня — сказал Арис с привычной непринужденностью. — Я только надеюсь, что это воздаст должное вашему дворцу.

— Это *сделает* мой дворец — сказала она. — То, как вы передаете ощущение стремительного спуска армии, используя крылья везераба для поддержки анклага, — это чистая магия. Но я нахожу намек на угрозу в том, как всадники расходятся веером внизу, как будто вы находите приход шадовар немного пугающим.

— Вы очень проникательны, миледи.

Арис взглянул в сторону Ривалена, а затем добавил:

— Если бы я сделал ту же самую скульптуру сегодня, в ней было бы больше, чем намека на угрозу.

— Действительно? — Мирмин нахмурилась. — У меня сложилось впечатление, что вы вполне довольны жизнью в городе шейдов.

— Как и мы, — спокойно сказал Ривален, — но мы понимаем, какими темпераментными могут быть художники. Если бы Арис был несчастлив, мы бы с радостью отправили его куда угодно. Ему не нужно было идти в пустыню с этими ворами.

— Не мы воры в этой комнате, — начал Галаэрон, — а Шадовары.

— Мирмин не просила тебя говорить — сказала принцесса Алусейр, поднимая руку, чтобы прервать его. Она подвинулась на краешек стула и обратилась к Ривалену:

— Так что же они украли? — Вангердагаст положил руку ей на плечо. — Принцесса, это дело не имеет никакого отношения к Кормиру.

Алусейр нахмурилась.

— Они сейчас в Кормире, Ванги. — Ее взгляд на мгновение скользнул в сторону Мирмин Ллал, затем снова обратился к принцу Ривалену. — По крайней мере, я думаю, что это все еще Кормир.

— Шейд не признает никаких других притязаний на Арабель, — сказал Ривален, не поддаваясь на приманку, — и мы, конечно, будем очень благодарны, если вы вернете этих воров в Анклав Шейдов для суда Высочайшего.

Алусейр продолжала наблюдать за принцем, и Галаэрон начал понимать, что в Арабеле происходит нечто большее, чем восстановление города. Или, по крайней мере, этого опасалась Стальной Регент.

— Должна ли я спросить еще раз, принц? — спросила Алусейр. — Что они украли?

Ривален на мгновение заколебался, затем указал на темное одеяло, накинутое на плечо Ариса.

— Начнем с теневого покрывала. А еще летающий диск и везераб... это то о чем мне известно.

Алусейр посмотрела на Руху.

— Это правда?

— По своей сути — сказала она. — Я не была...

— На самом деле, — настаивал Ривален. — Вы все были частью плана с самого начала. Малик во всем признался.

— Малик? — спросила Алусейр. — Может быть, это Малик эль Сами ин Насер, Серафим Лжи?

— Ривален кивнул. — Презренный маленький человек, но хорошо известно, что проклятие Мистры не позволяет ему лгать. — Он посмотрел в сторону Галаэрона и усмехнулся. — Он был с Галаэроном, когда мы спасли его отряд из Страшного Леса. Мы должны были принять это как намек на то, чего ожидать, когда поймем, кто он.

— Действительно, — сказал Вангердагаст. — Я удивлен, что вы этого не сделали. Малик был схвачен при побеге?

— Это был не побег, — уточнил Ривален. — Пока они не начали воровать, они могли уйти в любое время.

— Принцесса Алусейр, — сказала Руха, — если вы позволите ...

— Я не позволю, — сказала Алусейр, поднимая руку, чтобы заставить ведьму замолчать. — Говорит принц.

Лицо Рухи вытянулось, и Галаэрон понял, что она чувствует себя так же безнадежно, как и он. Он поймал ее взгляд и ободряюще улыбнулся. Невозможно было разглядеть, как она реагирует под своей вуалью. Когда Ривален не стал продолжать, Алусейр спросила:

— Вам есть что добавить, принц? Может быть, они убили кого-то во время побега? — Ривален на мгновение задумался, потом покачал головой.

— Были некоторые травмы, но только у Малика, и он выжил. Их единственным преступлением в Анклаве Шейдов было воровство. Всевышний будет благодарен, когда они вернутся, чтобы ответить за это.

— Конечно, — сказала Алусейр. Она повернулась к Рухе. — Ты хочешь что-нибудь сказать, прежде чем я верну тебя принцу?

— Только то, что было бы ошибкой делать это в такой спешке. — Руха посмотрела на Мирмин Ллал, ища поддержки, а затем опустила плечи, когда правительница отвела взгляд. Повернувшись к Алусейр, она начала:

— Даю слово Арфиста.

— Если позволите, — прервал Галаэрон. Даже в Эвереске он достаточно насмотрелся на политику, чтобы понять, что истина редко была самой ценной валютой в подобных дискуссиях. Обращаясь непосредственно к Алусейр, он сказал: — Дары шадовар имеют свою цену.

— Каждый дар имеет свою цену, — парировала Алусейр. — Если ты собираешься тратить время короны на такую ерунду, я отрежу тебе язык, прежде чем верну тебя Ривалену. Уверенность, бывшая у Галаэрона мгновением раньше, исчезла. Он правильно оценил ситуацию, он был уверен в этом больше, чем, когда-либо, но он не мог предвидеть, насколько проницательна на самом деле Стальной Регент и как быстро приходит в ярость, когда она думает, что ею манипулируют. Он сглотнул и попробовал снова.

— Цена этого дара выше, чем вы думаете. — Галаэрон украдкой взглянул на Ривалена, который поймал его взгляд и насмешливым жестом попросил продолжать. — Это он сделал. Засухи и наводнения, от которых страдает Кормир – дело рук шадовар.

Мирмин и Донеф громко вздохнули, а Вангердагаст выглядел так, словно изо всех сил старался не рассмеяться. Алусейр перевела взгляд на принца Ривалена.

— Ну, принц, что вы на это скажете? — Ривален закатил золотистые глаза. — Я не считаю нужным что-либо говорить.

— Это правда — настаивал Галаэрон. Вы, конечно, слышали о бедах на Побережье Меча? Шадовары растапливают Высокий Лед. Это влияет на погоду по всему Фазруну.

— Растапливают Высокий Лед? — Вангердагаст усмехнулся. — Такое мощное огненное заклинание не было записано даже в книге заклинаний Азута.

— Они не используют заклинание, они используют это, — Галаэрон указал на теневой покров, висящий на плече Ариса. Они растилают их повсюду...

— Принцесса Алусейр — перебил Ривален. — Мне больно видеть, как этот вор тратит время короны на подобную чепуху. Если вы позволите мне вызвать нескольких моих лордов...

— Еще только минуту — сказала Алусейр, приподняв бровь, услышав нотку беспокойства в голосе принца. — Закон Кормира требует, чтобы обвиняемым было позволено говорить, прежде чем я смогу передать их вам.

Принцесса кивком указала Вангердагасту на одеяло, и Галаэрон с облегчением вздохнул, когда старик вышел из-за ее спины. Арис услужливо расстелил одеяло и опустил его так, чтобы Вангердагаст мог дотянуться до него, повернув самую темную сторону к окну, чтобы оно впитывало солнечный жар. Волшебник провел рукой сначала по одной стороне поверхности, потом по другой, и по тому, как расширились его глаза, стало ясно, что он заметил, как эффективно она улавливает тепло.

Галаэрон взглянул на Ривалена и увидел, что золотые глаза принца впились в его лицо. В этот момент он понял, что преуспел, и принц тоже это понял. Если бы не знание, которое Мелегонт спрятал в его голове, Галаэрон не сомневался, что Ривален убил бы его на месте и скрылся в тенях. Как бы то ни было, у принца не было другого выбора, кроме как продолжить еще немного играть в эту игру. Через некоторое время Вангердагаст достал из-под мантии волшебную палочку и помахал ею над теневым покровом, затем положил ее обратно и повторил процесс еще три раза. Наконец он отступил, сложил руки за спиной и ничего не сказал. Прошла целая минута, прежде чем Алусейр прорычала:

— Ну?

Вангердагаст подскочил, словно она пробудила его от сна, и огляделся с тревожным выражением растерянности на лице.

— Что ну? — спросил королевский маг. — Алусейр кивнула на темное одеяло.

— Теневой покров — подсказала она. — Может ли он сделать то, о чем утверждает эльф?

Вангердагаст повернулся и посмотрел на одеяло так, словно видел его впервые, потом пожал плечами и отвернулся.

— Откуда мне знать? Я не понимаю теневой магии.

Единственное, что упало ниже выражения лица Алусейр, было сердце Галаэрона.

— Что тут понимать? — воскликнул Галаэрон, шагнув к трону. — Просто положи руку...

— Хватит, эльф, — сказал Донеф Марлиир, хватая Галаэрона за руку и прижимая острие кинжала к его ребрам. — Вы сказали свое слово.

Ривален сверкнул клыками в сторону Галаэрона, затем повернулся к Алусейр. — Если они сказали свое слово, принцесса, я позову своих лордов.

Алусейр подняла руку в знак согласия, пока Вангердагаст не произнес коротко:
— Хм.

Наконец, не в силах сдержаться, Ривален повернулся к волшебнику.

— Что теперь?

Вангердагаст одарил его искусственной улыбкой. Не из-за чего расстраиваться, простая формальность, на самом деле, — сказал он, поворачиваясь к Алусейр, — но закон требует должного уважения к любому, кто ищет суда перед короной.

Алусейр в замешательстве нахмурилась.

— И что?

— *Это* не должное внимание — объяснил волшебник. — Для него ты должна обдумать все за одну ночь.

— Она должна? — озадаченно спросила Мирмин. — Где это написано?

— В *Верховенстве Закона*, конечно — сказала Алусейр, как-то сразу улыбнувшись Вангердагасту и нахмурившись Мирмин.

— Ты хочешь сказать, что один из Лордов Короля не знает ее Илтарла?

Лицо Мирмин вытянулось.

— Нет, э-э, конечно, нет, — пробормотала она, нахмурившись. Я просто не учла, что этот отрывок применим к данной ситуации.

— Ну, это так — сказала Алусейр. Она повернулась к Ривалену. — Мне очень жаль, принц Ривален, но вам придется подождать до утра. Вы же понимаете – законы могут быть такими надоедливыми вещами.

— Да, разве они не могут? — Ривален слегка улыбнулся и склонил голову. — Надеюсь, у вас есть *безопасные* помещения.

— О, *очень* безопасные. — Алусейр посмотрела на своего Верховного Стража и сказала:

— Донеф, проследи, чтобы этих пленников поместили в цитадель, и посадили их в глубокую темницу. Когда принц Ривален придет за ними утром, я хочу, чтобы они были там.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

21 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

Уходя, Вала стерла со стены охраняющий символ, вынырнула из крошечного логова и, пригнувшись, побежала вниз по древней канализации. Узел размером с кулак пульсировал на ее бедре, а сама рана сочилась ровным потоком горячей жидкости. К счастью, причина травмы Валы умерла, не отложив яйцо. Она нашла эту штуку в хвосте фаэримма, когда отрезала шип, чтобы пополнить свою коллекцию. После того, как магия левитации, наконец, закончилась, она упала на мертвое

существо и должна была ждать, пока парализующий яд пройдет. Если бы яйцо было отложено в нее, она все еще лежала бы на мертвом фаэримме, уткнувшись лицом в его внутренности.

А Валу просто так лихорадило, что о том, чтобы догнать свою добычу, не могло быть и речи. Ей потребовалась вся ее сила, чтобы, прихрамывая, неуклюже сгорбившись, идти по туннелю и не забрызгать повязку мутной жидкостью, застывшей на дне. Хотя канализация не использовалась по назначению в течение шести столетий, наполнявшая ее грязь была порождением постоянной смерти и разложения и воняла еще ужаснее, чем отбросы, которые она должна была терпеть. Вала подошла к букве «Т» в коридоре и, пройдя десять шагов по правой ветке, заметила короткий шипастый хвост, исчезающий за углом. Вала шагнула в устье противоположной развилки и задела плечом и рукой грязную стену, оставив широкий след в плесени, затем отступила назад к перекрестку и прижалась спиной к стене. Предсказав, что маленький фаэримм побежит вправо, Коринеус ждал в сотне шагов вверх по туннелю, готовый загнать тварь обратно в ее логово. Вала предпочла бы загнать шипастого в засаду баэлнорна, но его аура холода не позволяла ему застать кого-либо врасплох в подземелье.

Треск и грохот приближающейся битвы заклинаний возвестили о возвращении фаэримма. Вала поцеловала клинок своего темного меча и произнесла молитву за своего сына на случай, если Темпус решит взять ее в этом почетном месте, затем застыла, держа оружие наготове рядом с перекрестком. Через несколько мгновений из устья туннеля вырвался яркий оранжевый свет, ослепив Валу и обжигая ее кожу. Она отвернулась, подняв свободную руку, чтобы прикрыть лицо, когда потрескивающий шар пламени с шипением пронесся мимо и исчез в противоположном проходе.

Вала открыла глаза и увидела только хлопающие оранжевые круги. Фаэримм мог быть в трех дюймах от ее лица, готовясь вонзить свой хвост в ее горло, или он мог прятаться в десяти футах выше по коридору, ожидая увидеть, что же его магия ему вынесет. Догадавшись, что фаэримм немного отстал от своего заклинания, она отсчитала три секунды, опустила меч и ударила во что-то твердое.

Свирепый порыв ветра пронесся по канализации и почти мгновенно стих. Когда меч Вала упал и коснулся пола, и она обнаружила, что все еще жива, она сделала вывод, что, по крайней мере, попала в эту штуку, и начала наугад рубить по перекрестку, выводя своим клинком слепую защиту в виде восьмерки и пытаясь сморгнуть оранжевые пятна с глаз.

— Ты убила фаэримма — сказал Коринеус из коридора. — Ты пытаешься убить его призрака, или я тебе больше не нужен, потому что мы уничтожили последнего?

— Он мертв? — Вала перестала тыкать, но не вернула меч в ножны. Фаэриммы были хитрыми созданиями, и даже если шлем шадовар защитит ее от контроля разума, ему будет легко использовать свою магию, чтобы выдать себя за баэлнорна. — Ты уверен?

— Я уверен. — Ледяная рука схватила ее и направила темный меч обратно в ножны. — Убери это. У меня есть кое-что, что я хочу тебе дать.

Вала вложила оружие в ножны, уверенная в личности баэлнорна. Она так привыкла к его холодной ауре, что почти не замечала ее, пока он не взял ее за руку.

— Ты должен сказать мне, что, — сказала она. — Боюсь, мои глаза все еще немного ослеплены этим огненным шаром.

— Это сокровище из Миф Драннора.

Коринеус надел ей на палец кольцо, и она увидела его, не увядшего баэлнора, которого она узнала во время испытаний в Иритлиуме, а высокого солнечного эльфа с золотыми крапинками в глазах и длинной гривой шелковистых рыжих волос.

— Когда ты наденешь его таким образом, — сказал эльф, — ты увидишь вещи такими, какие они есть на самом деле. — Он повернул кольцо на четверть оборота, и зрение Вала вернулось в норму – то есть она ничего не видела, поскольку ее рука не лежала на темном мече.

— Когда ты наденешь его таким образом, никто не узнает, что ты его носишь, — он повернул его еще на четверть оборота. — И когда ты наденешь его так, никто не увидит тебя. — Коринеус попытался убрать свою ледяную руку, но Вала поймала ее.

— Ты же знаешь, что я убила фаэриммов по своим собственным причинам, — сказала она. — Нет необходимости дарить мне подарок.

— Думаю, да, Вала Торсдоттер. Коринеус высвободил свои руки и отступил. — Я немного видел будущее, пока мы были вместе.

Холодная аура начала быстро исчезать. Вала повернула кольцо и увидела мертвого фаэримма, плавающего в воде в виде двух половинок, каждая из которых была не длиннее ее руки. Она отодвинула их в сторону и взгляделась в туннель, из которого он вышел, где благородная фигура Коринеуса уходила в темноту.

— Спасибо тебе, Коринеус! — Крикнула она ему вслед, — и не только за кольцо.

Кориней повернул голову на плечах и широко улыбнулся ей, напомнив радостную улыбку Галаэрона, которая была у него когда-то.

— Спасибо тебе, Вала Торсдоттер — сказал он, — и не только за то, что ты убила фаэриммов.

Что касается подземелий, то подземелье под Цитаделью в Арабеле было лучше большинства – определенно лучше, чем тесные камеры Стражи Гробниц Эверески, где разрушителей склепов заставляли стоять на коленях с руками, запертыми в колодки, и кляпами во рту. Здесь Галаэрон и Руха сидели бок о бок в камерах, а Арис был прикован к стене в комнате для допросов снаружи. Крыс не было, только типичные для человека нашествия блох и вшей. Если не считать едкого запаха гарного масла, использовавшегося в настенных светильниках, здесь даже пахло не так уж плохо. И здесь было безопасно.

Арис полночи скреб раствор вокруг своих цепных креплений и не сделал ничего, кроме того, что расцарапал в кровь кончики пальцев. Руха испробовала с полдюжины заклинаний, но как только магия покидала ее руки, она тут же развеивалась. Галаэрон пинал задвижку своей двери до тех пор, пока сверху не донесся зловещий грохот, и он, подняв глаза, понял, что потолок камеры представляет собой набор сцепленных блоков, а замковый камень опирается на тот же самый косяк, который он пинал.

Опасаясь, что необдуманные попытки могут стоить ему жизни, он вообще отказался от попыток сбежать из камеры.

Галаэрон прижался лицом к решетке и напрягся, чтобы увидеть, есть ли кто-нибудь на посту охраны, который располагался в конце ряда камер, куда было почти невозможно заглянуть изнутри. Он видел пляшущие на стенах отблески пламени, но никаких теней, указывающих на то, что кто-то стоит или движется.

— Там никого нет, — прошипел Арис, его шепот был таким же громким, как шум ветра в деревьях. — Последняя проверка была около часа назад.

— Эти кормирцы уверены в своих подземельях, не так ли? — спросил Галаэрон.

— У них есть для этого все основания — сказала Руха из угла своей камеры. — Я больше не слышу, как ты брыкаешься, а антимагическая защита победила все, что я пыталась.

— Тогда у нас действительно нет выбора, верно? — Галаэрон отступил от двери и, надеясь, что стражники пропустили несколько нитей теневого шелка, когда обыскивали его, начал рыться в карманах плаща. — Я могу вытащить нас отсюда.

Глаза Ариса стали круглыми и встревоженными.

— Как?

— Их антимагическая защита не остановит тeneвую магию, — сказал он, — и поскольку Ривалену не пришло в голову возвести свою собственную...

— Галаэрон, нет, — сказала Руха. — Слишком рискованно тебе накладывать еще одно тeneвое заклинание.

— Что слишком рискованно, так это ждать здесь Ривалена. Он нашел прядь теневого шелка и начал завязывать ее в замкнутую петлю. — Я вытащу нас отсюда одним заклинанием.

— И что потом? спросил Арис. — Подождать, пока мы снова не решимся на тебя рассчитывать, а потом позволить твоей тени убить нас всех?

Галаэрон перестал связывать и оглядел комнату.

— Я сожалею о Сайяддаре, Арис, искренне сожалею. Если бы я позволил тебе сбросить тeneвой покров, ты бы не так рвался к воде...

— И тебе нечего было бы показать Шторм, — перебил его Арис. — Дело не в том, что ты сделал, мой друг, а в том, *почему*. Когда твое «тeneвое я» берет контроль, ты теряешь из виду то, что правильно, и думаешь только о мести.

— Я имею на это право, — сказал Галаэрон, начиная раздражаться от поучений великана. — Теламонт пытался вызвать мою тень, а Эсканор ... Ладно, вообще забудь об Эсканоре.

— Ты собирался сказать, что Эсканор украл Валу — сказал Арис, — но ты же знаешь, что это не так. Ты же знаешь, что сам прогнал ее.

— Ты прав, — ответил Галаэрон, — но теперь я это вижу. Я все контролирую.

Несмотря на признание, Галаэрон снова принялся завязывать шелк теней. Арис обменялся обеспокоенными взглядами с Рухой, и ведьма просунула руку сквозь решетку, чтобы схватить Галаэрона за руку.

— Ты сейчас не контролируешь ситуацию, Галаэрон — сказала Руха. — Твоя тень пытается соблазнить тебя на еще одну ошибку.

Она скользнула рукой вниз к его руке и попыталась осторожно вырвать шелк тени из его пальцев. Он держал крепко.

— Шторм придет помощь — сказала Руха. — Я рассказала ей о наших бедах.

Галаэрон начал было спрашивать, как она могла передать сообщение через магическую охрану, но ответил на свой собственный вопрос, когда вспомнил, что защита была сделана из магии Плетения. Поскольку Шторм была одной из Избранных, Рухе достаточно было произнести ее имя, и Плетение донесло бы следующие несколько слов прямо до ее уха – никаких заклинаний не требовалось.

— Чего она, однако, не сделала, так это *не* дала ответа. Ты знаешь, что она придет? — спросил Галаэрон. — Ты знаешь это наверняка?

Глаза Рухи не отрывались от его глаз.

— Нет, но разумнее доверять ей, чем верить, что ты можешь управлять своей тенью, когда она так явно управляет тобой. В данный момент я предпочла бы отдать свою жизнь в руки Малика.

Откровенных слов ведьмы было достаточно, чтобы напомнить Галаэрону о его раскаянии после того, как Арис был ранен, и заставить его понять, что он только использовал их ситуацию как предлог, чтобы наложить заклинание и почувствовать прохладную магию тени, проносающуюся через его тело. Это было почти физическое ощущение, как жажда и тоска по воде или усталость и тоска по сну, и это было так же трудно отрицать. Теневое Плетение всегда было рядом, в пределах легкой досягаемости, приглашая его протянуть руку и прикоснуться к нему.

Галаэрон отпустил прядь теневого шелка, затем посмотрел, как Руха скатала ее в крошечный шарик и бросила к пламени лампы. Она промахнулась, но комок отскочил от стены, упал в темноту и пропал.

— Ты знаешь, что случится, если Ривален заберет меня обратно в Тень? — спросил Галаэрон, обращаясь одновременно к Рухе и Арису. — Я не смогу помешать Теламонту вывести мою тень. Было бы лучше вытащить нас отсюда и позволить этому случиться сейчас, когда вы двое все еще можете что-то сделать.

— Только дурак может считать нас способными на это — сказал Арис. — Твоя тень все еще искушает тебя, Галаэрон. Если ты уступишь ей, хотя бы на минуту, мы пропали.

— Доверься Шторм — настаивала Руха. — И я умру первой, если нас вернут в анклав.

Галаэрон знал, что это правда. Талант Ариса, вероятно, купил бы ему жизнь, по крайней мере, если бы он смог найти в себе силы продолжать лепить. Сам Галаэрон будет сохранен живым и испорченным и, возможно, в конце концов, найдет способ преодолеть свою тень, но Руха не могла предложить шадоварам ничего, кроме неприятностей. Допрос, который последовал за возвращением троицы, показал бы, что она была агентом Избранных, если Теламонт уже не знал об этом, и Галаэрон даже не хотел думать о судьбе, которая ожидала шпионов в Анклаве Шейдов.

Галаэрон кивнул и сказал:

— Очень хорошо. Он отошел от решетки и сел на каменную скамью, служившую ему койкой. — Если ты хочешь верить, что Шторм спасет нас, то и я тоже.

— Но так ли это? — спросил Арис. — Ты должен пообещать, что больше не будешь использовать магию теней, даже если это будет означать нашу смерть.

— Галаэрон покачал головой. — Я могу только пообещать, что постараюсь.

— Это вовсе не обещание — возразила Руха. — Пытаться легко. Делать – трудно.

Галаэрон отвел взгляд. Он уже однажды нарушил это обещание, поэтому знал, как трудно будет его сдержать, даже труднее, чем в прошлый раз, возможно, невозможно, но Руха была права. Попытаться было легко, а делать то, что было легко, с самого начала вело его все глубже к катастрофе. Он пробил брешь в Стене Шарнов и освободил фаэримма, когда приказал своему патрулю атаковать магическими стрелами вместо мечей. Он позволил своей тени проникнуть внутрь себя, когда проигнорировал предупреждение Мелегонта и использовал больше теневой магии, чем у него было сил контролировать. Он выпустил Шадовар на Фаэрун, когда принес их летающий город в мир, чтобы спасти Эвереску от фаэриммов. Он потерял Валу, когда был достаточно глуп, чтобы поверить, что Теламонт Тантул научит его контролировать свою тень. И он едва не потерял своего самого близкого друга в погоне за легкой мстостью. Пришло время начать делать самое трудное.

Галаэрон оглядел комнату для допросов и сказал:

— Даю слово Стража Гробницы, что никогда больше не буду пользоваться теневой магией.

Арис коротко кивнул. — Хорошо, тогда ты уже победил Шадовар.

— Поражение еще впереди — сказала Руха, — но это только начало.

Она вернулась на свою скамью, и они снова погрузились в молчание. Арис снова принялся дергать цепи и скрести известку вокруг креплений. Руха и Галаэрон пытались придумать какой-нибудь способ побега, который не включал бы использование теневой магии. Чуть позже вошли двое ночных часовых и сели за стол на посту охраны. Постоянные спутники этой ночи и, без сомнения, многих других, они обменялись несколькими несвежими словами в нерешительной попытке не заснуть, а затем захрапели с разницей в несколько мгновений друг от друга. Галаэрон не удивился. Скука всегда была проклятием стража, и особенно сильным оно будет в подземелье, где побег казался такой отдаленной возможностью. Четверть часа спустя храп прекратился. Пара бронированных тел с лязгом упала на пол, и глаза Ариса расширились. Галаэрон прижался к решетке и посмотрел в сторону караульного поста. Часовые лежали, раскинув ноги, окруженные кругом мрака, который мог быть кровью или тенью, без темного зрения невозможно было определить, чем именно. Ривален и полдюжины шадоварских лордов вышли из тени позади них.

У Галаэрона пересохло в горле. Момент наступил раньше, чем он ожидал, но он знал, что искушение будет таким же утром, или в любое другое время. Его тело изрядно болело от желания произнести заклинание. Он чувствовал лихорадку, пустоту и жажду ощущения прохлады Теневого Плетения, но даже если не считать его обещания, было уже слишком поздно. Он никогда не мог надеяться превзойти Ривалена в магическом поединке. Тем не менее, когда их глаза встретились, Галаэрон сохранял спокойное самообладание и небрежно наклонил голову.

— Довольно рано, не так ли? — спросил эльф.

— Я устал ждать тебя.

Ривален жестом подозвал троих воинов к Арису и еще двоих к Рухе, а затем велел последнему сопровождать его в камеру Галаэрона.

— На самом деле, — сказал принц, — я уже начал опасаться, что ты нашел какой-то другой способ покинуть подземелье, кроме магии теней.

Галаэрон покачал головой. — Нет, просто перестал пользоваться ею.

— Ривален недоверчиво ухмыльнулся. — Ну конечно.

Он подошел к двери Галаэрона и некоторое время изучал его камеру, затем жестом указал ему на заднюю часть.

— Если не возражаешь, встань на колени. Галаэрон сделал так, как просил принц, хотя и позаботился поджать под себя пальцы ног, чтобы быстро вскочить. Чтобы не позволить своему взгляду блуждать по замковому камню в потолке и не выдать свой план, он не сводил глаз с Ривалена.

— К чему такая спешка? — он спросил. — Еще несколько часов, и тебе не придется нас похищать.

Принц достал из кармана плаща отмычки и опустился на колени перед дверью. Еще несколько часов, и ты бы сбежал и оказался в другом королевстве, предавая Высочайшего кому-то другому.

— Вообще-то нет — сказал Галаэрон, — но я понимаю твою точку зрения.

Он замолчал и позволил принцу работать. На другой стороне комнаты для допросов сопровождающие Ариса закончили связывать его запястья и лодыжки теневой линией и приступили к работе над цепями, привязывающими его к стене. Гигант продолжал дергать руками и ногами, усложняя их задачу до такой степени, что один из них вытащил свой меч.

— Арис, не поранься, — приказал Галаэрон. Он начал понимать, как помочь Арису и Рухе сбежать, но ему нужно было освободить великана от цепей. — Оно того не стоит.

— Да, ты должен быть осторожен с этими руками, — крикнул Ривален, все еще работая над замком Галаэрона. — Высочайший ценит их почти так же высоко, как секреты, которые Галаэрон вынес из разума Мелегонта.

Сопровождающим Рухи удалось открыть ее камеру и жестом приказать ведьме выйти. Подойдя к двери, она оглянулась через плечо и подняла бровь.

— По крайней мере, ты будешь в том же городе, что и Малик, — сказал Галаэрон, кивком приглашая ее в комнату для допросов. — Если предположить, что он еще жив.

— Да, это так — сказал Ривален. — Предав твой план, он стал любимцем Высочайшего.

Замки в кандалах Галаэрона со щелчком открылись. Принц улыбнулся и убрал отмычки. Галаэрон вскочил на ноги и бросился на дверной косяк со всей силой, на какую был способен за два шага.

— Беги! — крикнул он. Спаси свою...

Принц махнул ему темной рукой, и Галаэрон врезался в заднюю стенку камеры с такой силой, что у него перехватило дыхание. Он соскользнул на полпути вниз по стене, а затем обнаружил, что выплывает за дверь, все еще задыхаясь.

— Неужели ты думал, что я не замечу ловушки? — спросил Ривален. Он держал Галаэрона подвешенным перед собой. — Ты не только неблагодарен, но и глуп. Если ты еще раз выкинешь какую-нибудь глупость, Велук перережет ведьме горло.

Один из сопровождающих Рухи прижал к ее горлу остекленевшее лезвие кинжала, а помощник Ривалена начал связывать Галаэрону запястья.

— У вас, шадовар, странное чувство благодарности, — сказал Галаэрон. — Если ты думаешь, что я помогу тебе уничтожить Фаэрун, чтобы спасти Эвереску, ты ошибаешься.

— Твое мышление изменится, — заверил его Ривален. — И у нас нет желания уничтожать Фаэрун.

— Тогда твои желания отличаются от твоих действий, — сказала Руха, игнорируя нож у своего горла. — Ты сам видел, что таяние Высокого Льда делает с Побережьем Мечей и с Сердцеземьем. Вы лишаете существования целые народы.

— Семнадцать веков шадовары голодали, и мы терпели, — парировал Ривален. — Если королевства Фаэруна слишком слабы, чтобы пережить несколько десятилетий голода, чтобы незересские земли могли снова стать плодородными, то им и не суждено продержаться долго.

— Я бы с этим не согласилась — произнес знакомый – и очень сердитый – женский голос. — Как и Глубоководье, Серебристая Луна, Долины и даже Тэй, я уверена.

Страшный лязг наполнил подземелье, когда из противоположной стены комнаты для допросов буквально вышла целая компания Пурпурных Драконов, за которыми следовали Алусейр Обарскир, Вангердагаст и Донеф Марлиир. Галаэрон был почти смущен, осознав, что он смотрел на иллюзию всю ночь, не осознавая этого.

Галаэрон посмотрел на Руху, и она покачала головой. Вопрос оставался без ответа. Ее уверенность в Шторм была вызвана не тем, что она знала, что за ними следят. Алусейр повернулась к жилистому жрецу, который последовал за ней из стены, и жестом указала на двух часовых, лежащих на полу у поста охраны.

— Овден, — сказала она, — ты не против?...

— Конечно, принцесса.

Жрец поспешил прочь. Алусейр, одетая в полный комплект потрепанных пластинчатых доспехов, с лязгом прошла через комнату для допросов к тому месту, где стоял Ривален.

— Будьте добры, принц, вернуть пленников в камеры — сказала она, указывая на Галаэрона и Руху. — Утро еще не наступило.

Ривален оглядел комнату и, обнаружив несколько десятков арбалетов, не совсем направленных в его сторону, казалось, растерялся. Он поклонился, но не отдал приказа, очевидно, решив, что, поскольку он еще не подвергся нападению, Алусейр либо не слышала всего, что он сказал, либо не сочла это оправданием.

— Прошу прощения, ваше величество, — сказал он. — Я не хотел быть самонадеянным, но, опасаясь, что эльф воспользуется своей теневой магией, чтобы сбежать, я поручил некоторым из моих лордов следить за их тюрьмой.

Алусейр ничего не ответила и посмотрела на пост охраны, где тот, кого она назвала Овденом, стоял на коленях над упавшими часовыми. Он поднял глаза и покачал головой.

Ривален поспешил оправдаться.

— Как оказалось, моя осторожность была вполне оправдана. Мы заметили завиток теней снаружи и последовали за ним в эту темницу. — Он махнул рукой в сторону павших стражников. — Увы, мы опоздали спасти ваших людей, но мы захватили эльфа и его сообщников, когда они пытались уйти.

— Это ложь! — прогремел Арис. Мы были...

Вангердагаст сделал движение, и губы гиганта продолжали беззвучно шевелиться. Арис нахмурился и отрицательно покачал головой. Если Алусейр и

заметила это, то не обратила на него никакого внимания и сосредоточилась на Ривалене.

— Кормир благодарен вам за бдительность — сказала принцесса, — но пленников еще не вернули в камеры.

Сопровождающие Рухи начали возвращать ее в камеру. Ривален рывкнул им что-то на древнем незересском, что заставило их остановиться, а затем с улыбкой повернулся к Алусейр.

— Близится рассвет, принцесса. Учитывая, как близко заключенные уже подошли к побегу, мы, конечно, можем украсть несколько часов ночи.

Вангердагаст нахмурился и заковылял вперед.

— В Кормире закон действует иначе, принц Ривален. — Он указал древним кривым пальцем сквозь решетку за спиной Галаэрона. — Снимите ваши путы и верните заключенных в камеры. Или займите их место.

Золотые глаза Ривалена вспыхнули почти белым огнем от этой угрозы. Он усмехнулся старому волшебнику, затем повернулся к Алусейр.

— Если таково желание короны, то, конечно, мы подчинимся.

Вангердагаст указал змееподобным пальцем на стражников Рухи, произнес магическое слово, и двух лордов швырнуло в заднюю стену камеры с такой силой, что они разбили свои черные доспехи и остались лежать на полу.

— Корона уже высказала свое желание, — сказала Алусейр, жестом приказав отряду Пурпурных Драконов окружить Ривалена и остальных. — Ты развяжешь пленников, принц?

Ривален заколебался, и Галаэрон почувствовал, как холодная магия Теневого Плетения набирает силу, когда принц приготовился нести его в анклав.

— Продолжай, Ривален — сказал он. — Похить меня сейчас, и весь Фаэрун узнает, что я говорю правду.

Волна холодной магии исчезла, и Галаэрон тут же пожалел о своих словах. Еще секунда, и он снова оказался бы в Анклаве Шейдов, не имея другого выбора, кроме как погрузиться в тень. Путы сами собой сорвались с рук Галаэрона, и Ривален толкнул его в дверь камеры с такой силой, что тот отлетел от дальней стены и упал на пол.

— Вы отдадите нам пленников на рассвете.

Хотя Ривален попытался сформулировать это как приказ, а не как просьбу, сам факт того, что он сказал это, делало вопрос неявным.

— Высочайшему было бы трудно понять, почему друг укрывает беглецов от его правосудия.

— Он стал бы?

Алусейр кивнула, и Вангердагаст сделал движение скрюченным пальцем. Двери захлопнулись, заперев Галаэрона в его камере и двух шадовар в соседней. Пурпурные Драконы увели Руху и встали между Арисом и шадоваром, который держал его в плену.

Алусейр смотрела, как Ривален наблюдает за этим, а затем сказала:

— Но он поймёт, что он позволил своим друзьям голодать.

Она холодно улыбнулась ему, а затем повторила его прежние слова.

— В конце концов, если королевства Фаэруна слишком слабы, чтобы пережить несколько десятилетий голода, им не суждено продержаться долго.

Лицо Ривалена так потемнело, что почти исчезло.

— Ваше величество, чтобы понять любой комментарий, вы должны знать контекст.

— Полагаю, это правда. — Алусейр шагнула к принцу, ее поза больше походила на воина, бросающего вызов другому, чем на властелина, доставляющего послание. — Значит, шадовары не растапливают Высокий Лед?

Ривален бросил пренебрежительный взгляд в сторону Галаэрона, затем сказал: — Принцесса наверняка знает, что в каждом королевстве есть недовольные. Слова недовольного эльфа не делают это правдой.

— Это не ответ, — настаивала Алусейр. — Ответственны ли шадовары за изменение погоды Фаэруна или нет?

— Мы, ваше величество? — Ривален ахнул. — Мы всего лишь один город.

— Незересский город, а незересские города делали и похуже, — сказала Алусейр, без сомнения имея в виду гордыню, которая привела к падению богини Мистры и навсегда изменила само Плетение. Она повернула голову через плечо и позвала:

— Мирмин, ты видела достаточно?

— Да, ваше величество. — Мирмин Ллал шагнула сквозь иллюзорную стену, ведя с собой полдюжины арабельских дворян, несущих теневой покров, конфискованный у Галаэрона и его спутников. Она приказала дворянам бросить одеяло к ногам принца.

— Это украденная собственность Анклава Шейдов — сказала она. — Вы и остальные шадовары в Арабеле можете вернуть его вашему отцу с моими наилучшими пожеланиями.

— Я не понимаю, — сказал Ривален, оттягивая время, чтобы подумать. — Вы приказываете нам покинуть город?

— Я приказываю вам покинуть Арабель, и весь Кормир, вам и всем шадоварам, — пояснила Алусейр. — Вам здесь не будут рады, пока вы не прекратите таяние Высокого Льда.

— Вы отберете у нас то, что принадлежит нам по праву рождения? — ахнул Ривален, меняя тактику, как только стало ясно, что его ложь раскрыта. — По какому праву вы смеете?

Не стоило говорить этого Алусейр Обарскир. Она шагнула вперед, пока не оказалась нос к носу с огромным шадоваром.

— По праву закона и по праву оружия.

Она втолкнула его обратно в клетку Галаэрона, затем повернулась к Донефу Марлииру и махнула рукой двум шадоварам, запертым в клетке, которая раньше принадлежала Рухе.

— Это те, кто убил наших стражников?

Донеф пожал плечами.

— Возможно, Ваше Величество. Этих шадовар трудно отличить друг от друга.

— Ну, это не имеет значения — сказала она. — Они, по крайней мере, причастны к смерти двух наших стражников. Казнить их.

— Есть, ваше величество.

Ривален открыл было рот, чтобы возразить, но Донеф уже опустил руку. Две дюжины арбалетов лязгнули, засыпав двух шадовар внутри железными болтами. Оба воина упали без крика, их лица и шеи были усеяны точно прицеленными болтами.

Алусейр повернулась к Ривалену.

— Полагаю, это проясняет нашу позицию, не так ли?

Прихрамывая, Вала вышла из затененного входа в Иритлиум и обнаружила принца Эсканора, стоящего с полным отрядом шадовар в заросшем деревьями дворе. Их доспехи были застегнуты, а стеклянные мечи – наготове. Они были разделены на отряды по дюжине человек, каждым из которых командовал клыкастый повелитель теней.

Когда Вала приблизилась, удивленный, или, возможно, облегченный, ропот пробежал по их рядам, и кончики их мечей начали опускаться к земле. Приподняв бровь от неожиданного приема, она проверила кольцо, которое дал ей Коринеус, чтобы убедиться, что оно находится в незаметном положении, затем сняла с пояса хвосты фаэриммов и предстала перед Эсканором.

— Пришел сдержать свое обещание, Эсканор? — спросила она.

Эсканор закрыл разинутый рот.

— Мое обещание?

— За то, что убила фаэриммов под Иритлиумом, — Вала сунула ему в руку хвосты. Там шесть хвостов. Пересчитай их.

Принц посмотрел на хвосты и криво усмехнулся.

— Весьма впечатляюще, но нет. Когда я дал это обещание, я на самом деле не думал, что ты вернешься.

— То, что ты думаешь, имеет меньшее значение, чем то, что ты делаешь — сказала Вала. — Разве Принцы Теней – не люди, которые чтят свои слова?

— К сожалению, это невозможно, — сказал Эсканор, и улыбка исчезла. Он вернул хвосты фаэриммов, затем поймал Валу за запястье. — Я как раз шел за тобой к Высочайшему. Похоже, он наконец нашел Галаэрона.

Принц отвернулся и, волоча ее за собой, зашагал прочь. Через два шага его тело стало прозрачным и призрачным. Еще два шага, и они полностью погрузились в тень, земля под ногами была мягкой, как вода. Вала попыталась вырваться, но перестала сопротивляться, когда почувствовала странное ощущение падения и рука ее похитителя вытянулась в извивающуюся веревку тьмы. Она повернула свое волшебное кольцо так, чтобы оно показывало, как обстоят дела на самом деле. Клубящаяся темнота вокруг нее превратилась в жемчужную, неподвижную пустоту, более бесцветную, чем серая. Эсканор был черным сердцем, бьющимся в клетке из черных ребер, без конечностей и черепа, но с двумя медными огоньками там, где должны были быть глаза, и пучком пальцев, обернутых вокруг руки Валу. Пылающие глаза принца метнулись в ее сторону. Она быстро вернула кольцо в скрытое положение, и он превратился в призрачную фигуру, какой и был мгновение назад.

— Иди, — сказал он.

Принц сделал шаг и снова стал осязаемым. Вала последовала за ним. Земля под ногами затвердела, и клочья теней начали свиваться в дымные ленты. Голоса

невидимых шепчущих поднимались и опускались в окружающей темноте. Постепенно бормотание перешло в более полные тона нормальной речи, и Вала узнала свистящий голос Теламонта Тантула Высочайшего. Он что-то резко говорил кому-то – точнее, кричал, и в воздухе вокруг него раздавался сердитый ропот. Во мраке, окружавшем трон Теламонта, появились фигуры нескольких повелителей теней. Ближе всех к помосту стояли принцы Ривален и Ламорак, а Хадрун поднялся на четверть лестницы.

К удивлению Валы, Малик стоял на ступеньке между сенешалем и принцами, его наставленные рога больше не скрывал обычный тюрбан. Галаэрона нигде не было видно. Эсканор прошел мимо лордов и остановился у подножия помоста.

— ...позволить ей диктовать мне условия? — бушевал Высочайший. — После всего, что я сделал, чтобы восстановить разрушенное королевство?

— Высочайший, если бы блудница осмелилась сказать хоть слово против тебя, я бы сам убил ее — сказал Ривален, заметно съехившись от гнева отца. — Поскольку ее оскорбления были направлены только на меня, я счел за лучшее вытерпеть их и вернуться, чтобы посоветоваться.

— Вернуться без эльфа?

— Привести его было невозможно — сказал Ривален.

Высочайший остановился в выжидательном молчании.

— Когда это было возможно, я все еще надеялся спасти наши отношения с Арабелем, — продолжал принц. — Я знаю, какое значение ты придаешь контролю над пограничными городами.

Высочайший оставался спокоен, хотя чувство ожидания, которое висело в воздухе, исчезло. Вала сложила руки перед собой, прикрывая подарок Коринеуса, и повертела кольцо большим пальцем. Мрак побледнел до цвета тумана, достаточно тонкого, чтобы она увидела, что тронный зал на самом деле был огромным внутренним двором, окруженным темными полосами, которые она приняла за стены. За помостом перед ней поднимались очертания множества других платформ, их силуэты становились все более неясными с расстоянием, но каждая была окружена толпой повелителей теней, похожих на тех, что окружали Валу и принцев.

Сами повелители теней были сморщенными, похожими на упырей фигурами с запавшими, покрасневшими глазами и морщинистой черной кожей, часто покрытой белыми язвами. Ривален и Ламорак выглядели почти так же, как Эсканор, когда Вала смотрела на него во время путешествия из Миф-Драннора, отличаясь только тем, сколько костей осталось прикрепленными к черным ребрам, окружавшим их черные сердца.

Удивительно, но Хадрун выглядел так же, как и до того, как Вала повернула кольцо, как и Малик, за исключением того, что он держался более прямо и казался гораздо более жилистым, чем Вала привыкла думать о нем.

Наконец, Теламонт заставил сердце Валы подпрыгнуть к горлу криком:

— Предатель! — Сначала было невозможно понять, к кому обращается Высочайший, потому что это были всего лишь два платиновых глаза, плавающие в смутно очерченном столбе тьмы. Серый туман, заполнивший тронный зал, казалось, струился сквозь него, входя в его «тело» в общей области ног и выходя в руках. В области за одним из глаз, там, где должны были быть череп и мозг, было что-то

черное и морщинистое, размером примерно в половину кулака Валы, пульсирующее в такт словам Высочайшего.

— Это твоих рук дело, неблагодарная ваасанка!

Вала повернула кольцо в скрытое положение и обнаружила, что наполненный мраком капюшон Высочайшего повернут в ее сторону, его пустой рукав поднят и направлен вниз по лестнице на нее. Молясь, чтобы Теламонт не почувствовал ее магического кольца, Вала вздернула подбородок и заставила себя встретить его сердитый взгляд.

— Моих, Высочайший? Я и близко не была к Кормиру.

— Ты знала о его планах еще до того, как он ушёл, не так ли?

Меньше всего Вале хотелось признаваться в своем соучастии в побеге Галаэрона, но Малик почти наверняка уже раскрыл ее роль, и она знала, что не стоит думать, что Высочайшего поколеблет любая ложь, которую она сможет сказать.

— Я так и сделала — сказала она.

Высочайший промолчал, и она ощутила тяжесть его следующего вопроса так же ощутимо, как тяжесть тела упавшего товарища.

— Я хотела, чтобы он ушел, — сказала она. — Ты отдавал его своей тени, а не учил управлять ею.

— И все же ты отправилась в Миф Драннор вместе с Эсканором.

— Чтобы ты не заподозрил неладное и не помешал ему уйти, — сказала Вала.

Снова тишина, тяжелая и требовательная. — Он не хотел уходить без меня, — призналась Вала. — Я должна была убедить его, что он рассердил меня и что я влюблена в Эсканора. Он ушел, поклявшись отомстить тебе, Эсканору, и шейдам в целом.

Теламонт наконец отвел взгляд и, недоверчиво покачав головой, спустился с помоста и встал перед Эсканором.

— Вина в этой лжи частично лежит на мне — сказал Высочайший. — Я не думал, что его тень так сильно контролирует ситуацию, но ты был ослеплен женскими уговорами и позволил ей использовать тебя против анклава, и за это тебя тоже следовало казнить. При этих словах у Валы мгновенно подогнулись колени, но Эсканор лишь склонил голову.

— Если это...

— Казнить? — прервал его Малик, подходя к Высочайшему. — Ты не можешь казнить Валу!

Платиновые глаза Теламонта стали холодными, как зимний град.

— Ты возражаешь, рогоносец?

— Конечно, нет... Только Вала – мой друг, и мое несчастное сердце – все, что еще Единый может мне дать – разбилось бы, если бы ее убили.

Малик нахмурился, услышав проклятие, которое заставило его продолжать говорить, хотя было бы гораздо разумнее оставить эту тему после первых нескольких слов, затем, очевидно, понял, что ему нечего терять, и бросился вперед.

— И что еще важнее, это разобьет сердце Галаэрона.

— Почему это должно волновать Единого, маленький человек? — спросил Хадрун, спускаясь с помоста и заглядывая Теламонту через плечо.

— Эльф – неблагодарный и предатель всего, что дал ему анклав.

— Верно, — сказал Малик, — но он неблагодарный и предатель, в котором нуждается Анклав Шейдов. Если ты убьешь Валу, то сделаешь его непримиримым врагом, который, без сомнения, умрет каким-нибудь глупым способом, стремясь отомстить тебе.

Теламонт закатал пустой рукав, жестом приглашая Малика продолжать.

— С другой стороны, — сказал маленький человечек. — Если ты станешь удерживать Валу здесь, держа ее каким-то ужасным способом, который наверняка причинит ей сильную боль, давая понять, что она действительно любит Галаэрона и пошла в Миф Драннор только для того, чтобы он ушел и спас себя, Галаэрон, безусловно, тип благородного дурака, вернется и попытается спасти ее.

— Твоя ошибка в том, что его тень почти наверняка уже забрала его, — заметил Хадрун. — Если это так, он раскусит твой план и будет избегать нас еще больше.

— В Арабеле он, похоже, хорошо владел собой — сказал Ривален. — На самом деле он, похоже, вообще избегал магии теней, даже когда мог использовать ее, чтобы освободиться и сбежать от нас.

— Если это так, то, возможно, наш план сработает — сказал Хадрун, как всегда вор идей. Он шагнул вперед, чтобы встретиться взглядом с Теламонтом. — Могу я предложить вам капельные ямы? Конечно, никакая пытка не может быть хуже, чем держать их в чистоте и ясности, по крайней мере, та которую можно пережить.

У Валу возникло неприятное ощущение, что она знает, что это за ямы, но это не имело значения. Она могла вынести любую пытку, которая помогла бы ей вернуться к сыну.

Теламонт на мгновение задумался над предложением Хадруна, затем задумчиво кивнул.

— Это, конечно, даст эльфу повод быстро прийти за ней. Он перевел свои платиновые глаза на Малика и добавил:

— Как ты думаешь, мой маленький друг?

Малик поднял брови.

— Я?

— План твой — сказал Теламонт. — Как ты думаешь, самое худшее, что мы можем сделать, это капельные ямы?

— Милорд, я действительно не знаю Анклав Шейдов достаточно хорошо, чтобы назвать худшую пытку, которую он может предложить.

Малик на мгновение замолчал, потом его лицо исказилось знакомым выражением отчаяния, и Валу охватило дурное предчувствие. Только мне пришлось в голову, что пытка, которая скорее всего, заставит Галаэрона поспешно вернуться, — это сделать Валу судомойкой во дворце Эсканора и дать понять, что он ужасно использует ее по ночам.

Вала сглотнула. Каким бы ужасным ни было предложение Малика, она все же могла выжить. Чтобы вернуться к Шелдону, она могла вынести все.

— И, конечно, ты должен спрятать ее темный меч туда, откуда она не сможет его вызвать, — добавил Малик. — Для Валу самой страшной пыткой будет не иметь возможности приглядывать за сыном по ночам.

До сих пор Вала чувствовала себя в долгу перед маленьким человеком за то, что он спас ей жизнь. Но после его слов о наблюдении за сыном, она захотела убить его, и

на самом деле, она могла бы это сделать, если бы не могучая рука Эсканора, сомкнувшаяся вокруг ее запястья и помешавшая ей вытащить меч.

— Пожалуйста, — сказал Эсканор, — оставь его в ножнах, когда будешь передавать.

Глаза Теламонта засверкали от восторга.

— Думаю, Малик прав. — Он перевел взгляд на маленького человечка. — Ты показываешь себя удивительно способным советником.

Малик просиял.

— Я рад, что вы довольны моими скромными услугами.

— Да, я никогда бы не подумал, что одно из проклятий Мистры принесет такую пользу Анклаву Шейдов.

Теламонт сошел с помоста и направился через тронный зал.

— Пойдем со мной к окну мира, друг мой. Мы должны показать пример Кормиру и показать Фаэруну, что значит предать великодушие Анклава Теней, и ты расскажешь мне, как мы собираемся это сделать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

25 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

Благодаря волшебству магического шара Галаэрон чувствовал себя орлом в вышине, кружащим над обнесенным стеной городом Тилвертоном в поисках какого-нибудь любящего мусор енота, чтобы накормить птенцов в его гнезде. Ему был виден весь город и четыре дороги, ведущие в него, но он все еще мог различить детали, такие же четкие, как знаки отличия щитов, которые несло растущее число воинов, разбивших лагерь среди особняков и храмов Района Холмов. Конечно, там было много Пурпурных Драконов Кормира, но также и Витая Башня Долины Теней, Белый Конь Долины Тумана, даже Ворон и Серебро Сембии и десятки других символов, которых Галаэрон не знал. По словам Вангердагаста, соседи Кормира послали более сотни отрядов, чтобы помочь убедить Анклав Шейдов пересмотреть свое решение о растапливании Высокого Льда, некоторые из них были немногочисленны, как двадцать хорошо вооруженных всадников, но некоторые насчитывали тысячи – и с щедрой смесью жрецов и боевых магов.

К ужасу Алусейр, самый восторженный отклик пришел от торговых принцев Сембии, некоторые из которых могли потерять все свое состояние, если непогода продолжится. Всегда с подозрением относившаяся к замыслам сембийцев на кормирских землях, Стальной Регент даже не сообщила торговым принцам о союзе, который она собиралась заключить. Они все равно послали большие силы, угрожая создать свой собственный союз, если она не примет их войска.

Чего Галаэрон не видел, так это каких-либо отрядов на дорогах за пределами города. Хотя воины сотнями вливались в Район Холмов, вытаптывая земли больших поместий в поисках биваков, они не входили в ворота Тилвертона. Отряды, казалось, вырастали из самого города, вырастали из темных тупиков, выходили из какой-нибудь древней башни или строились на улице.

Галаэрон поднял взгляд и посмотрел поверх магического шара в глаза с кустистыми бровями Вангердагаста.

— Это не сработает — сказал эльф. — Если ты можешь видеть это, то и Шадовары тоже.

Вангердагаст поднял голову, демонстрируя уверенную ухмылку, не совсем скрытую под бородой.

— Вот что они увидят. — Он взмахнул рукой над магическим шаром. Когда Галаэрон оглянулся, солдат уже не было, а жители, казалось, устраивали какой-то праздник в Районе Холма.

— Ты можешь отменить теневую магию? — ахнул Галаэрон.

Последствия для Эверески были удручающими. Если Вангердагаст смог найти способ нейтрализовать заклинания шадовар, то и фазриммы тоже. — Как?

— Я – волшебник, *обладающий* некоторой силой, эльф.

— Дело не в силе. Галаэрон указал на шар. — Можно?

— Если ты не думаешь, что это вытянет наружу твою тень, — голос Вангердагаста звучал насмешливо.

Он пытался убедить Галаэрона продемонстрировать свои теневые заклинания после ухода Ривалена и, казалось, не мог понять, почему Галаэрон отказался. — Я не хотел бы нести ответственность за то, что выпустил такого демона.

— Со мной все будет в порядке.

Галаэрон представил себе окно мира во Дворце Высочайшего и взмахнул рукой над магическим шаром. Кристалл наполнился темными облаками, затем в центре открылся круг света, и по краям стали видны несколько темных фигур шадовар. Изображение в центре показывало огромное озеро, окруженное пустынными горами.

— Это магическое окно Теламонта Тантула, — сказал Галаэрон, разочарованный тем, что не заметил, как шадовары заглянули в Тилвертон. — Если бы теневая магия и обычная магия были способны аннулировать друг друга, ты не думаешь, что эта комната была бы защищена?

Вангердагаст некоторое время изучал изображение, затем сказал:

— Плетение сильнее Теневого Плетения.

— Возможно да, более могущественное — сказал Галаэрон, — но по-другому. Они могут шпионить за вами так же легко, как и вы за ними.

В хрустальном шаре появилось лицо Вангердагаста.

— Ты же знаешь, у меня большой опыт в таких делах.

Понимая, что ему никогда не победить в этом споре, Галаэрон решил попробовать другой подход.

— Даже если ты прав, шадовары используют шпионов – тысячи, я уверен.

— Ни в Тилвертоне, ни в любом другом кормирском городе.

Вангердагаст показал плитку с выгравированным на ней магическим оберегом. — Мои боевые волшебники были заняты.

Галаэрон взял плитку и провел пальцами по символу. Это была вариация древнего корманторского знака, который он изучал в академии магии Эверески, чтобы держать духов тьмы и холода на расстоянии.

Мастерство было изысканным, а магия настолько мощной, что присутствие его теневого «я» заставляло жечь руку. Вернув плитку Вангердагасту, он с удивлением обнаружил выжженный на ладони символ.

Обнаружив, что даже эта копия оберега заставляет его глаза гореть, Галаэрон сжал ладонь.

— Впечатляет, но бесполезно — сказал он. — Все, что нужно шадовару, — это войти на окраину, и твои знаки почти не будут иметь над ним власти.

В глазах Вангердагаста мелькнула тревога.

— В самом деле? — Он повернул оберег к Галаэрону. — Покажи мне.

Галаэрону пришлось отвести взгляд.

— Я не могу. И ты это знаешь.

— Конечно, знаю, — фыркнул Вангердагаст.

— Я объяснил, как его можно победить, — сказал Галаэрон, поднимая руку, чтобы заслониться от символа. — Мне нет нужды это доказывать. Цена удовлетворения твоего любопытства слишком высока.

Вангердагаст опустил плитку и отложил ее в сторону, к счастью, знаком вниз.

— Кстати, когда я в последний раз разговаривал со Шторм Серебрянной Рукой, она попросила меня передать сообщение от Хелбена.

— От Хелбена? — сердце Галаэрона тут же забилось быстрее. — Насчет Кейи?

— Да, кажется, это имя упоминалось.

Галаэрон подождал, пока волшебник продолжит, а когда не дождался, спросил:

— Что за сообщение?

Взгляд Вангердагаста скользнул по палате.

Галаэрон с отворачиванием поднялся.

— Ты ничем не отличаешься от шадовар!

— Вот тут ты ошибаешься, эльф, — сказал Вангердагаст, глядя на Галаэрона поверх шара теней. — Я совсем другой. То, что я делаю, я делаю для блага Кормира.

— Тогда тебе лучше держаться подальше от Теневого Плетения. — Галаэрон направился к двери. — Ты сам уже наполовину тень.

— Возможно, — задумчиво произнес Вангердагаст. Он молчал, пока Галаэрон не потянулся к щеколде, а потом сказал:

— Ты станешь дядей.

Галаэрон остановился и обернулся.

— Что?

— По словам Хелбена. — Вангердагаст пожал плечами. — Твоя сестра выходит замуж.

— Замуж? — ахнул Галаэрон. — Ей всего восемьдесят!

— И она сражалась с фаэриммами на переднем крае осады, насколько я слышал, — Вангердагаст сложил узловатые пальцы. — Люди быстро взрослеют перед лицом смерти.

Галаэрон изучал старого колдуна, пытаясь понять, что человек надеялся получить, придумав такую возмутительную историю. В конце концов он сдался и просто сказал:

— Эльфам нужны годы, чтобы влюбиться. Помолвка может длиться десять лет.

— Я обнаружил, что война ускоряет сердечные дела, — сказал Вангердагаст, сверкнув глазами. — И люди не так уж скрытны. Особенно ваасанцы.

— Ваасанцы? Галаэрон отпустил дверную щеколду и, спотыкаясь, опустился в ближайшее кресло. — Это сделал один из ваасанцев?

— Некто по имени Дексон, насколько я понимаю.

— Вылупившийся из льда ублюдок! — прошипел Галаэрон. — Я разрежу его от паха до глотки!

— В самом деле? — Вангердагаст усмехнулся. — Я думал, ты пытаешься контролировать свое «тенивое я».

Глубокий варварский рев, приглушенный расстоянием и толстыми стенами шатра, раздался в лагерях. Всегда обеспокоенная трениями между разрозненными отрядами своей разношерстной армии, Лаэраль прислушалась. Голос был сердитым и немного озадаченным, как будто требовал объяснений. Вероятно, просто один из воинов вождя Клава все еще пытался разобраться в магических уборных, на которых настаивали жрецы, когда армия становилась лагерем.

Хелбен, лежавший на походном коврике рядом с Лаэраль, взял ее за подбородок и мягко повернул ее лицо к себе, чтобы он мог продолжить целовать ее. Хотя прошло уже несколько дней с тех пор, как они поймали фазриммов в Винной Долине, они были так заняты укреплением обороны Эверески и охотой на выживших, что это была первая ночь, которую они нашли друг для друга. Хелбен, который, в конце концов, чуть не погиб на Рокнесте и был пойман в ловушку шипастыми все эти месяцы, казалось, чувствовал необходимость отгородиться от войны еще острее, чем Лаэраль. Ловкими пальцами фокусника он одной рукой развязал узел, удерживающий ее куртку, и начал распускать шнуровку.

Где-то высоко над палаткой раздался громкий трепещущий звук. Лаэраль приподнялась на локтях, посмотрела вверх сквозь дымовое отверстие и не увидела ничего, кроме беззвездной мантии теневого барьера.

— Ты слышишь, Хелбен? — спросила она.

Хелбен толкнул ее обратно и перекатился, оказавшись сверху.

— Я не слышу ничего, кроме бешеного стука своего сердца, бьющегося от радости в предвкушении нашей первой ночи вместе – нашей первой спокойной ночи вместе – с тех пор, как все это началось.

Лаэраль улыбнулась. Для всех остальных Хелбен мог быть суровым и мрачным Черным Посохом, лордом-магом Глубоководья и основателем Лунных Звезд. Для нее он был безнадежным романтиком, склонным к возмутительным признаниям в любви и прикосновениям настолько нежным, что и мыльный пузырь бы не лопнул.

— Иди сюда, ты, — прошептала она.

Решив, что трепещущий звук, вероятно, был просто патрулем гиппогрифов, пытающимся увернуться от стаи везерабов – разведчики Элберна на собственном горьком опыте убедились, что эти твари любят все, что имеет перья – Лаэраль потянула Хелбена на себя.

— Я хочу почувствовать, как бьется это сердце — сказала она.

Хелбен снова поцеловал ее, потом отошел в сторону и принялся ловкими пальцами распутывать шнурки. К тому времени, как раздался следующий звук, на этот раз характерный треск молнии, он уже снял с Лаэраль камзол и развязал шнурки на брюках.

— *Это* я слышал — проворчал он, поднимаясь.

Лаэраль вскочила на ноги и, накинув плащ на плечи, последовала за ним к выходу из палатки. По всей равнине у подножия их возвышенности были разбросаны сотни костров, при свете которых можно было разглядеть тысячи силуэтов, суетящихся в беспорядке, натягивающих доспехи и застегивающих пояса с мечами. Хотя никто, казалось, не имел ни малейшего представления о том, что происходит, кроме Лаэраль и Хелбена, все большее число фигур, казалось, смотрело в сторону чернильной тьмы, отмечавшей лагерь шадовар. Лаэраль повернулась, чтобы позвать гонца, и увидела двух ваасанских сопровождающих Хелбена, Кула и Берлена, которые, как всегда, неслись в полном вооружении. Ваасанцы, насколько могла судить Лаэраль, спали в доспехах. Третий из них, Дексон, вернулся в Эвереску с Кейей Нихмеду, оправляясь от ран.

— Они ушли! — воскликнул Берлен.

— Ушли, как «отправились»? — спросил Хелбен, даже не потрудившись уточнить, что ваасанец говорит о шадоварах. — Или ушли, как «умерли»?

— Ушли – значит «не здесь» — прорычал Кул. — Какая разница? Дозорный Утгардта заметил, что шатры шадовар пусты, и когда он пошел проверить, как там везерабы, они испугались и улетели.

— Разве они не стреножены? — спросила Лаэраль.

— Даже куска бечевки нет — подтвердил Берлен. — По крайней мере, не на том, которого сбил часовой Йораэдии.

Лаэраль обменялась встревоженным взглядом с Хелбеном. из середины темного лагеря донеслись голоса спорящих, и со всех сторон потекли пляшущие ряды факелов. Хелбен протянул руку и призвал свой посох, и Лаэраль сделала то же самое со своим широким поясом. Затем, пока Хелбен посылал ваасанцев проверить ночные пикеты и предупредить роты, она завязала шнурки на брюках и застегнула плащ.

Завязав одежду, она протянула руку Хелбену и спросила:

— Пойдем, мой дорогой?

Хелбен вздохнул и взял ее за руку.

— Если придется.

Лаэраль посмотрела на точку в центре сходящихся потоков факелов и использовала заклинание, чтобы открыть маленькую межпространственную дверь. Они с Хелбеном шагнули в суматоху кричащих голосов и подпрыгивающих факелов.

Спор был настолько воинственным, что в тот миг, когда послеобеденное оцепенение рассеялось, она убедилась, что попала в самую гущу драки в таверне. Она

вытащила из-за пояса боевой жезл. Хелбен встревожился еще больше. Он начал вращать своим посохом вокруг них в отработанной оборонительной схеме, которая заставила пару эльфов и сержанта из Глубоководья упасть на землю.

Подбежала пара подчиненных сержанта:

— Эй ты, волшебник! — Вместо того чтобы остановиться и помочь своему начальнику, они перешагнули через его стонущую фигуру и разделились, чтобы подойти к Хелбену и Лаэраль с противоположных сторон.

— Перед кем, как ты думаешь, ты размахиваешь тут этой штукой?

Оценка Лаэраль ситуации приняла решительный поворот к худшему. Она направила палочку на ближайшую фигуру и сказала:

— Заяц.

Человек сделал еще один шаг, затем свернулся калачиком на земле и начал обрастать шерстью. Она указала палочкой на второго парня, который все еще пытался прорваться мимо вращающегося посоха Хелбена, и сказала:

— Осёл.

Он опустил на четвереньки, его нос и уши уже начали удлиняться.

Лаэраль махнула палочкой мимо остальных в растущей группе воинов. — Наш приход кого-нибудь еще обидел?

Когда больше никто не выступил вперед, Хелбен сказал:

— Хорошо.

Он опустил свой посох и повел их мимо полдюжины пустых шатров шадовар к площади собраний перед командным павильоном, где лорд Йорэдия стоял носом к животу с вождем Клавом, его лицо исказилось в очень нелепой гримасе.

— Кто-нибудь объяснит нам, что здесь происходит? — спросил Хелбен. Оба вождя перевели взгляд на Хелбена и Лаэраль и заговорили одновременно, дико жестикулируя и указывая друг на друга.

— По одному — приказала Лаэраль. — Сначала вы, лорд Йорэдия.

Эльф бросил на Клава высокомерную ухмылку, затем сказал:

— Часовые этого болвана заснули и позволили Шадоварам проскользнуть мимо них незамеченными.

— Лжец! — Клав намеренно шагнул на Йорэдию, толкнув эльфа животом и заставив его отступить на полдюжины шагов. — Мои дозорные *обнаружили* только, что лагерь пуст. Ваши наблюдатели – вот кто заснул.

— Эльфы — усмехнулся Йорэдия, — не спят.

— Значит, они слепые! — Клав снова ткнул эльфа животом. Шадовары не проходили мимо нас.

Через три шага Йорэдия спохватился и шагнул назад к варвару, опустив руку к кинжалу.

— Еще раз, морж, и я перережу тебе глотку.

— Этого вполне достаточно, лорд Йорэдия, — Лаэраль встала между ними. — Шадовары не были пленниками. Никто не виноват в их уходе.

— Вы оба будете виноваты, если это продолжится — сказал Хелбен, подходя к Лаэраль и прикладом своего посоха отталкивая Йорэдию назад.

— Что за безумие овладело вами обоими? — Торжествующий взгляд, который он бросил в сторону Лаэраль, едва ли был необходим. Она уже догадалась о причине гнева группы и искала в карманах плаща компонент заклинания.

— Никто не смог бы помешать шадоварам улизнуть, — продолжал Хелбен. — Как только стемнело, трусы, вероятно, растаяли в тени и ушли.

Скарн Медный Топор и его гномы вышли на площадь собраний, протискиваясь мимо эльфов и варваров. — Он достаточно яркий, чтобы ослепить Латандера! — пожаловался Скарн. — Вы все так глупы, или вы дураки, пытающиеся зажечь себя для вражеских дальнобойных заклинателей?

— Будь осторожен с тем, кого ты называешь глупым, Наблюдатель Пояса — сказал Элберн, выходя на свет с противоположной стороны собрания. — Некоторым из нас нужен свет. Не у всех в жилах течет гоблинская кровь.

— Гоблинская кровь! — закричал Скарн, хватаясь за топор. — Я покажу тебе гоб...

Посох Хелбена рухнул вниз, сбив гнома с ног и заставив его руку обмякнуть. Клав и Йораэдия продолжали обмениваться оскорблениями, и большинство их последователей добавляли свои голоса к суматохе, а гномы и разведчики гиппогрифов тоже начинали. Для Лаэраль и Хелбена было бы просто начать рассеивать магию, вызывающую это безумие, но до тех пор, пока она не узнает, были ли заклинатели шадоварами или фаэриммами, лучше позволить им поверить, что их тактика работает.

Лаэраль нашла то, что искала, и незаметно начала рассыпать алмазную пыль во все стороны, одновременно произнося заклинание и проводя пальцами по жестам своего самого сильного заклинания. Когда магия подействовала, ей пришлось прикусить язык, чтобы не ахнуть. На западной стороне площади гномы Скарна топали из своего лагеря, окруженные серебристыми пятнами более чем дюжины невидимых фаэриммов. Почти то же самое происходило и на северной стороне, если не считать того, что сюда шли волонтеры Глубоководья и разведчики Элберна. положение на востоке и юге было еще хуже. Поскольку большинство варваров и эльфов уже были на площади, монстры уже выстроились в боевые ряды.

— Э-э, Хелбен?

— Да?

С каждой минутой все больше лидеров выводили свои роты на пыльную площадь, и Хелбен отказался от намерения прекратить спор между Йораэдией и Клавом и использовал свою магию, чтобы вмешаться в настоящие вспышки насилия. Хелбен указал на хмурого гнома в сверкающих доспехах Серебрянных Рыцарей, который бросился к центру схватки с обнаженным топором, и спросил:

— Ты не возражаешь?

— Вовсе нет. — Лаэраль вытащила из кармана плаща две бусинки смолы. Произнеся короткое заклинание, она щелкнула сначала одной, затем другой бусинкой в сторону хмурого гнома, чье продвижение немедленно замедлилось до вялого ползания.

— Как я уже говорила — сказала Лаэраль, — ты помнишь те амулеты обнаружения, которые мы раздали, чтобы часовые могли видеть невидимых лазутчиков?

Хелбен нахмурился и использовал свой черный посох, чтобы сбить с ног из-под одного из варваров Клава, который тянулся к одному из эльфов Йораэдии.

— Я помню, — сказал он. — Ты привезла двадцать штук.

— Двадцать пять, поправила Лаэраль. — Похоже, не все работают.

Хелбен поморщился, потом спросил:

— Насколько всё плохо?

— На пятнадцать — сказала Лаэраль. — С каждой стороны.

Хелбен на мгновение задумался, потом прорычал:

— Ублюдки! Скользкие, темные, предательские ублюдки!

— Я бы не стала так легко с ними обращаться.

Лаэраль уже все подсчитала. После битвы в Винной Долине они подсчитали, что внутри теневого барьера может остаться только сотня фаэриммов. За последние несколько дней они выследили и убили еще двадцать, а это означало, что во всем Шараэдиме осталось всего около восьмидесяти шипастых. Каким-то образом большинство из них сошлось в лагере спасательной армии в течение нескольких часов после ухода шадовар. Кларибернус и Ламорак не только бросили своих союзников, но и пригласили врага уничтожить их.

— Что теперь, Хелбен? — спросила Лаэраль. Она увидела, как эльф потянулся за мечом и взмахнул палочкой, превратив его в оленя.

— Начать рассеивать и надеяться на лучшее? — Хелбен покачал головой.

— Это требует чего-то более ... эффектного. Ты можешь отвлечь фаэриммов, пока я поднимаю сферу?

— Конечно, — сказала Лаэраль, вытаскивая из-за пояса вторую палочку.

Одно из любимых заклинаний Хелбена, сфера чудес, создавало область, в которой действовал только один тип магии – выбранный заклинателем.

— Но это не продлится вечно.

— Я открою телепортационный круг изнутри — сказал Хелбен.

— Хорошо, — ответила Лаэраль. — Встретимся в гостинице «На перепутье».

— Встретимся?

— Кто-то должен привести остальную армию.

Лаэраль двинулась через площадь собраний, используя одну палочку, чтобы парализовать любого кричащего, а другую, чтобы превратить тех, кто держал оружие, в кроликов и енотов.

— Тихо! — крикнула она. — Я уже достаточно наслушалась этой перебранки!

Никто, конечно, не подчинился, и несколько человек были достаточно глупы, чтобы гарантировать взмах палочки в их сторону, повернувшись, чтобы поспорить. Отвлекающий маневр, казалось, сработал, удерживая внимание фаэриммов, чтобы Хелбен мог поднять руки в нужных пассах и произнести то, что на самом деле было довольно длинным и растянутым заклинанием. Заклинанием, которое большинством избранных использовалось без всякой редакции, хотя сам Хелбен был не согласен.

Лаэраль парализовала и полиморфировала так много воинов, что они действительно начали обращать внимание на ее команды и впадать в неохотное молчание, которое почти гарантировало, что шипастым придется атаковать открыто,

вместо того, чтобы использовать рабов разума, чтобы заставить других сделать это за них, и что Лаэраль будет их первой целью.

Наконец, купол слабо мерцающего золотого света поднялся в центре площади собраний, побуждая фаэриммов показать себя, тщетно швыряя магические стрелы и пламя в его сторону.

Ошеломленные воины перестали спорить и огляделись с озадаченным выражением лица и изогнутыми бровями. Предоставив Хелбену помочь им прийти в себя, Лаэраль повернулась к своей палатке и открыла еще одни ворота перемещений. Было знакомое мгновение падения, прежде чем она появилась рядом с самыми ужасными звуками сражения, которые она когда-либо слышала. Клинки звенели о доспехи в безумной какофонии, и голоса мучительно кричали от боли. В воздухе пахло кровью и вскрытыми кишками, мимо потоком темных силуэтов проносились воины. Некоторые были согнуты пополам, у некоторых отсутствовали конечности или части конечностей, но ни у кого не было оружия в ножнах или руках.

Все еще борясь с дурнотой и не в силах понять, что она видит, Лаэраль, тем не менее, отреагировала мгновенно. Она достала из кармана плаща пузырек с гранитной пылью и посыпала им голову, произнося слова защитного заклинания брони. Ее кожа стала холодной, онемевшей и твердой, как камень. Она повернулась к какофонии и обнаружила, что смотрит поверх усеянной трупами ткани развалившейся походной палатки, и, наконец, вспомнила, где она и зачем пришла.

Она опоздала. Вихревой смерч клинков надвигался на нее через шатер, вырывая мечи и кинжалы из рук и ножен бегущих перед ним солдат. Горстка храбрых воинов остановилась, чтобы выстрелить арбалетными болтами или метнуть копья в сердце вихря, но они были подхвачены вместе с остальным оружием и полетели назад, чтобы разрубить храбрые души в брызги крови и разорванные доспехи. В шторме уже была тысяча орудий, с каждой секундой в него влетало по дюжине, и кружащееся стальное облако было таким плотным, что Лаэраль не могла разглядеть его сердцевину. Острие шторма клинков достигло ее стороны палатки. Мечи и кинжалы начали разбиваться о ее заколдованную кожу. Осколки были втянуты обратно в торнадо, более смертоносные, чем раньше. Лаэраль бросилась в бурю, шатаясь под непрерывным градом оружия, бьющего в нее со всех сторон. Ткань палатки была скользкой от крови и усеяна телами и кусками тел, некоторые все еще были достаточно живы, чтобы протянуть руку и схватить ее за лодыжки. Несколько раз она спотыкалась и чуть не падала, а однажды ей пришлось оттолкнуться от окровавленного полуэльфа, который ухитрился обхватить ее обеими руками за ноги, умоляя спасти его.

Наконец, Лаэраль начала видеть сердце бури, где конусообразный силуэт фаэримма плыл к ней под острым углом. Она подняла руку и выпустила серебряный огонь. В то же мгновение земля разверзлась у нее под ногами, когда шипастый попытался утопить ее в почве. Какой бы быстрой ни была контратака фаэримма на ее вторжение, эта тактика была скучной, и Лаэраль давно выработала к ней магический иммунитет. Плетение просто держало ее подвешенной над отверстием, пока оно не закрылось.

По всей вероятности, фаэримм так и не узнал, что его атака провалилась. Он был охвачен серебряным огнем и провел следующие несколько секунд, бешено вращаясь, пока не превратился в пепел. Буря клинков внезапно прекратилась, накрыв

рухнувший шатер Лаэраль стальным ковром, когда тысячи мечей со звоном упали на землю. При свете костров, бушевавших в каждом лагере, Лаэраль могла различить широкую полосу неподвижных силуэтов и извивающихся фигур, которую фаэриммы прорезали сквозь ее армию. Это был широкий пояс, начинающийся над Серебряными Рыцарями, гвардией Серебристой Луны и неуклонно изгибающийся внутрь, сравнив с землей весь лагерь наемников Кровавого Топора, посланных от имени Сандабара, и прорвав широкий тракт через палатки Слизняков, представляющих Цитадель Адбар, прежде чем спиралью пройти через лагерь Глубоководья и подняться на холм к палатке Лаэраль и Хелбена. Не только этот фаэримм атаковал отдаленные лагеря, в то время как его товарищи готовили главную засаду. Повсюду были огненные бури и шквалы молний, еще одна буря клинков, и множество поработанных разумом воинов сражались больше друг с другом, чем с фаэриммами.

С замиранием сердца от горя и отчаяния, и от чувства вины за то, что не сумела предвидеть предательство шадовар, Лаэраль достала из кармана серебряный наперсток, произнесла заклинание и поднесла его к губам, словно миниатюрный рог.

— Шадовары предали нас. Берите тех, кого можете спасти, и бегите. — Хотя она говорила тихо, голос Лаэраль услышит каждый командир и волшебник в ее армии, кроме тех, кто попал под ментальное влияние врага. — Она разработала заклинание с учетом поправок на фаэриммов. — Мы снова соберемся в гостинице «На полпути». Да ускорят вас боги.

Позади нее послышался звон стали – кто-то приближался по коврам из упавших клинков. Она обернулась и мельком увидела неуклюжую фигуру ваасанца, бегущего в ее направлении, а затем вскрикнула в замешательстве, когда его меч обрушился на нее. Она вывернулась и инстинктивно подняла руку, но пытаться заблокировать темный меч было плохой идеей даже для одного из Избранных. Волна обжигающего холода прокатилась по ее руке, и конечность онемела ниже локтя.

Она вскрикнула скорее от шока, чем от боли, упала на колени и чуть не потеряла сознание, когда увидела свою руку и предплечье, лежащие на ковре мечей перед ней. Черное лезвие, отрубившее ей руку, лежало в шаге или около того, мокрое от ее крови. Темный меч поднялся в воздух и поплыл в том направлении, откуда пришел.

Лаэраль повернула голову и увидела неуклюжую фигуру Берлена, который шагал к ней, протянув руку к парящему мечу. Слишком ошеломленная, чтобы понять, почему он напал на нее, она тем не менее знала, что должна остановить его, прежде чем он сделает это снова. Она потянулась к своему плащу за компонентом заклинания, затем ощутила волну мучительной боли и вспомнила, что тянулась обрубком. Она потянулась другой рукой, но угол был неудобным, а движение незнакомым.

Берлен был почти рядом с ней, когда она нашла то, что искала. Ваасанец поднял свой темный меч и сказал:

— Это твоя вина.

Лаэраль вытащила из кармана железный прут и направила его в его сторону. Стальной ковер снова зазвенел, когда за спиной ваасана появилась еще одна неуклюжая фигура. Берлен присел на корточки и начал оборачиваться, но был отброшен в сторону большим ваасанским сапогом.

— Кул? — ахнул Берлен. — Что ты?..

Рукоять меча Кула ударила Берлена в основание челюсти, оторвав его от земли и опрокинув на спину на ковер мечей. Кул на мгновение убедился, что его товарищ без сознания, затем повернулся к Лаэраль, которая, все еще пребывая в шоке и не понимая, что происходит, направила на него железный прут.

— Мои извинения, леди Арунсун. Повсюду есть лазутчики. — Он заткнул за пояс пару хвостов фаэримма, затем взял меч Берлена и вложил его в свои ножны. — Вы можете встать?

Лаэраль попыталась и чуть не потеряла сознание.

— Нет. Она сунула железный прут в карман и протянула руку. — Поставь меня рядом с Берленом и держи крепко.

— Обнять вас, миледи?

Лаэраль кивнула. — Ради твоей жизни. — Она указала на свою ампутированную руку. — До гостиницы «На перепутье» дорога будет нелегкой.

С сырой картофелиной в одной руке и обнаженным метательным кинжалом в другой Галаэрон сошел с поднятой ладони Ариса прямо на подоконник комнаты на третьем этаже, которую Вангердагаст использовал как зал совета. Полдюжины боевых волшебников, собравшихся вокруг стола, вскрикнули от удивления и потянулись за компонентами заклинаний, а один даже встал, указывая на окно и открывая рот, чтобы выпустить струю магических стрел.

Галаэрон отшвырнул картофелину в голову парня, больше, шокируя чем отбрасывая волшебника обратно на сиденье, затем обратил свое внимание на большую светловолосую женщину, держащую стеклянный цилиндр длиной в палец.

— Ты же не хочешь направить его в мою сторону, — сказал он, поднимая свой метательный кинжал. Это моя ведущая рука.

Вангердагаст, сидевший спиной к окну, тяжело вздохнул. Он жестом указал своим боевым волшебникам на их места, затем оперся локтем на подлокотник и повернулся, чтобы посмотреть на Галаэрона.

— Ты же видишь, что мы находимся в конклаве?

Галаэрон опустил кинжал.

— Так мне сообщили стражники у дверей, но перерыв будет коротким. У меня только один вопрос: правда ли это?

По столу пробежал тревожный шепот, Вангердагаст закрыл глаза и кивнул.

— Боюсь, что так.

Сердце Галаэрона упало. Ему было невыносимо думать о Вале в этом месте, о том, что над ней издеваются подобным образом. Он шагнул к Вангердагасту.

— Почему мне не сказали? — требовательно спросил он. — Почему я должен был узнать это через дворцовые сплетни? Если это еще одна из твоих попыток заманить меня в теневую магию...

— Это будет твой четвертый вопрос, если это вообще вопрос, — перебил его Вангердагаст.

Он указал на стену, и стул подошел, чтобы встать позади Галаэрона.

— Присаживайся и объясни, что ты подразумеваешь под дворцовыми сплетнями. Неужели весь дворец узнал об этом так скоро?

— Весь город знает, насколько я могу судить. Я слышал это от стражника у ворот. — Галаэрон проигнорировал стул. — Я хочу знать, почему мне ничего не сказали? Ты боялся, что я вернусь в анклав?

Вангердагаст приподнял густую бровь.

— На самом деле, это последнее, чего я ожидал от тебя, — сказал он, — но дело в том, что мы сами узнали об этом всего несколько минут назад. Я как раз собирался послать за вами, чтобы узнать, нет ли у тебя каких-нибудь мыслей по поводу их ухода.

— Ухода? — спросил Галаэрон. — Чьего ухода?

В глазах Вангердагаста мелькнуло понимание.

— Значит, ты не знал — сказал он. Несколько волшебников вздохнули с облегчением. — Шадовары покинули Шараэдим — улизнули среди ночи. Спасательная армия Лаэраль была уничтожена, и она сама была ужасно ранена.

Галаэрон сел, точнее, упал, в кресло. — Что? — выдохнул он. — Неужели Кейя?...

— Мифал не был разрушен, — возразила женщина, которой Галаэрон угрожал метательным кинжалом. — Твоей сестре и всем остальным в Эвереске не хуже, чем раньше, даже лучше, поскольку они получили подкрепление и пополнение припасов, но с уничтоженной спасательной армией и раненой Лаэраль фаэриммы снова смогут сосредоточить свое внимание на городе.

Вангердагаст положил морщинистую руку на плечо Галаэрона.

— Я уверен, что мне не нужно объяснять тебе, что теневой барьер делает с мифалом. Если ты знаешь что-то, что Шторм и другие Избранные могут сделать, чтобы разрушить его....

— Магия должна быть возобновлена — сказал Галаэрон. — Все, что им нужно, — это держать шадовар подальше от Сращения. Со временем узы ослабеют, и магия Плетения снова начнет течь в Шараэдим.

Вангердагаст облегченно вздохнул. — Хорошо. Тогда наша единственная проблема — это дополнительная магия, которая потребуется войскам, когда Союз Сердцеземья атакует летающий город. — Он оглядел сидящих за столом. — Я думаю, мы можем принять эту передислокацию как ответ Теламонта Тантула на наше требование остановить таяние Высокого Льда.

— Вообще-то нет, — сказал Галаэрон. — Это все из-за меня.

По выражению лиц боевых волшебников было ясно, что они думают об этой теории.

— Это так, — настаивал Галаэрон. — Я пришел сюда, потому что ходят слухи о том, что Вала стала постельной рабыней Эсканора. Они бросили Эвереску, чтобы наказать меня за то, что я покинул Шейд.

— Ты слишком высокого мнения о себе — сказал волшебник, в которого Галаэрон швырнул картофелиной. — Я не думаю, что они могли бы объединить свои силы для защиты от нападения Альянса Сердцеземья.

Вангердагаст откашлялся и сказал:

— Возможно, эльф прав. В его распоряжении есть определенные секреты, которые они, возможно, захотят раскрыть.

Вангердагаст и Алусейр решили держать в секрете тот факт, что Мелегонт снабдил Галаэрона обширными знаниями о фаэриммах, чтобы у шипастых не было шпионов во дворце Арабеля.

— Урон, который он нанес им, открыв теневые покровы, был неизмерим, — продолжал королевский маг. — Они вполне могут сделать это, чтобы наказать его и заставить вернуться в Шейд.

— Или заставить вас выдать меня — сказал он, — и наказать за то, что вы укрываете меня и смеете угрожать им.

Вангердагаст нахмурился. — Наказать *нас*? Они просто не могли...

— Они *могут*, настаивал Галаэрон. — Когда вы в последний раз проверяли дела в Тилвертоне?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

26 Миртула, Год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

Руха уже однажды пересекала Отмель Жажды. Это было долгое, мучительное путешествие по солончаку, плоскому, как зеркало, изобилующему трагедиями и лишениями, и она считала, что ей повезло добраться до другой стороны. Такое путешествие было бы невозможно, разве что на корабле или на крыльях. Там, где когда-то она боялась смерти из-за того, что верблюд упал и прорвал бурдюк с водой, лежало целое озеро, необъятное, за пределами понимания большинства бединов и покрытое тенями вечернего дождя.

— Это уже совсем другая пустыня, нежели та, когда ты уходила, Руха. Лучше, — сказал шейх Са'ар.

Могучего телосложения мужчина лет пятидесяти, носивший серую *куфию* поверх седеющих волос, шейх лежал на гребне горного хребта, глядя на озеро вместе с Рухой и кормирским боевым магом по имени Калэдней.

— Озеро уже принесло нам хорошую охоту, — добавил он. Шейх указал вниз по берегу, на широкую полосу пустынных цветов с несколькими молодыми финиковыми пальмами, уже проталкивающими свои кроны над листвой. Руха не видела, на что он указывает, пока из высокой травы не показалось стадо газелей и не принялось пить. Очевидно, какая-то магия, сотворившая озеро из Отмели Жажды, также убрала его соленость, потому что газель не пила солоноватую воду.

— Легче, может быть, но не лучше — сказала Руха. Хотя прошло уже много лет с тех пор, как Руха жила в Анавроке, не говоря уже о том, чтобы пересечь Отмель Жажды, она чувствовала себя оскорбленной. Как ни бесспорна была красота озера, оно уже изменило окружающую пустыню, принес с собой изобилие и досуг, которые разрушат кочевой образ жизни бединов.

— Эти воды, — сказала она, — яд для бединов.

Шейх нахмурился. — Как это может быть? Я сам много раз пил из его вод, и ты сам видишь, что я сильнее, чем когда-либо.

— Так и есть, — сказала Руха, — но сколько времени прошло с тех пор, как твой *ховван* покинул озеро?

Лицо Са'ара побагровело.

— Мы скоро уйдём. — Он посмотрел в сторону, противоположную газелям, туда, где в маленькой бухте резвилась стая везерабов. — По правде говоря, по пятам за нашим рейдом.

— Воровать скакунов у шадовар не очень безопасно, шейх — сказала Калэдней. — Их магия сильна.

Открытая женщина с поразительными янтарными глазами и высоким гибким телосложением, она настояла на том, чтобы одеваться нарочито по-мужски, с длинными прядями рыжих волос, выбивающимися из-под куфии, и тонким мечом, висящим на поясе.

— Тогда хорошо, что у меня есть ты. — Са'ар отвел взгляд от озера и встретился взглядом с боевым магом. — Твоя магия, должно быть, тоже очень сильна, раз ты осмеливаешься так одеваться.

Глаза Калэдней вспыхнули.

— Мы пришли в Анаврок не для того, чтобы помогать кочевникам воровать.

— Возьми только молодых везерабов, шейх, тех, кто еще слишком мал, для езды верхом — Говоря это, Руха хмуро смотрела мимо Са'ара на Калэдней. — Остальные только плюнут тебе в лицо, а их дыхание хуже, чем у десяти верблюдов.

— Так ужасно? — Густые брови шейха поползли вверх. — Тогда, должно быть, это действительно прекрасные скакуны.

— Так мне кажется — сказала Руха, — но магия шадовар отличается от магии Джентарима. Вы не должны винить нас, если рейд пойдет наперекосяк.

— Руха, разве не ты говорила мне, что бедины не пользуются магией? Если поможем, шадовары могут понять, что мы здесь.

— Анаврок – большая пустыня, волшебница, — сказал Са'ар, — и город шейдов хорошо скрыт. К тому времени, как ты найдешь его, шадовары наверняка поймут, что ты их ищешь.

— Ты угрожаешь выдать нас? — спросила Калэдней.

— Шейх Са'ар никогда не предаст своих гостей, — сказала Руха.

Она посмотрела вниз с холма, где в пыльных *абах* стояли остальные кормирские разведчики, держа на вытянутой руке поводья недавно купленных верблюдов. Горстка женщин в отряде последовала примеру Калэдней и отказалась носить вуали, а детей и собак заметно не хватало.

— Но он прав, — продолжала ведьма. — Мы не очень убедительное племя. Чем скорее мы найдем город шадовар, тем больше шансов застать их врасплох.

По правде говоря, Руха полагала, что их уже обнаружили. Когда Вангердагаст попросил ее возглавить разведывательный отряд в Анавроке, найти летающий город, чтобы Кормир мог начать внезапную атаку, Руха попросила отряд смуглых кареглазых добровольцев, которых она могла бы замаскировать под бедин. Вместо этого волшебник снабдил ее Калэдней и ее столь же упрямым начальником

Хормуном, двумя глупцами, которые, казалось, верили, что быть верхом на верблюдах и в *абах* – это все, что требуется, чтобы замаскировать компанию светлокожих кормирцев под бединский *ховван*. Если бы она не знала, что Алусейр готовится к внезапной телепортационной атаке с секретной базы в Тилвертоне, она могла бы поклясться, что волшебники хотели, чтобы шадовары заметили их.

— Очень хорошо, шейх, но ты отведешь нас в Шейд, независимо от того, как закончится набег. — Она начала пятиться вниз по пыльному склону.

— Если ты сдержишь свое обещание, я сдержу свое. — Са'ар подполз к ней, сплюнул на ладонь и протянул ей. — Это выгодная сделка. — Калэдней сплунула себе на руку.

— Ты уверен, что Хормун согласится? — спросила Руха, соскальзывая вниз, чтобы присоединиться к паре, прежде чем они пожмут друг другу руки. — Сделка твоя, если ты ее заключишь.

Калэдней сжала руку шейха.

— Хормун последует за мной.

Руха не была в этом так уверена. Несмотря на свой возраст и дородность, Хормун проявил удивительную энергию в руководстве деятельностью отряда – от выбора мест для лагеря до диктовки темпа ежедневных маршей. Однако, когда они достигли подножия хребта, он удивил ее тем, что совсем не протестовал и даже позволил Са'ару спланировать набег.

Несколько минут спустя Руха, Калэдней, шейх и дюжина его людей терли себя и самых сильных верблюдов племени Махва в навозе везерабов, собранном воинами несколькими днями ранее именно для этой цели.

— Вы уверены, что это необходимо? — спросила Калэдней, сморщив нос от ужасной вони. — Я уверена, что у кого-то в компании есть заклинание, которое может устранить наш запах.

— Этого недостаточно, чтобы избавиться от собственного запаха, — сказал Са'ар. — Мы должны пахнуть так, как хотим. Это радует маленьких богов.

— И успокаивает наших верблюдов, — добавила Руха, объясняя в терминах, которые Калэдней понял бы с большей готовностью. — Если они подумают, что запах наш, а не везерабский, то при нашем приближении причинят меньше неприятностей.

— Меньше неприятностей? — проворчала Калэдней. — Я вообще не хочу никаких неприятностей.

Они подождали, пока дозорный подаст сигнал, что везерабы вышли из воды, чтобы отдохнуть вечером, затем Хормун использовал свою магию, чтобы сделать весь отряд невидимым, в то время как Руха и Калэдней использовали свою собственную магию, чтобы окутать группу покровом тишины. Хотя Махва была частью коалиции, которая полагалась на магию Рухи, чтобы уничтожить армию Джентарима в Орофине, это было много лет назад, и даже суровый взгляд шейха не мог удержать людей от ворчания и съезживания, когда заклинания были наложены на них. Наконец, налетчики обошли с подветренной стороны хребта и, с помощью еще большей магии выбрались на берег озера.

Ближайшие везерабы находились всего в нескольких сотнях шагов, в основном одиночные быки, такие капризные и сильные, что пастухи-шадовары оставили их стоять на страже по краям, надеясь, что инстинкты животных заставят их

последовать за остальными. Руха, возглавлявшая набег, поскольку была единственным человеком, имевшим хоть какой-то опыт обращения с везерабами, выбрала путь по дуге вокруг зверей, стараясь держаться как можно дальше.

Однажды, когда они вошли в заросли высокой болотной травы, соседний везераб расправил крылья и бросился на разведку. Са'ар выпустил куропатку, которую захватил с собой для развлечения, и птица взмыла в небо с таким буйством хлопающих крыльев и испуганным визгом, что втянула за собой в воздух трех везерабов. Руха хорошо воспользовалась этим отвлекающим маневром, ведя отряд в двадцати шагах от трех шадоварских пастухов, разбивших лагерь по ту сторону стоянки.

Рывок за направляющую, прикрепленную к талии, заставил ее остановиться. Несколько мгновений спустя в темнеющем небе появились десять камней размером с кулак и обрушились на часовых. Двое упали без сознания. К тому времени, когда третий осознал нападение и повернулся, чтобы увидеть отряд налетчиков, ставший видимым, когда они атаковали, скачущий к нему на верблюдах, два воина уже избили его до потери сознания. Как бы сильно ни был избит молодой пастух, Руха заметила, что воины использовали приклады своих копий вместо наконечников, как знак беспокойства Са'ара о том, чтобы не разозлить шадовар.

Бединские налетчики обычно убивали часовых, чтобы для контратаки оставалось гораздо меньше воинов. Шейх и другие в его отряде уже бросились бежать к отдыхающим везерабам, набрасывая петли плетеной веревки на шеи самых маленьких животных и привязывая другие концы к своим седлам. Большинство из них кашляли и шатались, изо всех сил стараясь удержаться на своих скакунах, пока везерабы наполняли воздух своими ядовитыми выдохами.

Руха очистила воздух мощным заклинанием ветра, затем увидела, как разъяренная самка везераба прыгнула на шею верблюда и оторвала ему голову четырьмя острыми когтями.

Вокруг начали подниматься все новые везерабы, наполняя сумеречный воздух трепещущими облаками темных крыльев. Большинство просто пытались убежать, но некоторые, особенно те, у кого были детеныши, свистели, призывая на помощь, начали поворачиваться к бединским воинам.

Везераб низко нырнул перед Са'аром, стащив седого воина с верблюда вверх, а затем бросив его обратно на землю. Руха отменила заклинание тишины и указала на вади, который они выбрали в качестве пути отступления.

— Хватит, Са'ар! — крикнула она. — Беги!

Шейху не нужно было повторять дважды. Он протрубил три ноты на своем роге из амарантового дерева. Его воины, те, кто еще не бежал, повернулись как один, каждый тащил за собой двух или трех испуганных детенышей везераба. Руха метнула в воздух шквал магических стрел и стряхнула с хвостов налетчиков полдюжины взрослых, а затем Калэдней подняла силовой барьер позади них.

Дюжина везерабов врезалась в невидимую стену и упала на землю со сломанными шеями и крыльями. Сбитые с толку выжившие улетели, насвистывая от разочарования и печали. Руха и Калэдней последовали за ним. К тому времени, как они достигли устья вади, везерабы начали пробираться через силовой барьер.

Руха соскочила с верблюда и зачерпнула пригоршню песка, затем произнесла заклинание и дунула в сторону растущего числа существ, устремившихся за ними. Завывающий ветер поднялся у нее за спиной и, очистив устье каньона от песка и пыли, с ревом устремился к озеру. Везерабы исчезли в облаке клубящейся пыли и больше не появлялись.

— Твоя магия стала сильнее, ведьма — заметил Са'ар позади нее. — Напомни мне быть с тобой терпеливым.

Руха обернулась и увидела, что он держит поводья ее верблюда. Остальные его воины выходили из своих укрытий в устье вади, половина из них прикрывала заднюю тропу налетчиков луками и стрелами, другая половина выхватывала захваченных везерабов из воздуха и связывала их кожаными капюшонами и попонами на крылья. Хотя большинство бединов были искусны в обращении с соколами и другими хищными птицами, детеныши везерабов были крупнее и свирепее. Битва была не такой уж односторонней, и воины платили кровью за каждые поводья, которое удавалось накинута.

Руха приказала верблюду встать на колени, а потом, садясь в седло, услышала, как кто-то взревел чуть выше по вади. Она повернулась на звук и увидела, как цепочка привязанных верблюдов рухнула, их горла и животы были вскрыты стеклянными черными клинками, когда патруль шадовар вышел из тени вдоль ущелья. Она выпустила молнию в фигуру, поднимавшуюся позади верблюда Са'ара, и увидела, как голова парня разлетелась на части, прежде чем он снова погрузился в темноту. Калэдней вскрикнула в шоке позади нее, и Руха, обернувшись, увидела кормирца на земле, придавленного раненым верблюдом, а рубиновоглазый воин-шадовар прыгнул сверху. Она швырнула в фигуру клубок паучьего шелка и произнесла заклинание: враг упал на землю, заключенный в липкий кокон.

Наконец нашлось время крикнуть:

— Шадовары здесь! Защищайтесь! — Даже Руха едва могла расслышать свой голос из-за шума битвы, который уже поднялся в вади. Бедины кричали друг другу о демонах и джиннах и, находя нападавших за спиной, куда бы они ни повернулись, быстро падали. Шадовары поднимались из теней, чтобы отрубить руку или ногу, а затем исчезали обратно во мраке, прежде чем их можно было контратаковать. Руха схватила Калэдней под мышки и вытащила из-под верблюда.

— Ты ранена?

— Ошеломлена, — ответила волшебница, разинув рот. Она опустила руку и послала золотую стрелу сквозь шадовара, поднимающегося позади Рухи, затем удивленно покачала головой. — Откуда они взялись?

— Из теней — сказала Руха.

Она проскользнула за спину Калэдней и выпустила длинную струю огня в шадовара, поднимавшегося позади бединского парня верблюда, без сомнения державшего поводья во время его первого набега. Огненный шар взорвался, не причинив вреда теневому воину, как иногда делала магия Плетения, и темная фигура пронзила мечом молодого воина, а затем снова растворилась в тени.

— Так часто бывает — сказала Руха.

— В самом деле? — Калэдней ахнула. Она замолчала на мгновение, и Руха, оглянувшись через плечо, увидела, как волшебница потирает пурпурного дракона о ее перстень с печаткой. — Хормун, скорее. Ты должен это увидеть!

— Пойдем? — воскликнула Руха.

Она заметила шадовара, поднявшегося из-за валуна с духовой трубкой в руках и бросила в его сторону камешек, затем произнесла одно-единственное слово. Камешек превратился в каплю магмы. Когда она ударилась о валун, тот тоже взорвался тысячью капель расплавленного камня, и воин исчез в обжигающих оранжевых брызгах.

— Мы должны бежать! — сказала Руха.

— Бежать? — Калэдней покачала головой. — Их осталось не больше двух дюжин.

— И еще больше там, откуда они пришли, — предупредила Руха.

Она понятия не имела, насколько близко они подошли к городу, но знала шадовар достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, что это только первая волна нападения. Даже если бы они не знали, что в набеге замешаны кормирцы, они бы послали отряд всадников на везерабах, чтобы показать пример любому племени, которое осмелится их обокрасть.

— Они просто пытаются задержать нас — сказала Руха.

— Да, я догадалась, когда они сперва напали на наших верблюдов. — Кормирка выпустила серебряный луч в пару шадовар, атакующих Са'ара, который все еще пытался надеть капюшон и попону на последнего везераба, привязанного к его мертвому верблюду.

Когда атака привела лишь к тому, что воины-тени были оглушены, Руха отошла от Калэдней и, увернувшись от одного черного меча и превратив владельца второго в пепел, еще более темный, чем его обычно смуглое лицо, остановилась рядом с шейхом.

— Ты с ума сошел, Са'ар?

Она отбросила голову существа в сторону, когда оно повернулось, чтобы укусить ее за колено, а затем продолжила:

— Несколько везерабов не могут стоять столько жизней Махва.

Шейх даже не оторвался от работы.

— Скакуны, которые могут летать по небу? Махва будут хозяевами пустыни!

В конце концов ему удалось натянуть капюшон на безликую голову существа, а затем его ударил сзади разряд теневой магии, который отбросил его лицом вниз. Его рука обмякла, и Руха увидела землю сквозь неровную дыру в конечности.

Прежде чем она успела смахнуть с земли камешек для контратаки, шейх здоровой рукой выхватил метательный кинжал и развернулся, чтобы ударить им нападавшего. Бросок, конечно, промахнулся, но отвлек шадовара достаточно надолго, чтобы Руха успела вытащить свою *джамбию*. Она схватила шнурки капюшона детеныша и держала его рядом с собой в течение половины секунды, которая потребовалась воину-тени, чтобы закрыться.

Руха подошла к нему вплотную и распорол его от паха до ребер. Она была слегка удивлена, увидев, что вещество, выливающееся из него, выглядело почти так же, как и то, что выходило из бедина.

— Да улыбнется тебе Ила, — выдохнул Са'ар, поддерживая везераба здоровой рукой. — Сколько раз ты уже спасала мне жизнь?

— Слишком много раз для одного шейха, — сказала Руха, поднимая его на ноги. Она взяла его изогнутый амарантовый рог и вложила в здоровую руку. — А теперь труби в рог и рассеивай своих воинов. Везерабы не годятся для мертвецов. — Са'ар оттолкнул рог.

— Теперь это мои везерабы — сказал он, — и никто не крадет у Са'ара, шейха Махвы.

Руха опустила подбородок.

— Ты дурак, шейх.

— Почти наверняка, — сказал Са'ар, подталкивая к ней голову детеныша. — А теперь помоги мне зашнуровать капюшон, пока битва снова не обернулась против нас.

— Снова? — Руха огляделась и увидела, что в то время как битва продолжалась, шадовары теперь подвергались нападению магии и железа всякий раз, когда они приближались к бединам. Она посмотрела вверх по склону вади и увидела Хормуна, стоящего на вершине валуна, его *аба* была отброшена куда-то в сторону, открывая черный боевой плащ кормирского боевого волшебника. Он размахивал двумя палочками одновременно, швыряя пылающие сгустки огня или потрескивающие ветви молний всякий раз, когда шадовар осмеливался выйти из мрака, чтобы напасть. По бокам от него стояли два полных ряда Пурпурных Драконов, по очереди заряжая и стреляя из своих железных арбалетов, в то время как меньшее кольцо из трех волшебников и двух дюжин дракониров стояло рядом, глядя в темноту, атакуя любую тень, которая хотя бы мелькнула.

— Дурак! — прошипела Руха. — Неужели он думает, что его никто не увидит? Или Высочайший должен подумать, что железные болты были выпущены из бединских арбалетов?

— Я не знаю, что он думает, — сказал Са'ар, — только то, что он человек слова. Так ты поможешь мне или нет, ведьма?

Быстро оглядевшись вокруг, чтобы убедиться, что они не находятся под непосредственной угрозой нападения, Руха помогла ему завязать капюшон. К тому времени, как она закончила, Калэдней уже стояла в верхнем конце поля боя, махая оставшимся в живых бединам вверх по вади.

— Пойдем, и побыстрее! — Взгляд кормирки был прикован к небу над озером, где все еще бушевала песчаная буря Рухи. — Только побыстрее.

Руха толкнула Са'ара и поводья трех его детенышей везерабов в объятия группы ошеломленных воинов, затем повернулась в ту сторону, куда смотрела Калэдней, и увидела большой отряд всадников везерабов, приближающихся с севера, летящих высоко над ее песчаной бурей. Они все еще были слишком далеко, чтобы она могла сказать больше, чем то, что их было несколько сотен, но она могла бы поспорить на свою вуаль, что войско такого размера возглавлял Принц шейдов.

Хормун и его дракониры начали организованное отступление к Калэдней, и Руха совсем не огорчилась, увидев, что выжившие шадовары сосредоточили свои усилия на кормирцах, а не на Са'аре и его Махве.

Повелители теней теперь были более осторожны, появляясь из мрака ровно настолько, чтобы метнуть стрелу тени в колено воина или кольнуть в подколенное сухожилие волшебника, явно пытаясь задержать их отступление, пока не прибудет отряд на везерабах.

Руха побежала вверх по вади и присоединилась к Калэдней, которая деловито бросала заклинания в тени холмов, пытаясь помочь своим борющимся спутникам. С ее атакующей магией, почти истощенной, Руха подготовила заклинание песчаного дракона, но держала его в резерве на случай, если Калэдней разозлит шадовар достаточно, чтобы отвлечь атаку.

— Если бы Хормун ждал здесь с остальными воинами Са'ара, Махва, возможно, потеряли бы меньше жизней.

— Или мы все потеряли бы больше — сказала Калэдней. — Таким образом, удивились шадовары, а не мы.

— И у тебя была возможность посмотреть, как они дерутся. — Руха даже не потрудилась скрыть горечь в голосе. Калэдней опрыскала пару шадовар каким-то зеленым лучом, с которым Руха не была знакома, превратив обоих воинов в дымные клочья и открыв путь потрепанной роте Хормуна, чтобы присоединиться к ним на дне вади.

Она приподняла бровь и посмотрела на Руху.

— У нас была возможность посмотреть, как они дерутся, но это была их идея — украсть везерабов.

— Верно, и ты этим воспользовалась.

Руха с трудом сдерживалась, чтобы не закричать. История была старая: *беррани* из-за пределов Анаврока проникли в пустыню и использовали кочевников в своих целях.

— Са'ар никогда бы не решился на такое без кормирской магии. Мне кажется, мы воспользовались друг другом.

Калэдней пожала плечами и указал на вади, где Са'ар и его воины вели своих новых везерабов в телепортационный круг, который должен был доставить их в безопасное место — по крайней мере, временно.

— Не вижу, чтобы шейх жаловался.

Прибыли Хормун и остальные кормирские разведчики, за ними по пятам следовали с полдюжины шадовар. Калэдней убила двоих одним из своих зеленых лучей, затем Хормун и еще один волшебник убили еще троих. Последний воин оглянулся через плечо и, обнаружив, что отряд везерабов все еще слишком далеко, чтобы помочь ему, побежал к ближайшей тени. Когда никто больше не начал заклинание, Руха соскребла с земли горсть песка и начала свое, только для того, чтобы быть прерванной, когда Хормун опустил руку на ее запястья.

— Отпусти его, — сказал он. — Сейчас он никому не причиняет вреда.

— Не причиняет вреда? — ахнула Руха. — Он видел твой волшебный плащ. Он побежит прямо к Высочайшему и подтвердит, что мы разведывательный отряд из Кормира.

— Думаешь? — Слабая улыбка появилась на бородатых губах Хормуна, и он повернул вверх по вади. — Тогда нам лучше поспешить к нашему следующему лагерю, не так ли?

У Рухи отвисла челюсть за вуалью. Она стояла и смотрела вслед старому волшебнику, пока Калэдней не взяла ее за руку.

— Пойдем, — сказала кормирка. — Дело сделано. Вангердагаст не обрадуется, если ты останешься, чтобы подтвердить это ... Совсем не обрадуется.

Ривален сражался с тремя фазриммами сразу, нос к носу, и не имел ни малейшего шанса позвать на помощь. Он развлекался с суккубами-близнецами и, проснувшись, обнаружил их – ну, он не хотел переживать это снова. Он сражался с демонами голыми руками, Тенью – и был тем, кто улетел. И никогда, ни разу за восемьсот лет, даже когда он отдал свой дух теневой материи, ни разу он не испугался. Не так как сейчас.

— Как? — спросил Высочайший. Его голос был спокойным, мягким, даже рассудительным – в том ужасном тоне, который он принимал перед тем, как обречь кого-то на вечное блуждание по Пустошам Рока и Отчаяния. — Кто-нибудь может это объяснить?

Они смотрели вниз, на лагерь ведьмы-арфистки и ее кормирских разведчиков. Причем не через окно мира, а глядя прямо на него с личного наблюдательного балкона Высочайшего во Дворце. Глядя вниз, сквозь туман теней на хорошо защищаемый лагерь, расположенный в лабиринте каньонов, таких узких, что крылья везераба касались бы обеих сторон.

Лабиринт каньонов, залитый магическим светом без определенного источника, где те немногие тени, которые существовали, охранялись отрядом часовых, вооруженных как магией, так и сталью. Лабиринт каньонов, где шадоварам придется пробиваться, как обычным орочьим пехотинцам, и лабиринт каньонов, где хватит места для кормирцев... И сембийцев... И жителей Долин... И только Сокрытая знает, кого еще, – все они полны решимости лишить шадовар земель потерянного Незерила.

Ведьма, разумеется, не могла их видеть. Конечно, ее бединские вассалы сообщали ей о потоке везерабов, который постоянно падал в озеро, и, без сомнения, отмечали темную грозовую тучу, которая, казалось, никогда не покидала этого района, но она не могла видеть Анклава Шейдов. Все еще были туманы теней, тысячи футов над землей и, не в последнюю очередь, магия Высочайшего, но Ривален не был так уверен.

— Ривален?

Ривален почувствовал на себе тяжесть взгляда Высочайшего. Он даже не потрудился поднять глаза. Да и смотреть там было не на что. Он просто проглотил страх и обратился к отцу.

— Есть причина, по которой Руха прячет свое лицо за вуалью, Высочайший, — сказал он. — Из всех рас на Торице у шадовар больше, чем у кого бы то ни было, причин знать силу скрытого.

— Верно, но это ничего не объясняет.

Ривален с трудом сглотнул.

— Высочайший, кто может объяснить волю Сокрытой? Ведьма там, внизу; это все, что имеет значение, кроме моей собственной неудачи в том, чтобы остановить ее в

Кормире. Именно это последнее и спасло его. Тяжесть пристального взгляда Высочайшего мгновенно исчезла, и воздух стал неподвижным и холодным, когда он подошел к Ривалену.

— Ты поступил так, как считал нужным, сын мой — сказал Теламонт, и плечо Ривалена онемело от холода. — Я уверен, что ты загладишь свою вину перед нами.

— Как и я — сказал Ривален.

— Хорошо. Всевышний сжимал его плечо до тех пор, пока Ривален не подумал, что оно вот-вот сломается. — Теперь мы должны подумать о том, что делать дальше.

— Ответ ясен, Высочайший — сказал Кларибернус. — Мы должны убить ведьму. Высочайший молчал.

Кларибернус продолжал, слова вырывались из него, как дыхание. Магия Плетения нечиста и слаба, не сравнится с Теневым Плетением. Все, что нам нужно сделать, это сбросить теневой покров...—

— И как это нам поможет? — спросил Высочайший тревожно рассудительным и спокойным голосом. — Избавится от твоей ошибки?

— *Моей* ошибки, Высочайший?

— Разве она не была твоим проводником, брат? — спросил Ривален. — Твоим и Бреннуса?

— Она была, — ответил Бреннус, — и мы контролировали ее.

— Довольно! — сплюнул Высочайший. — Нет смысла обвинять друг друга. Я разочарован во всех вас.

Высочайший замолчал. Эсканор первым осмелился заговорить.

— Какое значение имеет ведьма? Если она не может войти в город, то какое имеет значение, если она остановится под нами на столетие?

— Это имеет значение только в том случае, если ты ошибаешься, — ответил Высочайший.

Вопрос повис в воздухе, тяжелый, как свинец. Никто из братьев не осмелился ответить. Наконец Высочайший сказал:

— Вы все подвели меня. Все вы, принцы. Туман теней ненадолго скрыл палатки кормирского лагеря, а когда он снова рассеялся, принцы увидели круг белых скал. — Видишь этот круг?

— Круг телепортации — сказал Ривален. Его колени чуть не подогнулись под тяжестью вопроса Теламонта.

— Для отступления, я полагаю — сказал Ривален.

Снова тишина.

— Но я могу ошибаться, — признал Ривален.

— Если это так, то через несколько часов под нами будет армия, — сказал Кларибернус. — Лаэраль потребовалось меньше трех часов, чтобы доставить всю свою спасательную армию в Шараэдим.

Ривален сердито посмотрел в свинцовые глаза Кларибернуса. — Как Одиннадцатый принц, и самый младший из оставшихся в живых, он был честолюбив, всегда стремился возвыситься за счет своих братьев.

— Не вини брата в своих неудачах, Ривален — сказал Кларибернус. — В Кормире Стальной Регент легко победила тебя.

Эсканор, всегда любимый брат Ривалена, сказал:

— Мы все недооценили врага.

— Да, конечно, — сказал Кларибернус.

Эсканор сделал шаг в сторону младшего принца, и обнаружил, что Хадрун преграждает ему путь.

— Дорогие принцы, если мы позволим врагу разделить нас таким образом, мы уже проиграли. — Сенешаль, более честлюбивый, чем любой из принцев, и по-своему более опасный, повернулся к Высочайшему.

— Могучий Теламонт, если позволите... —

— Если это необходимо.

— Если я могу предложить более консервативную стратегию, то, возможно, нам следует призвать наши армии домой и защитить анклав.

Теламонт хранил молчание.

— Да, Высочайший, я действительно верю, что ведьма может знать путь в анклав, — добавил сенешаль, взглянув в сторону Кларибернуса и Бреннуса. — Мы не знаем, что она узнала, когда ее привезли сюда. Вы знаете, где я ее нашел.

Высочайший отскочил от перил и ткнул пустым рукавом в лицо Хадруна. — Фаэрунцы ведут себя неразумно! — Все чего мы хотим, это то, что было у Незерила с самого начала? По какому праву они отказывают нам? Ривален вздохнул с облегчением и приготовился к разглагольствованию. Не будучи рожденным в течение семисот лет после того, как Тень покинула Фаэрун, он не чувствовал того же права, что и Высочайший, но он признавал власть, которую оно имело над его отцом. Мечта о возвращении Анаврока и изгнании фаэриммов – вот и все, что осталось от Теламонта Тантула. Временами это заставляло Ривалена жалеть, что он не был жив, чтобы увидеть славу Незерила, хотя бы для того, чтобы понять свою призрачную природу.

— Незерил был самой прекрасной, самой высокой и могущественной, самой достойной цивилизацией, которую когда-либо породил Фаэрун! — пожаловался Теламонт. — А Сердцеземцы не хотят несколько десятилетий голодать! Я бы, не колеблясь, совсем не колеблясь, говорю вам, стер их всех с лица земли, если бы это означало возвращение плавучих городов. А эльфы... Я *отдал* бы Эвереску и Эвермит фаэриммам, потому что именно век мира нам нужен, чтобы вернуть Анаврок ее славу.

Бреннус шагнул вперед, склонив голову и обнажив церемониальные клыки. — Если будет угодно Высочайшему, я с радостью пойду в Шараэдим открывать...—

— Переговоры? — Высочайший шлёпнул его, точнее, ударил, и принц растянулся на земле. — *Это* я должен позволить.

Высочайший повернулся к Ривалену, его платиновые глаза горели вопросом.

— Альянс может привести сюда свою армию слишком скоро, — сообщил Ривален. — Наши агенты в Тилвертоне сообщают, что она уже насчитывает много тысяч человек и растет с каждым часом.

Высочайший повернулся к Кларибернусу.

— Пока мы говорим, наша армия из Шараэдима проходит к югу от Моря Теней — сказал Кларибернус. — Она прибудет в Тилвертон к завтрашнему вечеру.

— Как скоро она может быть здесь? — спросил Хадрун. — Как обычно, наглость сенешаля была невероятна. Как будто он верил, что, поскольку он не был

порождением плана, ему нечего бояться гнева Высочайшего. — Вовремя, чтобы остановить кормирцев?

Кларибернус склонил голову.

— Это всего в часе пути.

Хадрун повернулся к Высочайшему.

— Возможно, мы могли бы разделить армию. Призовите достаточно, чтобы обезопасить себя от нападения.

— Так мы потерпим поражение в обоих сражениях — сказал Ривален. — В Тилвертоне более десяти тысяч вражеских солдат, многие из них боевые маги и священнослужители. Если я хочу победить их, мне понадобится вся наша армия.

— Даже армия в Миф-Дранноре? — спросил Эсканор.

По правде говоря, Ривален думал, что ему понадобится и эта армия, но он не посмел оттолкнуть своего ближайшего союзника среди принцев, и своего единственного старшего брата. Он склонил голову к Эсканору и сказал:

— Любые войска, которые ты сможешь выделить, несомненно, добавят шансов на победу.

— К сожалению, боюсь, что без них придется обойтись, — сказал Эсканор. — Фаэриммы Миф Драннора оказались такими же упрямыми.

— Я уверен, что ты можешь выделить половину своих войск — сказал Высочайший. — Наша победа в Тилвертоне должна быть быстрой. Мы должны вернуть нашу самую большую армию в Шараэдим в течение месяца, прежде чем теневой барьер потерпит неудачу. Фаэриммы – наша самая большая угроза.

Эсканор взглянул на Ривалена, его медные глаза горели гневом.

— Но если наши потери будут тяжелыми...—

— Мы будем окружены со всех сторон, — подтвердил Хадрун. — Конечно, консервативный подход мудрее.

Всевышний на мгновение задумался, а затем сказал:

— Ты наполовину прав. Я пошлю принцев, чтобы они обратились к политикам, более сочувствующим нашему делу. Ламорак, ты пойдешь к Красным Волшебникам Тэя. Идер, ты будешь искать истинных лидеров Культа Дракона...

Высочайший продолжал, обрисовывая стратегию, которая охватит силы, в настоящее время окружающие шадовар. Когда он наконец закончил, Хадрун снова попытался утвердить свое влияние.

— Вы приняли все разумные меры предосторожности, которые только можно принять, Высочайший ... Но как насчет моего предложения?

— Конечно, разумнее всего сначала защитить Анклав Шейдов.

— Подожди.

Высочайший обратился к Серафиму Лжи, Малику. К великой чести силы воли маленького человека, он, казалось, не чувствовал тяжести невысказанных вопросов, и Теламонт был вынужден спросить:

— Как ты думаешь, она знает дорогу в город? — Глаза Малика стали круглыми, как монеты, и Ривален подумал, что он бросился бы через перила балкона, если бы перспектива болезненного приземления не была так велика.

— По моему опыту, эта ведьма может попасть куда угодно — сказал Малик. — Она много раз вторгалась ко мне в самые щекотливые моменты, и иногда, даже когда я мог бы поклясться, что она была за тысячу миль отсюда.

Высочайший обдумал это, затем кивнул.

— Полагаю, было бы безопаснее предположить, что она знает путь в анклав.

Его платиновые глаза вспыхнули в направлении Кларибернуса, затем он снова посмотрел на Малика и спросил:

— Так ты посоветуешь мне призвать армии Шейда домой?

— Действительно.

На мгновение Ривалену показалось, что Малик оставит эту тему, но затем лицо маленького человека исказилось маской неудовольствия, и он сказал:

— Только, я думаю, было бы разумнее посоветовать тебе отдать все свои войска Ривалену и приказать ему атаковать.

Капюшон Высочайшего повернулся в сторону маленького человечка.

— Потому что именно этого ты действительно хочешь, Высочайший — выпалил Малик, — а мудрый советник всегда говорит своему господину то, что тот жаждет услышать.

— Неужели это так? — Пустой капюшон Теламонта качнулся в сторону Ривалена, и Ривален почувствовал, как тяжесть вопроса отца давит ему на плечи. Он склонил голову.

— Я захвачу Тилвертон и уничтожу армию Союза — сказал Ривален, — или умру, попытаюсь это сделать.

— Умри, если должен, но смерть не оправдывает неудачи — сказал Высочайший. Он повернулся к Малику, и Ривален мог поклясться, что увидел улыбку под капюшоном Высочайшего.

— Спасибо, маленький человек. Ты не только мой самый мудрый советчик, но и самый честный.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

27 Миртула, год Дикой Магии (1372 по Л.Д)

На западе лежало заходящее солнце, его оранжевая ярость зажигала ржавое пламя на темнеющем небе и окрашивала зазубренные Каменные земли в огненно-медное сияние. За одинокими деревьями и далекими монолитами тени удлинялись, протягивая свои острые кончики через выжженные пастбища к городу Тилвертон. На севере пурпурная тьма уже окутала Горы Устья Пустынь. К югу от подножия Грозовых Рогов простиралось озеро густого мрака.

Атака могла начаться с любого направления или со всех трех, и не более чем за то время, что тень должна была пронестись по равнине. А могла, и вовсе не начаться, хотя Галаэрон знал, что на это рассчитывать не стоит. Вместе с Вангердагастом, Алусейр, леди-регентом Аласалинн Рованмантл и большим количеством помощников, чем было безопасно, Галаэрон находился на вершине недостроенной башни в Районе Холмов Старого города, стоя на импровизированных лесах, которые скрипели каждый раз, когда кто-то перемещал свой вес, наблюдая за темнотой в поисках первого намека на врага.

Внимание Вангердагаста было приковано к югу, так как это была единственная сторона города без ворот, и он был убежден, что шадоварам понадобится время, чтобы выстроиться в ряды до начала битвы. Большинство адъютантов были убеждены, что они выйдут из предгорий Устья Пустыни, так как это был и самый короткий путь к Анаврок, и один из самых защищенных. Алусейр не сводила глаз, как и стрелы ее лучников, с неба, потому что ее беспокоили описания всадников на везерабах и факт союза шадовар с Малигрисом и его синими драконами. Галаэрон не знал, чего ожидать, но был уверен: что бы ни сделали шадовары, это будет столь же неожиданно, сколь и разрушительно.

Внизу слышался негромкий стук, когда роты телохранителей у основания башни прошли процедуру допуска бегуна. Наконец, герольд попросил разрешения послать одного из волшебников Вангердагаста, и удивленный ропот поднялся на вершине башни, когда адъютанты, стоявшие ближе всех к лестнице, увидели, кто это. Галаэрон посмотрел вниз и увидел стройную женщину в красном плаще, поднимающуюся по длинной лестнице. С рыжими волосами и золотистыми глазами даже он узнал в ней любимую помощницу Вангердагаста, и, как говорили некоторые, любовницу, Калэдней.

Старый волшебник подошел к лестнице и, когда она приблизилась к вершине, протянул ей руку.

— Как раз вовремя, дорогая, — сказал он, подтягивая ее к лесам. — Какие новости?

— Хорошие новости.

Она отвернулась и поклонилась Алусейр, а затем доложила обо всем непосредственно регенту.

— Руха нашла летающий город, и, похоже, он слабо защищен.

— Где он? — спросил Вангердагаст. — На новом озере?

Калэдней кивнула:

— плывет над северной оконечностью. Здесь есть пресная вода и укрепленный лагерь. Сейчас Хормун готовит круг перемещения.

Алусейр на мгновение задумалась над докладом, а затем сказала:

— Есть причина, по которой город защищен лишь слабо.

Вангердагаст кивнул.

— Либо Галаэрон прав, и они готовят нападение.

— ...Или они надеются заманить нас в ловушку, — закончила Алусейр. Она повернулась к Галаэрону.

— А ты как думаешь?

— Шадовары — хитрые воители, — сказал он, — но фаэриммы — их самые древние враги. Теламонт Тантул рискнет освободить их, только если позволит своему гневу управлять собой.

— А злые мужчины не сидят в ожидании, — согласилась Алусейр. — Они нападают.

— Если только он не хочет, чтобы мы так думали, — заметила Калэдней.

— Возможно, Теламонт уверен, что сможет быстро победить нас и вовремя вернуть свою армию в Шараэдим, чтобы держать фаэриммов в узде. — В таком случае он не может позволить нам задавать темп — сказал Вангердагаст. — В любом случае, он нападёт на нас. Все указывает на это.

Калэдней склонила голову к старому волшебнику.

— Я пошлю весточку Хормуну, чтобы он придержал свое заклинание.

Алусейр предостерегающе подняла руку.

— Подождите минутку.

Она задумчиво прикусила губу, затем с полуулыбкой повернулась к Вангердагасту.

— А что, если нам удастся опередить их?

Брови Галаэрона поползли вверх.

— Напасть на них их? Если вы неправильно рассчитаете время, Тилвертон будет потерян.

— Верно, — сказала Алусейр, не теряя энтузиазма, — но в Кормире много городов. У Шадовар — только один.

Аласалинн Рованмантл громко ахнула.

— Вы готовы пожертвовать Тилвертоном?

— Нет, но я бы наверняка поставила на это — сказала Алусейр, не улыбаясь. — У вас есть план эвакуации?

И без того бледное лицо Аласалинн стало еще бледнее.

— Я активирую его.

Она надела кольцо на средний палец и исчезла в потрескивании магии.

Вангердагаст приподнял кустистую бровь и хотел что-то сказать, но, поймав предостерегающий взгляд Алусейр, откашлялся. Алусейр улыбнулась.

— Ванги, ты можешь....

— Конечно, принцесса.

Слишком пухлый и шаткий для лестницы, Вангердагаст просто подошел к краю лесов и поискал свободное место для приземления.

— Я немедленно подготовлю устройство к транспортировке.

Галаэрон нахмурился, но прикусил язык и ухитрился не спрашивать об «устройстве». Их отъезд из Арабеля был отложен почти на полтора дня, чтобы дать Вангердагасту и боевым магам время «подготовиться». Галаэрон предполагал, что они собирают магические предметы и запоминают заклинания, но он понял, что это не так, когда волшебники вышли из своего арсенала, таща огромную повозку, покрытую тентом из черного холста. Волшебник проигнорировал неоднократные расспросы Галаэрона об этой штуке, сказав лишь, что это раз и навсегда докажет, что Плетение сильнее Теневого Плетения. Когда Галаэрон не двинулся ни к лестнице, ни к Вангердагасту, волшебник схватил его за руку.

— Пойдем, юноша.

Вангердагаст стащил его с лесов, и они поплыли вниз по полой внутренней части недостроенной башни.

— Ты захочешь это увидеть.

Внизу они собрали отряд телохранителей Ариса и Вангердагаста и двинулись вниз по холму мимо роты за ротой, выстраиваясь для короткого марша к кругу перемещения. Офицеры не проявляли ни хвастовства, ни бравады и произносили относительно мало слов ободрения. Все знали, что Шадовары – странный и могущественный враг, и большинство мудрых военачальников молились, чтобы сам факт Союза Сердцеземья заставил принцев пересмотреть решение о таянии Высокого Льда. То, что Союз готовился к ночному маршу, положило конец всякой надежде покончить с этим делом без боя.

У подножия холма, где особняки Района Холмов уступали место непомерным магазинам и постоянным дворам, населявшим остальную часть Старого города, Вангердагаст свернул в ворота Покоя Повелителя Ветров, которые он присвоил себе в качестве штаб-квартиры боевых волшебников. Вместо того, чтобы войти в уютную гостиницу, он повел их мимо смешанного отряда боевых магов и Пурпурных Драконов. На другой стороне «устройство» сидело, укрытое в своем фургоне, веера золотистого света, проливаясь сквозь планки грузового ложа, освещали пол конюшни. Свет был невероятно ярким, хотя, казалось, не обжигал глаза ни Вангердагаста, ни стражников так, как обжигал Галаэрона. Ему пришлось прикрыть лицо, и ладонь начала покрываться краснотой, как от ожога крапивой. Вангердагаст ухмыльнулся реакции Галаэрона, затем достал из кармана кольцо с грубой копией Пурпурного Дракона Кормира.

— Извини за качество изготовления — сказал королевский маг, — у нас было мало времени. — Он передал кольцо эльфу. — Надень его.

Галаэрон надел кольцо на палец и сразу почувствовал себя лучше. Он также заметил, что свет был далеко не таким ярким, как он думал, и почти не пробивался сквозь щели.

— Интересно, — сказал он. — Как это работает?

— Я объясню на круге — сказал Вангердагаст.

Он повернулся к главному входу, где Арис, стоя на четвереньках, заглядывал в конюшню.

— Я был бы тебе очень обязан, если бы ты вытащил для нас повозку. Телепортация имеет тенденцию вызывать панику у тягловых лошадей.

— С удовольствием.

Великан протянул руку в дверной проем, чтобы ухватиться за коновязь, но тут со двора позади него донесся тревожный крик, и он остановился, оглянувшись через плечо.

— Каменные Кости защитят нас! — воскликнул Арис.

Галаэрон шагнул к двери и увидел группу темных фигур, вылезающих из тени, поливая изумленные роты стражников снаружи стрелами из черного стекла и стрелами теневой магии. Арис вскрикнул, когда темный луч пронзил его предплечье, а затем ударил нападавшего той же рукой. Прежде чем великан успел сомкнуть

пальцы, Шадовар снова превратился в тень и исчез, затем появился позади него и пронзил его бедро другим лучом. Арис снова вскрикнул и резко обернулся.

Галаэрон увидел троицу шадовар, появившихся рядом с дверью, и больше не мог обращать внимания на великана. Он выхватил меч и, дождавшись, пока воины начнут принимать видимость солидности, обезглавил ближайшего. Тело просто утекло обратно в тень, но спутники мертвеца повернулись к Галаэрону, их руки поднялись, чтобы выпустить заклинания тени. Галаэрон нырнул обратно в конюшню.

— Предупреди принцессу! — крикнул он.

— Они нашли меня!

— Они нашли мое устройство, — поправил Вангердагаст, заглядывая во двор мимо танцующих ног Ариса.

— Но как? Этот город защищен! — Его телохранители начали контратаковать молниями, арбалетными стрелами и, Галаэрон был разочарован, увидев их, стрелами чистой магии. Даже услышав, как была пробита Стена Шарнов, Вангердагаст проигнорировал предложение Галаэрона, чтобы Боевые Волшебники вычеркнули все заклинания сырой магии из своих боевых списков.

— Я говорил тебе, что эти обереги бесполезны — сказал Галаэрон, — и шадовары скоро это докажут.

Тени внутри здания начали колебаться по мере того, как появлялось все больше воинов теней. Галаэрон похлопал Вангердагаста по плечу, и волшебник оглянулся через плечо на поднимающиеся за ними силуэты.

— Неприятные существа, не правда ли? — сказал королевский маг.

Вангердагаст указал на свое устройство и поднял его. Брезентовая крышка поднялась, открывая шар живого света, на его поверхности были выгравированы сотни черных глифов, похожих на защитную плитку, которую Галаэрон видел два дня назад. Глифы плыли по поверхности, как водомерки по пруду, и отбрасывали темные тени на внутреннюю часть конюшни. Когда силуэты упали на воинов шадовар, соответствующий глиф перестал двигаться и прочно закрепил свою тень в центре груди цели. Шадовары взвыли в агонии и попытались увернуться или упасть обратно в тень. Трудно было сказать, что случилось с теми, кто отступил на окраину, но остальные кричали в агонии, когда их глифы двигались по шару, чтобы сохранить темную эмблему, нарисованную на их торсе. Секундой позже символ вспыхнул золотым пламенем, и они растворились в черном дыму.

Галаэрон заметил, что, несмотря на кольцо, подаренное ему Вангердагастом, ему самому становится не по себе. Он укрылся за пышной фигурой волшебника.

— Впечатляет. — Он оглянулся назад, ожидая, что те, кто отступил на Край Тени, снова появятся за их спинами. Когда тени остались такими же неподвижными, какими и должны были быть, он сказал:

— Использование тени для проецирования символа предотвращает их побег на край.

Вангердагаст просиял.

— Представь, чему я мог бы научиться, если бы ты действительно продемонстрировал магию теней. Волшебник подошел к передней части фургона и поднял коновязь.

— Помоги мне вытащить это туда где от него будет хоть какая-то польза. Галаэрон перешел на другую сторону и стал давить на перекладину. Фургон был невероятно тяжелым, как будто шар, который он нес, был сделан из золотого металла, а не из золотого света.

— Стрелы Кореллона! — выдохнул он. — А не быстрее ли будет использовать магию?

— Глупо полагаться на магию в том, что твоя сильная спина может сделать лучше — сказал Вангердагаст, хмуро глядя на него через стойку.

— Значит, ты говоришь, что тебе понадобятся заклинания телекинеза позже, — предположил Галаэрон.

— Именно так. — Вангердагаст наклонился к коновязи. — А теперь повернись к нему спиной.

Галаэрон уперся ногами и сделал, как приказал волшебник. Этого усилия было почти достаточно, чтобы заставить его нарушить обещание не использовать магию теней. Пол был скользким от пыли, у порога был небольшой наклон, и битва, бушевавшая во дворе, уже стала отчаянной. Пурпурные Драконы лежали по два-три тела в высоту, и боевым волшебникам Вангердагаста приходилось стоять спина к спине, чтобы не дать нападавшим шадоварам проскользнуть сквозь тени и напасть сзади. Даже тогда шадовары были гораздо более искусны в использовании своей защиты, чтобы остановить заклинания Плетения, чем кормирцы в использовании своей магии, чтобы остановить заклинания тени, и более дюжины боевых магов королевства уже лежали среди павших дракониров. Арис шатался, как пьяный огненный танцор, истекая кровью из дюжины ран, попеременно пытаясь растоптать вражеских воинов или вышвырнуть их за крышу гостиницы.

— Арис! — закричал Галаэрон. — Помоги нам! — Гигант пересек поле битвы широким шагом, разогнав троих воинов-теней взмахом своей большой ноги. Он опустился на одно колено и потянул повозку через порог так быстро, что Галаэруну и Вангердагасту пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не попасть под колеса.

Силуэты глифов старого волшебника танцевали по окружающим стенам меньше секунды, а затем начали останавливаться на своих целях. Слабые крики страдающих шадовар наполнили воздух, затем чаща золотого пламени вспыхнула на другом конце двора, и нападавшие исчезли так же быстро, как и появились. Галаэрон перекатился на колени и обнаружил, что Вангердагаст лежит у противоположного дверного косяка, его грудь вздымается, а лицо искажено болью. Галаэрон мгновенно пришел к худшему из возможных выводов.

— Вангердагаст? — Он перебрался через дверной проем и притянул дородного волшебника к себе на колени. Это было нелегко. — Ты ранен?

— Нет... Просто старею, — простонал старый волшебник. Он потер плечо, затем перевел взгляд с Галаэрона на одного из своих помощников, который подбежал и протянул ему руку. — Насколько плохо?

— Мы потеряли тринадцать боевых магов и большую часть ваших дракониров. Парень обеими руками поднял Вангердагаста на ноги, и широко ухмыльнулся.

— Но вы были правы насчет этих защитных плиток, милорд. Они заманили шадовар через край так же как вы...

— Да, но у нас нет времени на поздравления, — проворчал Вангердагаст, искоса взглянув в сторону Галаэрона. — Давай покончим с этим.

Он потер перстень с печаткой, потом посмотрел в небо и сказал:

— Алусейр, время пришло. Вы на месте?

Волшебник немного помолчал, потом кивнул и снова посмотрел на своего помощника.

— Атака идет по всему городу. Не оставляйте им места, чтобы спрятаться. Снесите любое здание, в которое они войдут, если это необходимо.

— Я передам приказ. — Помощник ответил с поклоном, затем повернулся, чтобы произнести заклинание. В глазах Вангердагаста появилось усталое выражение. Он жестом пригласил Галаэрона следовать за ним и зашаркал к Арису и шару света. Видя, что сражение уже отняло у волшебника больше сил, чем старик хотел признать, Галаэрон протянул руку поддержки ... и не получил отпора.

— Ты это планировал? — спросил он. — Ты выбрал в качестве поля битвы один из своих городов?

— Мы определенно не позволили им застать нас врасплох, если ты об этом подумал, — отрезал Вангердагаст. — Кормир участвовал в нескольких войнах... и выиграл их все.

— Если я недооценил тебя, прошу прощения — сказал Галаэрон, — но все эти разговоры на стене башни...

— Для шпионов — сказал Вангердагаст. — Ты же знаешь, шадовары используют шпионов.

— Я знаю — сказал Галаэрон. — Я думал, ты меня не слушаешь.

Вангердагаст уставился на Галаэрона слезящимся глазом. — А кто сказал, что я слушал?

Галаэрон был слишком ошеломлен, чтобы смеяться. Хотя эвакуация Тилвертона шла полным ходом, он сам видел, что в тот вечер в городе все еще оставались сотни женщин и детей, и план кормирцев рисковал ими всеми. Насколько тяжелыми были уроки, которые они извлекли в своей последней войне против дракона Налаварататорила? Неужели они действительно стали настолько холодными, что сознательно пожертвовали бы столькими, чтобы одержать быструю победу, и спасти еще скольких? Возможно, именно это и требовалось, чтобы победить шадовар и, что более важно, фазриммов.

Они подошли к повозке, и волшебник остановился у колена Ариса.

— Держись поближе, — сказал Вангердагаст. Мне могут понадобиться твои таланты.

Не дожидаясь ответа, Вангердагаст быстро произнес заклинание и поднял руку к небу. Золотой шар взмыл высоко в воздух, его глифы замерли, когда нашли свои первые цели. Грохот битвы за пределами двора не утихал еще мгновение, затем медленно сменил высоту, когда силуэты символов начали брать свое. Колдун склонил голову набок, словно прислушиваясь к далекому голосу, затем передвинул руку на несколько дюймов. Золотая сфера парила в сотне ярдов по небу.

— Пойдем. Нам нужна лучшая точка обзора.

Вангердагаст положил руку на каждого из них, произнес волшебное слово и провел их через темный квадрат волшебной двери. Последовал бесконечный миг

падения, а затем Галаэрон обнаружил, что стоит в ярком золотом свете, чувствуя сильный жар и головокружение, прислушиваясь к звукам битвы далеко внизу.

— Не бойся, что тебя увидят — сказал знакомый голос. — Я наложил пару заклинаний, которые помогут нам спрятаться.

Галаэрон пришел в себя достаточно, чтобы вспомнить, что он был где-то в середине битвы за Тилвертон.

Вангердагаст тряс его за руку и показывал на землю.

— Что это он делает? — Галаэрон посмотрел вниз, *далеко* вниз, и почувствовал такое головокружение, что ему потребовалось мгновение, чтобы найти то, на что указывал волшебник.

Это была темная фигура более чем в ста шагах от башни, где они стояли, глядя на бушующее сражение. Едва видимая под парусиновым навесом таверны во внутреннем дворе, фигура размахивала вытянутыми руками по маленьким окружностям, очевидно призывая черный туман, который поднимался из трещин каменных плит у его ног и выплескивался в Старый Город, к большому смятению и отчаянию отрядов воинов Союза, спешащих по улицам, вымывая шадовар из их укрытий.

— Трудно сказать, не видя, как он произносит заклинание — сказал Галаэрон, — но он, кажется, вызывает теневое вещество.

Вангердагаст поднял бровь. — Теневое вещество?

— Будет ли это сырой...

— Не говори мне! — У Галаэрона появилось дурное предчувствие. — Глифы...

— Не глифы или их силуэты — сказал Вангердагаст, — но сама сфера-это сырая магия.

— А свет? — спросил Галаэрон.

Вангердагаст пожал плечами.

— Не сам по себе, но рожден сырой магией.

— Достаточно близко, — сказал Арис.

Он стоял на коленях по другую сторону от Вангердагаста, опершись локтями о каменные зубцы башни, чтобы снять часть своего веса с крыши.

— Уже есть нарушение.

Он указал на улицу за углом от шадовара, где черный туман выкатывался из тени здания на освещенную шарами улицу, и клубился вокруг голеней роты сембийских наемников, пытавшихся подкрасться к объекту их внимания. Хотя общий шум битвы был слишком громким, чтобы услышать крики, их извивающиеся руки и искаженные позы не оставляли сомнений в ощущаемой боли. На глазах у Галаэрона и остальных, воины погрузились в туман до середины бедер, затем упали ничком и полностью исчезли. Мгновение спустя свет шара Вангердагаста превратил в пепел саму тень. Он опустил на землю, покрывая улицу чернильным пятном темноты, лишенным формы или текстуры, или даже какой-либо видимой субстанции.

Вангердагаст указал на туман и произнес то, что Галаэрон распознал как заклинание магического освобождения. Темное вещество продолжало выкатываться из укрытия шадовара, проплывая по темному пятну и задевая освещенный шаром фундамент особняка на другой стороне улицы. Камень рассыпался, как и ноги

сембийских наемников, и само здание рухнуло в чернильную тьму, которая еще несколько мгновений назад была мощеной улицей.

Оно исчезло, не подняв даже шлейфа пыли. Еще одно здание по другую сторону от заклинателя шадовар рухнуло, а затем в поле зрения появилась рота Пурпурных Драконов с волной теневого вещества, катящегося по улице позади них. Казалось, они будут достаточно быстры, чтобы добраться до безопасного места, пока задние ряды не вскинут руки и не упадут, сбивая тех, кто перед ними, и так далее, пока вся рота не исчезнет. Деревья и здания начали исчезать в расширяющемся круге по мере распространения теневого вещества, сначала создавая кружевные дорожки небытия, где черный туман прокладывал себе путь в освещенные сферами области, а затем, постепенно превращаясь в сплошной диск мрака, когда соседние области были открыты золотому свету. Битва на краю круга становилась все более ожесточенной, пока шадовары и воины Союза боролись за контроль над путями отступления, наполняя сумеречное небо сверкающими молниями и шипящими лучами тьмы. Только внутренний дворик, где стоял сам призыватель тумана, остался нетронутым, открывая огромную фигуру в рогатом шлеме, все еще размахивающую своими вытянутыми руками, призывая еще больше теневого вещества на улицы. Галаэрон сжал руку Вангердагаста.

— Ты разрушаешь город! — Сказал он. — Отмени свое заклинание или, по крайней мере, перенеси его на равнину.

— И позволить шадоварам уничтожить наши армии? — Вангердагаст усмехнулся. — Лучше потерять город, чем королевство.

Галаэрон смотрел на рушащийся город и думал обо всех умирающих воинах, обо всех невинных, которые погибнут, если туман теней продолжит распространяться. Вангердагаст пытался развеять его, но потерпел неудачу. Но Вангердагаст не мог использовать Теневое Плетение, а Галаэрон мог. Какой человек повернется спиной к смерти стольких людей, даже если это будет означать возвращение его теневого «я»? Галаэрон уже однажды оправился от этого, и с Арисом, Вангердагастом и всем королевством Кормир, чтобы поддержать его на этот раз, он, конечно, мог сделать это снова. Даже если бы он не мог, чем он жертвовал на самом деле? Только своей жизнью, а сотни других людей уже сделали это. Галаэрон глубоко вздохнул, затем поднял руки и начал открываться Теневому Плетению, и обнаружил, что большая рука Ариса тянется над Вангердагастом, чтобы стащить его с крыши.

— Галаэрон, ты забываешь о своем обещании.

— Не забываю, — сказал Галаэрон, — но я не могу позволить тысячам людей умереть, пока я ничего не делаю.

— Твоя тень заставила тебя поверить в это, — ответил великан, — но ты прекрасно знаешь, что не можешь рассеять магию кого-то вроде принца Ривалена.

— Это Ривален? — ахнул Вангердагаст.

Арис кивнул. — Я бы узнал это лицо где угодно. Разве ты не видишь его золотых глаз?

Галаэрон ничуть не смутился.

— Я должен попытаться, сказал он. — Если есть хоть малейший шанс спасти Тилвертон.

— Нет, и ты это знаешь, — сказал Арис, — но выбор должен быть за тобой, иначе твоя тень уже победила.

Он поставил Галаэрона на крышу рядом с Вангердагастом. Галаэрон наблюдал, как еще один особняк рухнул в небытие, а затем золотое пламя дюжины воинов Шадовар превратилось в пепел под светом искусственного солнца боевых магов.

Вангердагаст посмотрел на улицу вниз.

— Туман идет сюда — заметил он. — Наша башня скоро растворится.

Галаэрон начал опускать руки, но тут же почувствовал такой укол вины, что понял: он не сможет жить в ладу с собой, если просто позволит всем этим невинным людям умереть.

— Я должен попытаться.

— Нет, не должен. — На этот раз именно Вангердагаст сбил Галаэрона с ног. — Ты не ровня Ривалену, и мы оба это знаем.

— Но...

— Есть и другие способы, — сказал Вангердагаст. В выражении его лица было что-то непривычное для волшебника, что-то печальное и сокрушенное, почти доброе.

— Если ты собираешься расстаться с жизнью, по крайней мере, сделай это с умом.

Он положил руку Галаэрона на его меч, затем жестом приказал ему подождать и посмотрел в небо.

— Калэдней, ты мне нужна. Мы на Башне Вонда.

— Едва Вангердагаст закончил, как воздух зашипел от ее появления.

— Дорогая, почему ты так долго? — усмехнулся Вангердагаст.

Пока волшебница пыталась прийти в себя, он положил ее руку на колено Ариса.

— Возьми великана и отправляйся к Алусейр. Если этот теневой туман не прекратит расширяться в ближайшие несколько минут, ты должна подать сигнал к отступлению, а затем телепортироваться в безопасное место вместе с принцессой и всеми остальными, кого сможешь взять.

Глаза Калэдней оставались пустыми.

— Туман? Отступление?

— Я понимаю, — сказал Арис. Он хлопнул Галаэрона по плечу своей большой ладонью. — Пока мечи не разойдутся, друг мой. Удачи.

— Удачи? — спросил Галаэрон. — В чем?

— Это мы решим позже, — сказал Вангердагаст, беря его за руку. — Просто держи меч наготове и начинай рубить, когда мы туда доберемся.

Волшебник произнес таинственное слово, и Галаэрон снова ощутил безграничное падение телепортации. Он уже почти привык к этому ощущению, но это не сделало последствие менее дезориентирующим, когда его желудок наконец вернулся на свое место. Земля под ногами казалась зыбкой и податливой, словно он стоял на мягкой человеческой кровати, а не на улице или полу.

— *Резь!*

В голове Галаэрона раздался голос Вангердагаста. Он почувствовал, как земля подпрыгнула под ним, когда старый волшебник заковылял прочь. Он смутно помнил, что они были в каком-то сражении и что его последняя инструкция перед телепортом состояла в том, чтобы начать резать, поэтому он воткнул меч в во что-то мягкое под сапогами и разрезал.

Громкий треск раздался между его ног, и он обнаружил, что его желудок снова перевернулся, на этот раз более нормально, когда он нырнул через брезентовый навес. Что-то острое пронзило кольчугу на его ноге и глубоко вонзилось в бедро, посылая огненную агонию, пронзившую его тело.

Какое-то мгновение он висел высоко под навесом, пока то, на что он приземлился, не перевернулось и с грохотом не упало на деревянный стол.

Хриплый голос кричал в агонии. Острые вырвалось из бедра Галаэрона. Он упал со стола на твердый каменный пол, затем перекатился на колени и обнаружил, что смотрит поверх стола на громадного шадовара, держащего в руках рогатый шлем.

— Эльф! – сказал Ривален, отбрасывая шлем в сторону. — Я подумал, что нам уже пора искать тебя в Сюзейле.

— Вот и я. — Галаэрон поднялся из-за стола и, взглянув на широкую полосу света, разделявшую их, попытался казаться уверенным. — Все, что тебе нужно сделать, это подойти и забрать меня.

Ривален взглянул в дыру в балдахине.

— Да, я уверен, что тебе это понравится, — Он улыбнулся, затем посмотрел через плечо Галаэрона. — Думаю, это сделают мои охранники. Схватить его!

С замиранием сердца от внезапного шума, раздавшегося с края патио позади него, Галаэрон перепрыгнул через стол в полосу света от шара, приземлившись так, что принц оказался на одном фланге, а приближающиеся телохранители – на другом. Конечно, там были телохранители.

Там всегда была охрана. Гадая, почему Вангердагаст так долго не появлялся, Галаэрон взглянул на разорванный навес. У него был шанс прыгнуть достаточно высоко, чтобы ухватиться за него и выбраться в безопасное место, но с одной раненой ногой, не так уж много.

— Не дайте ему уйти! — приказал Ривален, шагнув вперед со своей стороны, очевидно, не подозревая, что Галаэрон пришел с компанией. По крайней мере, эта часть плана Вангердагаста сработала.

— Возьмите его сейчас же!

Телохранители, уже несшиеся через внутренний дворик, начали опрокидывать столы и пинать стулья. Галаэрон подпрыгнул как можно выше и рубанул по разорванному краю навеса. полотно, уже ослабленное его первым разрезом, расплзлось по всей длине. Больше шадовар, чем Галаэрон мог сосчитать за один взгляд, взвыло от боли, когда свет шара пролился сквозь них и зафиксировал их силуэтом глифа смерти. Те, что были ближе всего к стенам таверны, повернулись и нырнули в тень, их тела взрывались брызгами золотого пламени, когда они кувыркалились через окна. Остальные погибли на месте, поджигая деревянные стулья и столы. Галаэрон развернулся к солнечному свету и поднял меч в защитной позиции. Где, черт возьми, Вангердагаст?

Ривален остановился на безопасном расстоянии под оставшейся половиной навеса, его золотистые глаза горели почти белым гневом.

— Довольно, предатель. Ты бросишь свой меч и придешь ко мне.

Он указал пальцем на дальний край патио позади Галаэрона и произнес слово приказа, затем продолжил:

— Или ты погибнешь вместе со своими друзьями.

Галаэрон оглянулся через плечо и увидел шлейф теней, поднимающийся из угла патио, все еще затененного болтающимся лоскутом порванного навеса. Оно медленно растекалось по каменным плитам навстречу ему, неуклонно приближая прилив забвения. Он снова посмотрел на принца.

— Ты не посмеешь, — сказал Галаэрон, стараясь говорить уверенно. — Высочайший...

Его прервало внезапное извержение из груди Ривалена. Галаэрон быстро отскочил в сторону, когда мимо пронеслись остатки пурпурного луча смерти, затем оглянулся и увидел тело принца, рухнувшее на пол, и Вангердагаста, стоящего позади него с десятью дымящимися кончиками пальцев. Галаэрон шагнул в безопасную тень навеса.

— Ты слишком долго — сказал он.

— Я стар, — ответил Вангердагаст, и это было слышно в голосе. Его взгляд был прикован к дальнему углу внутреннего дворика, где из трещины, которую Ривален открыл в плоскости теней, продолжали сыпаться струйки теневого вещества.

— Я думал, это прекратится, когда он умрет. Галаэрон нахмурился, потом посмотрел вниз и обнаружил, что от Ривалена остался только длинный черный позвоночник и черное сердце, бьющееся в сломанной клетке из черных ребер. К его ужасу, этот страшный остов перевернулся на спину и поднялся в направлении волшебника.

— Вангердагаст, следи за...

Останки принца – если это были они – бросились на колдуна. На ключице Вангердагаста появилась глубокая рана, и из раны большими красными дугами хлынула кровь. Вангердагаст вскрикнул от боли и отшатнулся, одна рука потрескивала огнем, а другая – молнией. Галаэрон бросился в атаку, вонзив меч в эбеновый хребет с такой силой, что с него свалился довольно большой кусок. Кость даже не треснула, хотя ребра слегка повернулись, когда невидимый каблук врезался ему в живот. Он согнулся пополам и упал назад, его меч отлетел, когда воздух покинул легкие. Он рухнул прямо за тенью навеса, менее чем на расстоянии вытянутой руки от наступающего края забвения. За его спиной дальняя стена патио рухнула и исчезла в темноте.

Вангердагаст вытянул вперед руку и вонзил молнию в темное сердце. Оно перестало биться, но только до тех пор, пока продолжалась молния. На плаще колдуна открылась красная рана, и из нее брызнула кровь в форме меча.

Вангердагаст взревел – скорее от ярости, чем от боли – и наполнил клетку из черных ребер магическим огнем. Голова волшебника дернулась в сторону. Руки Вангердагаста упали по бокам, и Галаэрон, уже бросившийся в бой с обнаженным кинжалом, закричал. Ребра наполовину повернулись к нему, и на мгновение золотые глаза Ривалена появились в воздухе над извивающимися позвонками шеи. Усталые руки Вангердагаста поднялись, обхватили костлявое тело, и он произнес знакомое командное слово. Они исчезли в шипении телепорта.

И хриплый голос Ривалена разразился страданием в освещенном

шаром патио. Галаэрон обернулся и увидел, что принц – или, скорее, ребра и сердце принца – вспыхнули золотым пламенем, когда Вангердагаст попытался столкнуть черную тварь в чернильную тьму, ползущую к ним обоим. Галаэрон был

там в прыжке, пятками вперед, чтобы пнуть Ривалена через край. Ребра и сердце исчезли, пылая, в черном небытии – и Вангердагаст бросился за ними, внезапно перевернувшись на спину, вытянув рукав над головой в темноту. Галаэрон приземлился рядом с ним, повернувшись не в ту сторону, но схватил мага за пояс, подтянулся и разрубил наручник. Вангердагаст издал болезненный вздох и отдернул руку.

От неё остались только лохмотья: большой палец и маленький кусочек плоти, соединяющий его с запястьем. Остального просто не было, как будто оно стало невидимым или потерялось от укуса какого-то очень странного существа. Соседняя стена таверны рухнула в небытие, оставив только угол с фонтаном теней, стоящим вертикально. Галаэрон затащил Вангердагаста обратно под навес и принялся рыться в карманах плаща волшебника.

— У тебя есть какие-нибудь целебные зелья? — спросил Галаэрон, отбрасывая в сторону перья и сумки, полные железных опилок.

С запавшими глазами и кожей, серой, как снежное облако, волшебник выглядел так, словно уже умер. Галаэрон видел по крайней мере две опасные для жизни раны и подозревал, что есть и другие, о которых он даже не догадывался.

— Как нам помочь? — спросил Галаэрон.

Взгляд Вангердагаста стал пустым и скользнул в сторону.

— Вангердагаст? — Галаэрон приложил ухо к губам колдуна и с облегчением услышал тихое, ровное сопение.

— Вангердагаст?

Когда волшебник так и не ответил, Галаэрон остановил кровотечение, как только мог, затем встал на стол, чтобы искать помощи. Он не был удивлен, обнаружив, что сражение уже закончилось – магия катастроф имела свойство быстро заканчивать сражения, – но он был поражен масштабом разрушений.

Большая часть Тилвертона – весь Старый Город под ним и остальная часть города за дорогой Лунного Моря – уже лежала под морем теней, и пятно продолжало распространяться. Большая Башня Совета в центре города погружалась в забвение, и он слышал, как воины с обеих сторон кричали друг другу на темных улицах, все больше озабоченные спасением своих жизней, чем чьих-либо еще. Галаэрон не мог сказать, удалось ли леди регенту Рованмантл эвакуировать остальных своих граждан, но отсутствие голосов матрон и рыдающих детей он счел хорошим знаком – одним из немногих за этот день.

Не найдя там никакой возможности помочь, Галаэрон спрыгнул вниз и направился к верхней стороне патио. Сцена там была почти такой же, как внизу, за исключением того, что большая часть теневого вещества скатилась вниз по склону в нижний город, пощадив большую часть Района Холмов, зубчатые руины Дворца Тилвера и длинный участок стены. Именно там, на вершине одной из еще не достроенных стеновых башен, он нашел их спасение.

На вершине одного из шпилей, не более чем в двухстах шагах от него, стояла фигура Ариса, освещенная желтым светом шара Вангердагаста, одна рука была поднята ко лбу, когда он осматривал город. Галаэрон подошел как можно ближе к краю навеса и помахал рукой. На мгновение ответа не последовало, и он начал опасаться, что даже острое зрение каменного гиганта не сможет разглядеть его под

навесом. Когда Арис указал в его сторону, Галаэрон понял, что они спасены. Он подождал пару мгновений, пока великан помашет ему в ответ, затем спрыгнул со стола, чтобы вернуться к Вангердагасту—и обнаружил, что Калэдней уже стоит на коленях и по капле вливает в горло волшебника целебное зелье. Когда Галаэрон, прихрамывая, подошел к ней, она подняла на него сердитый взгляд.

— Когда тебе понадобится помощь, позови через него, — она указала подбородком на кольцо, которое дал ему Вангердагаст. — Для этого и существует пурпурный дракон.

— Что, во имя всех богов дроу, — требовательно спросила Стальной Регент, расхаживая взад и вперед перед Галаэроном, — ты сделал с моим Королевским Магом?

Уже почти рассвело, и они стояли лагерем – на самом деле прятались – с остатками армий Союза Сердцеземья, в миле от того, что когда-то было Тилвертоном. Вещество Тени поглотило город почти полностью, распространившись далеко за стены, чтобы поглотить даже отдаленные загоны для скота и стоянки караванов. Все, что осталось от города, – это стена на вершине района холма и зубчатые руины дворца Тилвера, теперь снова освещенные сферой магического шара Вангердагаста.

Алусейр махнула рукой в сторону золотого шара.

— Он не хочет смотреть ни на что, кроме этого проклятого шара, и все время спрашивает, победили ли мы. Что я ему скажу? Что мы победили, потому что у нас было больше выживших, чем у шадовар? Или что мы проиграли, потому что потеряли всю нашу армию? Как мне вытащить его из этого?

— Скажите ему правду, — предложил Галаэрон. — Скажите ему, что никто не выиграл.

— Это не было бы правдой — сказал Арис.

Алусейр повернулась к сидящему гиганту и, несмотря на то, что ей пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть его лицо, каким-то образом все еще казалось, что она смотрит ему прямо в глаза.

— Ты хочешь сказать, что шейды победили? — спросила она.

— Потому что я знаю, что *мы* этого не сделали. Нет, если мы потеряли Вангердагаста.

— Я говорю, что фаэриммы победили, ответил гигант. — Они все еще контролируют Эвереску, и теперь они скоро будут свободны. И без того грозное лицо Алусейр стало совершенно яростным.

— Благодарю вас за то, что вы сделали невыносимую потерю еще хуже.

Она повернулась к Галаэрону.

— Это твоих рук дело, эльф. Неужели Вангердагаст лучше разбирался в теневой магии?

— Он поступил бы точно так же, ваше величество — сказала Калэдней, вставая на защиту Галаэрона. — Вы можете попросить воина отдать за вас свою жизнь, но не душу.

— У эльфов нет души — парировала Алусейр, — но я понимаю, что ты имеешь в виду. Она искоса взглянула в сторону Галаэрона. — Это единственное оправдание, которое ты получишь, эльф.

— И это больше, чем требуется, — ответил Галаэрон. — Все, о чем я прошу, — это позволить мне помочь, когда вы нападете.

— Мы все еще думаем о Вале, не так ли? — спросила Алусейр.

Галаэрон кивнул.

— Всегда.

Правда заключалась в том, что с тех пор, как он сбежал из Тилвертона, он не мог думать ни о чем, кроме того существа которое убил Вангердагаст, задаваясь вопросом, был ли Эсканор чем-то похожим, и о том, что Вала должна была страдать, служа такому существу. Как бы ни была велика ее боль, каким бы ни было ее унижение, он был виноват. Он позволил своей теневой сущности прогнать ее, и именно из-за его слабости – *этой* слабости – она была заключена во дворце Эсканора.

— Я должен за многое ответить, — добавил Галаэрон. Выражение лица Алусейр стало почти сестринским.

— Как и все мы, Галаэрон.

Она потянулась и сжала его руку, затем повернулась лицом к Тилвертону, где шар Вангердагаста только что скрылся за стеной района Холмов.

— Как и все мы.

Когда шар исчез из поля зрения, по равнине прокатился ужасный грохот, сотрясая землю так сильно, что раненые – те немногие, кого им удалось эвакуировать – начали стонать. Сияние над Тилвертоном на мгновение потемнело, затем вернулось взрывающимся веером золотистого света.

С этими словами Вангердагаст поднялся и встал во весь рост, выглядя таким же царственным, могущественным и по-настоящему пугающим, каким могучего волшебника Галаэрон узнал – и, возможно, даже полюбил – за свое короткое время в Кормире.

— К оружию! — голос Вангердагаста прогремел над равниной. — Призовите моих Боевых Волшебников! Зовите Пурпурных Драконов! Азун зовет, и мы едем – за королем и Кормиром!

Алусейр и Калэдней почти мгновенно оказались рядом с волшебником, взяв его за руки и успокаивая нежными словами. Галаэрон не расслышал, о чем именно они говорили, потому что его внимание было приковано к Тилвертону, где весь Район Холмов быстро погружался в темную равнину, унося с собой последние горькие напоминания о Союзе Сердцеземья – и все надежды Фазруна на сезон без голода.

Вскоре от города остались лишь подсвеченные сзади развалины Дворца Тилвера, окруженные горами темных обломков поменьше. Последние лучи света Вангердагаста побледнели до темноты, и в конце концов даже они исчезли.

